

С первенцем —  
сыном Алешей.  
Быхов. 1974 г.



Делегация юристов СССР на приеме в Верховном Суде Японии.  
Токио. 1984 г. В центре — Гарри Погоняйло



Супруга  
Зинаида Григорьевна  
с дочерью Еленой.  
Минск. 1981 г.



Члены Белорусского Хельсинкского Комитета после наблюдения  
за массовой акцией 30 сентября 1999 г. Среди партнеров из Швеции  
третий слева — Валерий Костко, за ним — Татьяна Протько, Гарри Погоняйло,  
Дмитрий Маркушевский, Олег Гулак. Фото Ю. Дединкина



За несколько дней до исчезновения Тамары Винниковой в ее квартире в Минске, где она находилась под домашним арестом. 1999 г.  
Слева направо: Валерий Костко, Гарри Погоняйло, Тамара Винникова, Олег Гулак



С членами БХК Ларисой и Андреем Атаманчуками.  
1998 г.



Члены БХК с правозащитниками из России и Украины после завершения международной конференции. Конец 1990-х гг.



На международной конференции в Кишинэу (Молдова).  
Март 1999 г.



Во время демонстрации в Минске.  
Осень 1999 г.



Со шведской фотожурналисткой Марией Сёдерберг на выставке,  
посвященной родным политзаключенных и исчезнувших политиков.  
Национальный художественный музей Республики Беларусь. Февраль 2001 г.



Семинар со шведскими партнерами. Глубокое Витебской области.  
Начало 2000-х гг.



На международной конференции 2002 г.  
Слева направо: Владимир Вайсман (Дания) — координатор  
Международной Хельсинкской Федерации, Аарон Роудз (Австрия) —  
исполнительный директор Международной Хельсинкской Федерации,  
Гарри Погоняйло



Члены центрального офиса БХК во время празднования 60-летия Гарри Погоняйло у него дома. 14 октября 2003 г.



На встрече депутата Палаты представителей Национального собрания генерала В. Д. Фролова с общественностью Витебска. 2004 г.



На похоронах Василя Быкова. 2003 г.



Во время незаконного изъятия компьютеров из автомобиля бизнесмена Б., куда прибыли правозащитники. В центре — майор КГБ, который в милицйском протоколе значится как случайный прохожий, оказавшийся на месте задержания и досмотра автомобиля. На заднем плане — Владимир Лобкович («Вясна-96»). Сотрудники ГАИ и автоматчики спецназа в объектив не попали. Минск. 2008 г.



В перерыве  
конференции.  
Минск. 2013 г.

## ДЕЛО СЛАВОМИРА АДАМОВИЧА

ЛІТАРАТУРНАЯ ЭКСПЕРТЫЗА ВЕРШАЎ «УБЕЙ ПРЕЗИДЕНТА»  
І «СТИШОК О НАШЕМ КОНОКРАДЕ» СЛАВАМІРА АДАМОВІЧА

Загачыку юрыдычнай кансультацыі  
Савецкага раёна г. Мінска  
Паганяйла Г. П.  
220005, г. Мінск,  
пр-т Скарыны, 44  
Рагуля Аляксей Уладзіміравіч,  
член Саюза пісьменнікаў Беларусі,  
кандыдат філалагічных навук,  
прафесар Белдзяржуніверсітэта  
імя Максіма Танка [...]

### Шаноўны спадар Паганяйла Г. П.!

У адказ на Вашую прапанову выказаць сваю думку аб вершах Славаміра Адамовіча «Убей президента» і «Стишок о нашем конокраде» паведамляю наступнае.

Названыя творы напісаны ў жанры лірыка-публіцыстычнага верша. Іх змест не можа быць раскрыты пры дапамозе прыёмаў, прыдатных для дакументалістыкі ці нарыса. Умоўны вобраз «сволочи, которая так гнусно топорщит усы над нашими всё же просторами, над ликом родимой красоты», не можа быць атаясамляны з якой-небудзь канкрэтнай асобай хаця б па той прычыне, што колер вусоў у персанажа застаўся невызначаны: чорныя яны, рыжыя ці «пшанічныя» — засталася невядомым. А гэта значыць, што канкрэтнага ўласніка няпэўных вусаў у творы, па сутнасці, няма. Яго можна дамысліваць ці ўяўляць кожнаму на свой густ. Паколькі ж ён існуе дзесьці «над просторами», то і наогул няма падстаў лічыць гэты вобраз антрапаморфным. Тут мы маем выпадак з міфічнай істотай, неантрапаморфным вобразам — з'явай міфалагізацыі, не ўласцівай сацыяльна-бытавому рэалізму наогул. Перад намі з'ява выкарыстання ўмоўнай вобразнасці ў мэтах самавыражэння. Умоўнасць сітуацыі пацверджана і ў канцы верша — сумарным вобразам нейкіх «усатых саш», мастацкая прырода якіх аналагічная пашыраным у бытавым фальклоры безаблічным вобразам «Шурыкаў», «Васяў», «Іванаў». Дзейнасць іх таксама можа быць пашырана на тэрыторыі ўсёй Беларусі і за яе межамі. Для гэтага не абавязкова быць якім-небудзь прэзідэнтам, можна заставацца, напрыклад, звычайным перакупшчыкам-«чаўнаком». Пошукі рэальнага адпаведніка мастацкаму вобразу ў дадзенай сітуацыі былі б такой жа бяссэнсцай, як



На отдыхе в Италии. 2013 г.

і спробы ідэнтыфікаваць вобразы вусатых садыстаў Бармалея, Тараканішча ці Рака-вусача з казак А. Талстога, К. Чукоўскага, Я. Коласа, напрыклад, з асобай Сталіна ці якога-небудзь меншага рангам вусача.

Нельга таксама літаральна разумець і заклік «убить эту сволочь». А. Чэхаў заклікаў рускага чалавека задушыць у сабе раба, але, на шчасце, нікому з яго чытачоў не прыйшла ў галаву думка абвінаваціць пісьменніка ў прапагандзе суіцыду. «Хочу, но не смею убить» — лейтматыў многіх вершаў рускіх сімвалістаў, але іх ніхто ніколі не абвінавачваў у прапагандзе тэрарыстычнага акту супраць канкрэтнай асобы. Гаворка ў такіх выпадках можа ісці толькі пра топас, троп — характэрны для лірычнай паэзіі ўмоўны спосаб самавыражэння. Пытанне аб тым, як падобныя вобразы ўплываюць на ўзровень грамадскай маралі, зразумела, застаецца акутальным, але гэта прадмет даследавання ў іншай сферы — сацыялогіі, культуры, але і тут пераход з абагулена-ўмоўнай сітуацыі на канкрэтныя асобы быў бы неапраўданы. Вядомы лінгвіст і літаратуразнавец Г. Вінакур папярэджаў, што «действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле» (Избр. работы по русск. яз. М., 1959. С. 390). «Образ “степь широкая” или “синее море”, — читаем у “Краткой литературной энциклопедии”, — это новые предметы, несуществовавшие в природе и созданные человеком-художником» (Т. 5. М., 1968. С. 367).

У свой час Дастаеўскі стварыў вобраз «Вялікага інквізітара», В. Дунін-Марцінкевіч — вобраз «найяснейшай кароны» — таксама з пагрозліва ўзнятым уверх вусам, К. Чорны — вобраз «вялікага злодзея», К. Крапіва — «свінячага маманта». Гэта — асацыятыўныя вобразы-алюзіі, але цензары і ідэолагі мінулых часоў валодалі ўзроўнем эстэтычнай падрыхтоўкі, дастатковым для таго, каб не траціць марна час на ідэнтыфікацыю ўмоўна-сатырычных вобразаў з канкрэтнай асобай і не даваць падстаў для чарговага ганьбавання «высочайшага имени».

Адзначаная вышэй жанрава-стылёвая спецыфіка вершаў Славаміра Адамовіча характарызуе іх як творы ўмоўнай вобразнай структуры, персанажы якіх не могуць быць ідэнтыфікаваны з якой-небудзь канкрэтнай асобай.

*А. У. Рагуля,*  
член Саюза пісьменнікаў,  
прафесар БДПУ імя Максіма Танка,  
стаж педагогічна-літаратурнай работы  
з 1957 года.

*Машинопись. Копия с печатью Белорусского государственного университета имени Максима Танка. Подпись — автограф. Архив Г. Погоняйло.*

В Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь защитника — адвоката Погоняйло Г. П. 220005, г. Минск, пр. Ф. Скорины, 44, ЮК Советского р-на в интересах обвиняемого Адамовича С. Г., содержащегося под стражей СИЗО УВД Витебского облисполкома, на частный протест прокурора Витебской области на определение распорядительного заседания Судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда от 3.09.1996 г.

22.08.1996 г.

#### ВОЗРАЖЕНИЯ

Протест подлежит отклонению по следующим основаниям.

1. Привлечение специалистов или проведение литературоведческой экспертизы по данному делу является обязательным условием объективного и законного разрешения дела в части обвинения за написание С. Адамовичем стихотворения «Убий президента», а также за его распространение обвиняемыми Хамайдо и Плещенковым, в котором по выводу следствия содержится публичный призыв к убийству Президента Республики Беларусь.

Следует иметь в виду, что перед нами художественное произведение, как это обоснованно отмечено в определении распорядительного заседания судебной коллегии. При его написании автор использовал соответствующие литературные приемы: мифологизацию, условную образность, сравнения, аллюзии (намекы) на некоторые политические реалии и т. д., известные, в общем-то, каждому школьнику после изучения предмета литературы.

В самом стихотворении нет конкретного указания на Президента Республики Беларусь Лукашенко А. Г., созданный в нем образ президента (в стихотворении это слово написано с маленькой буквы) является типизированным, сборным, а не реальным. Идентифицировать его с личностью А. Г. Лукашенко невозможно. Однако для оценки и идентификации созданного поэтом литературного образа с реальным главой нашего государства и разрешения вопроса, содержится ли в стихотворении призыв к совершению террористического акта, нужны специальные познания в области литературоведения. В данном случае не следует полагаться на обывательское восприятие этого творческого произведения, продемонстрированное должностными лицами

Генпрокуратуры, возбудившими настоящее уголовное дело и утвердившими обвинительное заключение.

2. В соответствии со ст. 12 УПК судопроизводство Республики Беларусь ведется на белорусском или русском языках или на языке большинства населения данной местности.

Можно допустить, что обвиняемые Адамович, Хамайдо, Плещенков владеют в одинаковой степени как белорусским, так и русским языками, как это указывается в протесте. Однако в соответствии с установленным порядком право выбора языка, на котором обвиняемые желают давать показания, принадлежит им, а не должностным лицам, отправляющим судопроизводство.

Обвиняемые давали показания следователю на белорусском языке, он же, вопреки требованиям закона, вносил записи в протоколы допроса в переводе на русский язык и, таким образом, соединил в одном лице функции следователя и переводчика, чем нарушил не только ст. 12, 27, 47, 131 УПК, на которые сослался суд, но и ст. 1, 14, 29, 129, 138 УПК РБ.

Грубое нарушение порядка судопроизводства, установленного уголовно-процессуальными законами, приведшее к ущемлению права обвиняемого на защиту, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 10.12.1993 г. № 11 «О практике применения законов, обеспечивающих право на защиту в уголовном процессе» является существенным нарушением и влечет направление дела на дополнительное расследование (пп. 4, 13).

3. Аналогичным образом следует оценивать как существенное нарушение уголовно-процессуального закона невыяснение следователем, не являлся ли имевший место отказ от защитника, заявленный обвиняемым Плещенковым, вынужденным ввиду отсутствия средств на оплату труда адвоката или по иным причинам. Рассмотрев заявление Плещенкова о том, что он отказывается от защитника из-за отсутствия денежных средств (т. 4, л. д. 101), следователь, руководствуясь ст. 14, 50, 51 УПК, обязан был назначить защитника через коллегия адвокатов. При этом следовало бы обсудить и наличие обстоятельств, указанных в п. 3 ст. 51 УПК, так как обвиняемый Адамович при производстве предварительного следствия имел защитника с момента предъявления обвинения.

Изложенные данные свидетельствуют о необоснованности принесенного частного протеста, и он подлежит в соответствии со ст. 340, 347, 351, 353 УПК оставлению без удовлетворения, о чем я и прошу.

Готовясь к судебному разбирательству по настоящему делу, защита в точном соответствии с Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре» (ст. 17) обратилась с запросом к ведущим литературоведам Республики Беларусь [Рагуля А. В., профессор БГПУ им. Танка, член Союза писателей, Тычина М. А.,

завотдела Института литературы им. Я. Купалы АНБ, кандидат филологических наук, член Союза писателей Беларуси, Язеп Янушкевич, старший научный сотрудник Института литературы им. Я. Купалы АНБ, кандидат филологических наук, член Союза писателей Беларуси, лауреат литературных премий журнала «Польмя», «Маладосць» (1994 г.), Васюченко П. В., старший научный сотрудник Института литературы им. Я. Купалы АНБ, кандидат филологических наук] дать заключение по следующим вопросам:

1) является ли стихотворение С. Адамовича «Убей президента», опубликованное в газете «Выбор» (издатель — частный предприниматель Хамайдо Б. Х.) произведением литературы, какие художественные (литературные) приемы в нем использованы?

2) можно ли идентифицировать образ президента, созданный в стихотворении С. Адамовича «Убей президент», с образом Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко?

3) позволяет ли анализ данного художественного произведения прийти к выводу о том, что в нем содержится публичный призыв к совершению террористического акта в отношении главы государства Республики Беларусь — Президента А. Г. Лукашенко («убей эту сволочь, которая так гнусно топорщит усы... чем можешь убей, не раздумывай, возьми автомат иль топор, раскрой эту голову “умную” и выбрось в клоаку, как сор!.. убей авторучкою, иль зонтиком, или “пером”, иль вовсе ма-а-аленькой штучкою, подброшенной в терпкий ром...»)?

Ведущие специалисты в области литературоведения, анализируя содержание данного стихотворения, каждый порознь, независимо друг от друга дали заключения о том, что стихотворение С. Адамовича «Убей президента» является литературным произведением, написанным в жанре лирико-публицистического стихотворения, стилистическая специфика которого характеризует его как произведение условной образной структуры, персонажи, выведенные в стихотворении, не могут быть идентифицированы вообще с какой-либо конкретной личностью, тем более с Президентом Республики Беларусь Лукашенко А. Г.

Текст стихотворения «Убей президента» не содержит призыва к совершению террористического акта в отношении высшего должностного лица государства — Президента А. Г. Лукашенко.

Литературоведы в своих заключениях обоснованно указывают на то, что история БССР и Республики Беларусь не зафиксировала (за исключением периода сталинских репрессий) случаев уголовного преследования за написание литературно-художественных произведений. Судить поэта за стихотворение — дело недемократичное, антигуманное, антинародное. Для этого

существует литературная критика — это ее непосредственная обязанность и общественный долг.

Я глубоко убежден в том, что мой подзащитный Славомир Адамович, как, впрочем, и другие обвиняемые по настоящему делу, не совершил преступлений, которые ему инкриминируют, и собираюсь это доказать в открытом и правом суде.

Мне представляется, что кто-то из больно ретивых фактом возбуждения данного дела, уголовного преследования поэта, в очередной раз скомпрометировал государственные институты власти республики, лично Президента А. Г. Лукашенко и нашу уголовную юстицию.

С учетом изложенных обстоятельств и принимая во внимание, что санкции статей, вмененных моему подзащитному, предусматривают, наряду с лишением свободы, иные меры наказания, не связанные с содержанием под стражей, с учетом того, что мой подзащитный, молодой поэт Славомир Адамович, впервые привлекается к уголовной ответственности, с учетом состояния его здоровья, просьбы его престарелой матери я прошу Судебную коллегия Верховного Суда изменить Адамовичу на период дополнительного следствия меру пресечения на иную, не связанную с содержанием под стражей. Ваше положительное решение в этой части будет воспринято общественностью как акт справедливости, законности и гуманности.

Защитник

*Г. П. Погоняйло*

*Машинопись. Завизированная копия. Архив Г. Погоняйло.*

## ЗАЯВЛЕНИЕ РУССКОГО ПЕН-ЦЕНТРА

Всемирная организация писателей  
Русский ПЕН-центр  
в Витебский областной суд

От имени и по поручению писателей Русского ПЕН-центра, международной организации по защите прав писателей и журналистов, выражаем свой протест по поводу суда над поэтом Славомиром Адамовичем, который вот уже почти год содержится в заключении КГБ Беларуси. Прежде чем писать сей протест, мы ознакомились с произведением, за которое судят поэта.

Мы считаем, что в стихотворении «Убей президента» нет призыва к конкретному действию против конкретного лица и все стихотворение написано в стиле гротеска, поэтического перформанса. В конце 20-го столетия пора наконец понять, что художественное слово, поэтический образ не может быть поводом для преследования писателя или поэта.

В связи с этим мы полагаем, что нарушено одно из основных прав и свобод человека — право на свободу слова и самовыражения. Мы категорически настаиваем на прекращении уголовного дела против Славомира Адамовича и считаем, что этот позорный процесс полностью дискредитирует судебную власть Беларуси перед лицом международной общественности. Мы сделаем все, чтобы предать международной огласке дело суда над поэтом, и будем путем обращения к международной общественности и организациям добиваться его освобождения и прекращения дела.

С уважением,

*Дмитрий Лихачев, Андрей Битов, Андрей Вознесенский, Лев Разгон, Белла Ахмадулина, Татьяна Бек, Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Анатолий Приставкин, Александр Ткаченко, Юнна Мориц, Константин Кедров, Ядгар Обид, Аркадий Ваксберг.*

*Машинопись. Копия. Подписи — автограф. Архив Г. Погоняйло. Опубликовано: Писатели России в защиту Славомира Адамовича // Свобода. 1997. 14 студз.*



**ДЕЛО ТАМАРЫ ВИННИКОВОЙ**

Суду Центрального района г. Минска  
защитников обвиняемой  
Винниковой Тамары Дмитриевны  
адвокатов Ульяшиной Людмилы Витольдовны,  
ЮК Центрального района,  
220029, Минск, ул. Богдановича, 23  
Погоняйло Гарри Петровича,  
Пыльченко Александра Владимировича,  
ЮК Советского района,  
220005 Минск, пр. Скорины, 44

**ЖАЛОБА****на продление срока содержания под стражей**

13 июня 1997 г. старшим следователем по особо важным делам Прокуратуры Республики Беларусь Редько П. С. вынесено постановление о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемой Винниковой Тамары Дмитриевны. Заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь продлил срок содержания обвиняемой под стражей до 31 декабря 1997 г.

Постановление вынесено с нарушением закона, решение о продлении срока содержания под стражей является неосновательным.

1. Винникова Т. Д. содержится под стражей с 14 января 1997 г. на основании постановления о применении в отношении подозреваемой Винниковой Т. Д. меры пресечения в виде заключения под стражу.

При обжаловании постановления в суд судом было установлено, что «...в нарушение ст. 85 ч. 1 УПК Республики Беларусь в постановлении о применении в отношении подозреваемой меры пресечения в виде заключения под стражу от 14 января 1997 г. не указаны исключительные обстоятельства и основания применения указанной меры пресечения».

Несмотря на нарушения закона, допущенные при применении меры пресечения в отношении обвиняемой Винниковой Т. Д., прокуратура, в лице старшего следователя по особо важным делам и заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь, нарушения не устранила, меру пресечения не изменила, а, напротив, по истечении срока содержания под стражей, установленного постановлением от 14 января 1996 г., продлила срок содержания под стражей: в первый раз — до 14 июня 1997 г., во второй раз — до 31 декабря 1997 г.

Таким образом, закон продолжает нарушаться, Винникова Т. Д. содержится под стражей на основании процессуальных документов, не соответствующих требованиям ст. 85, 87 УПК РБ.

2. В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК Республики Беларусь срок содержания

под стражей может быть продлен в случае невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения. Мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает дальнейшая необходимость (ст. 98 УПК). Обоснование необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу производится в соответствии со ст. 84, 85, 87, 91 УПК и должно содержаться в постановлении об аресте. Постановление от 14 января 1997 г. такого обоснования не имеет.

В связи с тем, что процессуальный документ следствия о применении меры пресечения не имеет обоснования необходимости содержания под стражей обвиняемой Винниковой Т. Д., продление такой меры пресечения в отношении обвиняемой является неосновательным.

Следствие признает, что содержание обвиняемой Винниковой Т. Д. под стражей ранее не было мотивировано, основания ареста подозреваемой в постановлении отсутствовали. По этой причине следователь в постановлении о продлении срока содержания под стражей пишет: «В связи с наличием достаточных оснований полагать, что, находясь на свободе, Винникова Т. Д. воспрепятствует установлению истины по делу и может скрыться от следствия и суда...»

Такие суждения следователя в стадии продления срока содержания под стражей, с точки зрения закона, являются излишними, т. к. ст. 92 УПК не требует никаких оснований продления содержания под стражей, кроме «невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения».

По своему содержанию утверждения следователя о возможностях обвиняемой влиять на ход установления истины по делу и ее намерении скрыться от следствия не основаны на каких-либо реальных фактах.

3. 14 января 1997 г. Винникова Т. Д. была задержана по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 166 ч. 2 УК (незаконное получение премии в период исполнения обязанностей председателя правления АКБ «Беларусбанк»). Подозрение не подтвердилось — 24 января ей было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 167 УК по другому факту. Этим обвинением Винниковой вменялось превышение служебных полномочий, которое заключалось в выдаче доверенности на подписание гарантийного обязательства от имени АКБ «Беларусбанка» перед АКБ «Белжелдорбанк» за полное исполнение обязательства ПКП «Сатурн-94» по возврату кредита на сумму 2,5 млрд рублей и уплате процентов за пользование кредитом. Обвинение было подвергнуто критике, поскольку Винниковой вменялось в вину то, что в соответствии с уставом банка она обязана была делать.

10 февраля 1997 г. судом Центрального района рассматривалась жалоба Винниковой и защитников на постановление об аресте. По ходатайству про-

куратуры рассмотрение дела было перенесено на 13 февраля.

13 февраля при рассмотрении жалобы следователь представил в суд текст постановления от 13 февраля 1997 г. о дополнении предъявленного Винниковой обвинения в совершении преступления, предусмотренного ст. 166 ч. 2 УК (злоупотребление служебным положением при осуществлении финансирования строительства здания для банка «Беларусь»). По утверждению следствия, это обвинение не было предъявлено Винниковой 13 февраля 1997 г. в связи «с плохим самочувствием ее». Защита возражала против приобщения данного текста к материалам дела, поскольку было очевидно, что следствие пыталось создать видимость серьезности выдвинутых обвинений путем представления необоснованных, наспех составленных документов.

Время показало, что возражения адвокатов были обоснованными: впоследствии это обвинение предъявлено так и не было, хотя другие следственные действия с участием Винниковой происходили.

13 марта 1997 г., накануне истечения срока содержания под стражей, Винниковой было предъявлено постановление о дополнении предъявленного обвинения. Ей вменено совершение злоупотребления служебным положением при исполнении ею обязанностей председателя правления Национального банка Республики Беларусь — лицом, занимающим ответственное положение.

По мнению следователя, Винникова Т. Д., передав в длительное (с 5 ноября 1996 г. по 28 января 1997 г.) пользование Шаговику В. П. принадлежащий НБ РБ радиотелефон «Nokia-450», причинила ущерб в 8 985 254 руб. и тем самым совершила преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 166 УК РБ.

В постановлении о продлении срока содержания под стражей от 13 июня указания на предъявление данного обвинения нет.

Поскольку 29 мая 1997 г. изменился уголовный закон, устранивающий наказуемость деяний, предусмотренных обвинением, предъявленным 13 марта 1997 г., следователь обязан был дать юридическую оценку данному факту и уголовное дело в этой части прекратить.

Таким образом, на 12 июня 1997 г. в отношении Винниковой существовало только одно обвинение — по ст. 167 ч. 1 УК — преступление не тяжком.

Поскольку продление содержания под стражей на срок свыше 6 месяцев возможно только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений, 12 июня Винниковой Т. Д. предъявили обвинение по ст. 91 ч. 3 УК Республики Беларусь.

Постановление о дополнении предъявленного обвинения от 12 июня 1997 г. являлось неконкретным, т. к. не содержало указание на обстоятельства преступления, которое якобы совершила Винникова Т. Д. В связи с этим обвиняемой и защитой сделано соответствующее заявление на имя следо-

вателя. Одновременно с этим было указано на необходимость прекращения уголовного дела по ст. 166 ч. 2 УК РБ.

Ответ на данное заявление следователем не дано.

Поскольку предъявленное по ст. 91 ч. 3 УК обвинение не соответствует процессуальным требованиям ст. 143 УПК РБ, необходимо исходить из того, что при вынесении постановления о продлении срока содержания под стражей следствие имело законные основания для продления срока содержания под стражей только до шести месяцев, т. е. до 14 июля 1997 г.

Заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь данное обстоятельство во внимание не принял, срок содержания под стражей продлен до одного года, в то время как обвинение Винниковой Т. Д. в совершении тяжкого преступления является несостоятельным.

4. 25 февраля 1997 г. защита обратилась с ходатайством к следователю о проведении медицинского исследования состояния здоровья обвиняемой Винниковой Т. Д. для выяснения вопроса о возможности ее содержания в условиях следственного изолятора.

12 марта 1997 г. следователь назначил комиссионную судебно-медицинскую экспертизу.

Защита неоднократно письменно и устно обращалась к следователю с просьбой скорейшего проведения исследования, поскольку состояние здоровья обвиняемой продолжало оставаться тяжелым, а лечение не проводилось по причине отсутствия заключения врачей.

18 июня 1997 г. в средствах массовой информации со ссылкой на пресс-конференцию Генерального прокурора Республики Беларусь О. Божелко прозвучала информация о том, что здоровью Винниковой ничто не угрожает.

20 июня защита обратилась с ходатайством к следователю, в котором просила сообщить, имеется ли экспертное заключение медиков, по какой причине обвиняемая и защита не ознакомлены с ним, получено ли согласие следователя и обвиняемой на публичное оглашение данных о состоянии здоровья Винниковой Т. Д.

В тот же день следователь сообщил письменно, что получил экспертное заключение 20 июня 1997 г. и что «как следователь, так и прокурор вправе передать гласности данные предварительного следствия, касающиеся состояния здоровья обвиняемой Винниковой», и что «в его задачи не входит разъяснение защитникам оснований появления тех или иных сведений в средствах массовой информации. Само ходатайство об этом некорректно и противоречит нормам профессиональной этики».

Ознакомление с заключением медиков показало, что у Винниковой Т. Д. выявлены многие заболевания, каждое из которых требует лечения. Кроме того, наличие одного из заболеваний предполагает срочную хирурги-

ческую операцию в гражданском лечебном учреждении.

Вывод врачей о срочной операции означает необходимость изменения меры пресечения.

Поскольку вопрос о мере пресечения является вопросом правовым, относится к компетенции следователя и суда, эксперты не могли ответить на него. Комментарии Генерального прокурора Республики Беларусь, ознакомившегося с заключением врачей, не свидетельствует об объективной оценке и готовности принимать решения, соответствующие этому заключению.

В таких условиях только суд при проверке вопроса законности и обоснованности продления срока содержания под стражей обвиняемой, может объективно оценить имеющиеся в деле документы, влияющие на принятие решения о сохранении меры пресечения в виде заключения под стражей.

Таким образом, постановление о продлении срока содержания под стражей должно быть отменено как незаконное и необоснованное, поскольку:

- постановление о применении в отношении подозреваемой Винниковой Т. Д. от 14 января 1997 г. не содержало **исключительных оснований и обстоятельств** применения данной меры пресечения;

- продление срока содержания под стражей на срок свыше 6-и месяцев возможно лишь при предъявлении обвинения в тяжком преступлении в соответствии с требованиями ст. 143 УПК РБ;

- при вынесении постановления о продлении срока содержания под стражей у следствия имелись сомнения в том, может ли Винникова находиться в условиях следственного изолятора;

- по заключению врачей, Винникова нуждается в операции, которая не может быть проведена в условиях следственного изолятора;

- прокуратура Республики Беларусь необъективно оценивает экспертное заключение о состоянии здоровья и уклоняется от принятия решения о необходимости изменения меры пресечения Винниковой Т. Д.

На основании изложенного, ст. 220-1, 220-2 УПК РБ

**ПРОСИМ:**

- вызвать в судебное заседание Винникову Т. Д., содержащуюся в СИ КГБ РБ;

- истребовать заключение комплексной судебно-медицинской экспертизы;

- вынести постановление об отмене Винниковой Т. Д. меры пресечения в виде заключения под стражу;

- обвиняемую Винникову Т. Д. из-под стражи освободить.

Защитники обвиняемой Винниковой Т. Д.,

адвокаты

22/VII-97 г.

*Л. Уляшина*

*Г. Погоняйло*

*А. Пыльченко*

*Машинопись. Завизированная копия. Архив Г. Погоняйло.*

**ТАМАРА ВИННИКОВА:**

**«АРЕСТ НЕ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ НЕОЖИДАННЫМ»**

**С момента изменения меры пресечения бывший председатель Правления Национального банка Республики Беларусь Тамара Дмитриевна Винникова практически не общалась с прессой, если не считать эпизодических телефонных звонков. С этой точки зрения предлагаемое вниманию читателей «БДГ» интервью — безусловно, сенсация. [...]**

— *Тамара Дмитриевна, припомните сами обстоятельства Вашего ареста. Как это происходило?*

— Если говорить о чисто техническом исполнении, то могу сказать, что довольно корректно. В принципе, занимая должность председателя Правления Национального банка, мне часто приходилось видеть руку президента на кнопке «внести наручники» (разумеется, я выражаюсь фигурально). Поэтому неожиданностью для меня этот арест не был. Тем более, что одним из главарей «трех банд», о которых говорил президент, что они меня преследуют, была предупреждена о том, что это состоится в связи с невыполнением определенных условий, поставленных мне. Это довольно высокопоставленное лицо — до сих пор. [...]

— *Как Вы думаете, что послужило непосредственной причиной Вашего ареста? Насколько эта причина совпала с предъявленными Вам обвинениями?*

— В общем, предъявленное обвинение никак не совпадало и до сих пор не совпадает с истинными причинами. Целый ряд факторов послужил причиной, но разыгрывалась политическая карта. Я так считаю, что мой арест способствовал устрашению сотрудников государственного аппарата. Ему предшествовала отставка Чигиря, и с ним должен был уйти весь кабинет министров. Поэтому для президента очень важно было посеять страх в команде с тем, чтобы не случилось все-таки отставки одновременно всего правительства, и с тем, чтобы в последующем ни у кого не возникало подобных мыслей, я так полагаю.

— *Почему избраны были для подобной устрашающей акции именно Вы?*

— Чисто внешне большому числу политиков и хозяйственников, тех, кто отслеживает экономическую и политическую ситуацию в государстве, всегда представлялось, что у нас очень хорошие взаимоотношения с президентом, и это поддерживалось всячески в прессе и самим президентом на совещаниях. На мой взгляд, моим арестом президент хотел подчеркнуть, что для него вообще не существует пределов ни в каких отношениях — ни в политических, ни в экономических, ни в личностных. Как он сам сказал, у него нет команды, т. е. у него нет таких людей, которых он бы не сдал во имя дальнейшего существования и упрочения своей власти.

— *Вместе с тем очевидно, что в Вашем устранении должен был быть заинтересован кто-то еще. Есть ли у Вас какие-то версии, кто мог это быть?*

— Безусловно, в этом были заинтересованы определенные финансовые структуры, владельцы капитала. Я конкретно знаю человека, который настаивал, который был у президента и требовал моего ареста, который за сутки до этого просто мне угрожал. Он позволил себе даже кричать на меня. Поэтому, конечно, это лицо и есть этот человек. [...]

— *Может быть, Вы можете, по крайней мере, описать, в чем состоял его интерес?*

— Это очень влиятельная фигура, близкая президенту, с которым он очень давно работал. Интерес его состоял в лоббировании очень крупных проектов по конвертации валюты. Лоббирование всегда приносит какой-то интерес, не только моральный, но и материальный, будем так говорить. [...]

— *Как сейчас Вы себя чувствуете?*

— Как видите, пью лекарства. Врачи не рекомендуют проводить следственные действия, так как самочувствие резко ухудшается. Мне требуется срочная операция, которую в настоящее время не позволяют сделать.

— *Чем аргументируют отказ в проведении операции?*

— Собственно, напрямую отказа нет, но у меня постоянно находятся сотрудники Главного управления государственной охраны, которые круглосуточно находятся в моей квартире, и клиники города не могут разместить меня с сотрудниками охраны, поскольку этого не позволяют лечебные учреждения. Мне было предложено разместиться в 8-й клинике при условии, что меня будут охранять невестка г-на Тесовца, дочка Тесовца, а сын Тесовца будет контролировать их. Все они работают в Главном управлении государственной охраны.

— *В том управлении, которое возглавляет сам г-н Тесовец?*

— Да. Но я от такой любезности отказалась намеренно, потому что я считаю унижительной такую охрану. [...]

— *Если мы говорим о Вашем деле, что оно может быть использовано, скажите, что инкриминировалось Вам в момент ареста и что инкриминируется сейчас?*

— В момент ареста мне инкриминировалось, что сотрудникам банка «Беларусь» за 1995 год была неправильно выплачена премия, при этом нужно учесть, что банк «Беларусь» в августе 1995 года уже прекратил существование. Тем не менее я была арестована за то, что выплачивалась премия сотрудникам банка «Беларусь» на 1 января 1996 года, приводились конкретные цифры. Еще потом эти цифры много раз менялись и в сторону увеличения, и в сторону уменьшения, но далее этот эпизод был снят и обвинение по нему не предъявлялось. А в настоящее время я обвиняюсь в том, что по-

хитила «цептеровские» кастрюли на складе банка «Беларусь», причем взяла их по истечении года работы нового председателя. Т. е. на складе, в первом квартале 1997 года — т. е. после моего ареста — обнаружилась недостача каких-то хозяйственных ценностей, в том числе кастрюль — и даже не недостача, как мне теперь известно, а пересортица. Каким образом они решили, что это я в особо крупных размерах похитила эти кастрюли, сказать трудно. За два года был один допрос по этому эпизоду, длившийся около часа. Это сегодня самое серьезное обвинение. Есть еще якобы превышение служебных полномочий при выдаче гарантий, но опять-таки, мы даже не все документы даем следователю, которые имеем с адвокатами, потому что мы столкнулись с опасностью того, что они могут быть подделанными либо просто исчезнуть. У нас есть документы, которые опровергают положение о превышении полномочий. Таким образом, сегодня я обвиняюсь в хищении кастрюль у государства, за что предусматривается статья от 8-и до 15 лет. Другие обвинения мне не предъявлялись.

— *Сейчас Вы находитесь под домашним арестом. Вы отвечаете своим имуществом перед государством за то хищение, которое Вы якобы совершили?*

— Да, у меня описали все — от купальников до комнатных тапочек. И я должна испрашивать разрешение, чтобы воспользоваться чем-то. Вот совершенно недавно мы готовили письмо о том, чтобы мне разрешили взять три ложки, три вилки и три ножа с тем, чтобы я могла угостить семью сына, который навещает меня. В этом мне было отказано. [...]

— *Ваши адвокаты практически избегают общения с прессой. Это преднамеренная тактика?*

— Да, это преднамеренная тактика, потому что они связаны подпиской о тайне ведения следствия. Я такой подписки не давала, поэтому я такой тайной не связана и могу говорить о многих вещах. А адвокатов потерять не хотелось бы.

— *Давая ответ на один из предыдущих вопросов, Вы упомянули слово «палаческое». К Вам применялись какие-либо меры воздействия?*

— Да, ко мне были применены пытки, которые в дальнейшем не позволили мне участвовать в следственных действиях и которые изменили ход течения заболевания, после чего, по сути дела, я была уже обречена на постоянное применение лекарственных препаратов сильного воздействия.

— *Пытки психологические или физические?*

— Сейчас существует очень тонкий арсенал воздействия, и пытки, которые применялись ранее путем физического воздействия, в настоящее время не применяются. А ко мне была применена следующая пытка — у меня забрали белье, колготки и совершенно с голыми ногами меня выставили на

снег — помните, мой арест состоялся в январе, в очень холодное время года. В течение часа я находилась на очень сильном морозе в очень тонких туфельках, без колготок вообще. В камере для всех находящихся в следственном изоляторе положено иметь кипяtilьник, чтобы можно было вскипятить какую-то горячую воду или чай, у меня это забрали с тем, чтобы я не смогла согреться, отопления, как вы понимаете, там практически нет, поэтому в результате переохлаждения организма у меня обострились все те заболевания, которые были. Переохлаждение организма всегда было для меня опасно.

— Какова позиция Генеральной прокуратуры в Вашем деле?

— Генеральная прокуратура заняла позицию отталчивания. Практически мы очень редко получаем ответы на наши запросы, на наши законные требования.

— Можете ли привести пример, на какие конкретно запросы не отвечала Генпрокуратура?

— Ну, в частности, мы просили дать мне возможность провести операцию в одной из клиник здесь либо за рубежом, к сожалению, не получили ответа. Ни отказа, ни положительного решения. Мы требовали отменить незаконное присутствие охраны в моей квартире, потому что в конечном итоге нарушается конституционное требование неприкосновенности жилища. Мы вместе с адвокатами требовали возбудить уголовное дело по факту незаконного присутствия охраны в моей квартире, а также по факту незаконного ареста, который был признан в ходе следственных действий. Ответа на эти вопросы мы не получили. [...]

*Александр Федута*

*Белорусская деловая газета. 1999. 2 апр.*

## ДЕЛО АНДРЕЯ КЛИМОВА

*Климов Андрей Евгеньевич, 17.09.1965 г. рожд., уроженец г. Минска, белорус, гражданин Республики Беларусь, образование среднее специальное (окончил Львовское пожарное училище МВД СССР), незаконченное высшее юридическое — 4 курса юрфака БГУ, ранее не судимый, женат, на иждивении 3 несовершеннолетних детей, до ареста работал в должности председателя правления ОАО «Андрей Климов и К<sup>0</sup>», являлся учредителем и руководителем ряда других коммерческих структур [...], депутат Верховного Совета Республики Беларусь 13-го созыва.*

### **Речь в прениях в защиту А. Климова общественного защитника Г. Погоняйло (БХК)**

Андрей Климов, известный в республике бизнесмен, общественный деятель, депутат ВС 13-го созыва, был арестован 11 февраля 1998 г., помещен в СИЗО-1 г. Минска и привлечен к уголовной ответственности:

- по ст. 91 ч. 4 (завладение имуществом путем злоупотребления должностным лицом своим служебным положением, совершенное повторно, по предварительному сговору группой лиц и в особо крупных размерах);

- по ст. 171 (должностной подлог, внесение должностным лицом заведомо ложных сведений и записей в официальные документы из корыстной заинтересованности);

- по ст. 151 ч. 2 (осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), по предварительному сговору группой лиц, с получением дохода в особо крупном размере);

- по ст. 150 ч. 2 Уголовного кодекса (выманивание кредита, т. е. предоставление предпринимателем в целях получения кредита заведомо ложных документов и свидетельств).

По этим же составам преступлений он предан суду Ленинского р-на г. Минска.

Суть обвинений, предъявленных А. Климову, сводится к следующему. Являясь учредителем и директором малого предприятия «А. Климов», а с 1994 г. — председателем правления открытого акционерного общества «Андрей Климов и К<sup>0</sup>», он, имея умысел на хищение бюджетных денежных средств Управления капитального строительства Мингорисполкома, выделенных на строительство 10–12-этажного дома по ул. Лодочной в г. Минске, в 1994 г. создал и возглавил преступную группу, состоящую из должностных лиц МП «А. Климов» (подрядная организация) и УКСа Мингорисполкома (заказчик), после чего в период с июня 1994 г. по апрель 1995 г. организовал

систематические хищения бюджетных денежных средств в особо крупных размерах путем умышленного завышения фактически выполненных объемов строительно-монтажных работ по кирпичной кладке по позиции «19» сметы на указанном выше объекте на общую сумму 3,4 млрд рублей (до деноминации 1.01.2000 г.) — ст. 91, ч. 4 УК.

Он же, действуя совместно со своим заместителем, Л. Волковичем, гл. инженером МП «А. Климов» А. Колотилиным, начальником строительного участка И. Лукьянчиком, прорабом К. Шишовым, инженером ПТО А. Шаховой и другими лицами, из корыстной, личной заинтересованности, с целью сокрытия совершенного в период с июня 1994 г. по апрель 1995 г. хищения бюджетных денежных средств УКСа Мингорисполкома организовал оформление заведомо подложных документов: договоров, накладных, материальных отчетов, актов на приготовление цементного раствора. Заведомо подложные документы оформлялись для документального отражения прихода и списания якобы использованных подрядчиком строительных материалов при выполнении завышенных строительно-монтажных работ в виде кирпичной кладки по позиции «19» сметы по объекту «жилой дом по ул. Лодочной» — ст. 171 УК.

Он же, будучи председателем правления ОАО «Андрей Климов и К<sup>0</sup>» и являясь должностным лицом, по предварительному сговору со своим заместителем Л. Волковичем, в нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности, не имея лицензии Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь на выполнение специальных, строительно-монтажных работ, в марте–июле 1995 г. при выполнении подрядных работ по строительству жилого дома в микрорайоне улиц В. Хоружей, Куйбышева организовал производство строительно-монтажных работ на указанном выше объекте, требующих наличия лицензии у производителя работ, и получил при этом доход в особо крупном размере в сумме 492 млн рублей (до деноминации 1.01.2000 г.) — ст. 151, ч. 2 УК.

Он же, будучи председателем правления ОАО «Андрей Климов и К<sup>0</sup>», по сговору с Л. Волковичем, гл. бухгалтером Л. Мирончик и другими должностными лицами путем предоставления заведомо подложных документов в Минский частный строительный банк (А. Климова) в январе 1996 г. выманил кредит в сумме 200 млн рублей (до деноминации 1.01.2000 г.) — ст. 150-2 УК. [...]

Депутат А. Климов, вопреки действующему законодательству Республики Беларусь, привлечен к уголовной ответственности и арестован без согласия Верховного Совета 13-го созыва, т. е. с нарушением депутатской неприкосновенности (депутатского иммунитета).

За день до своего ареста А. Климов, член специальной комиссии Верховного Совета, начал рассылку письма в адрес глав местной администрации, руководителей учреждений и организаций о нарушении президентом Республики Беларусь Конституции и законов государства, о наличии в его действиях признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 61-1 УК (захват государственной власти неконституционным путем).

Ранее, в ноябре 1996 г., он был одним из инициаторов начала процедуры импичмента президента, направив свое заявление в Конституционный Суд.

Для многих граждан Беларуси было очевидно, что «арест» А. Климова продиктован чисто политическими причинами. Путем уголовного преследования, изоляции от общества власти решили расправиться с наиболее активным оппозиционером, дискредитировать его политическую и общественную деятельность.

Предварительное следствие, ход судебного разбирательства изобиловали грубыми нарушениями норм процессуального законодательства, в том числе права на защиту, справедливый, независимый, беспристрастный суд. Находясь в следственном изоляторе, А. Климов в знак протеста дважды держал сухую голодовку, обжаловал многие незаконные действия следователей.

13 декабря 1999 г. он был беспричинно жестоко избит сотрудниками следственного изолятора и насильно в наручниках доставлен в суд Ленинского р-на г. Минска.

В результате избиений у Климова врачами скорой медицинской помощи были установлены скрытая черепно-мозговая травма, тупая травма живота, многочисленные кровоподтеки, ушибы, ссадины.

Более трех недель он проходил курс лечения в медчасти СИЗО, а затем в Республиканской тюремной больнице.

Однако уголовное дело по факту превышения власти должностными лицами СИЗО возбуждено не было и расследование не проводилось.

Изучение материалов настоящего уголовного дела, исследование в судебном заседании представленных в нем доказательств показало, что дело расследовалось предвзято, предъявленные обвинения надуманны и грубо сфальсифицированы без надлежащего анализа действующего законодательства.

По делу было установлено: подсудимые Климов, Волкович, Лукьянчук, Шишов не отрицали, что ими была обнаружена ошибка по т. н. позиции «19» сметы — «кладка кирпича лицевого». Ошибка вкралась еще на стадии проектирования в результате неправильного переноса на перфорацию данных сметы об объемах кирпичной кладки. Завышение оказалось на порядок выше (не там поставлена запятая, отделяющая десятые доли от целого числа).

Следует отметить, что проектно-сметная документация, изготовленная еще в 1996 г., дважды подвергалась в установленном порядке специальной экспертизе, была скорректирована с учетом перепланировки и доработки проекта под «дипломатический дом» и передана заказчиком — УКСом Мингорисполкома — с ошибкой в расчетах объемов кирпичной кладки по позиции «19».

По выводам следствия, этой ошибкой воспользовались строители, завывив в своих отчетных данных физические объемы выполненных работ. Соответственно УКС по представленным отчетным документам проавансировал завышенные объемы СМР, перечислив бюджетные средства на расчетный счет МП «А. Климов», а подсудимые использовали их по своему усмотрению, т. е. похитили.

Столь незатейливая правовая конструкция обвинения, как показало судебное следствие, является абсурдной по своей сути, построена на предположениях, а не на объективном и полном анализе добытых доказательств и действующего законодательства.

Следствие не привело каких-либо доказательств, свидетельствующих об организации преступной группы, распределении ролей, о сговоре на хищение бюджетных средств указанным в обвинительном заключении способом.

Между тем, и на предварительном следствии, и в судебном заседании подсудимые не признали себя виновными, категорически отрицали какой-либо сговор, личную или иную корыстную заинтересованность в похищении бюджетных средств, изготовлении и использовании подложных документов.

Свою позицию защиты от обвинения Климов и другие участники процесса объяснили таким образом.

Между госпредприятием — УКСом Мингорисполкома — заказчиком, с одной стороны, и частным малым предприятием «А. Климов» — подрядчиком, с другой стороны, 20 мая 1993 г. был заключен договор подряда на строительство жилого трехсекционного 10–12-этажного дома по ул. Лодочной в г. Минске.

Согласно договору цена контракта определялась договорной суммой в 23 млн рублей в базисных ценах 1991 г. и являлась неизменной.

Ряд своих функций по поставке материалов и оборудования заказчик отдельными поручениями возложил на подрядчика, и таким образом объект фактически строился «под ключ».

Финансирование строительства УКС осуществлял неритмично, из-за недостатка финансирования стороны неоднократно договаривались о переносе сроков окончания строительства. В этих условиях МП «А. Климов» на строительство жилого дома направляло свои оборотные средства, использо-

вало заемные средства. Об этом свидетельствует кредит в 200 млн рублей, в выманивании которого и обвинили А. Климова.

Предъявление обвинения в хищении бюджетных средств Климову и другим лицам было осуществлено еще до завершения строительства жилого дома по ул. Лодочной, до проведения окончательной взаимной сверки расчетов и платежей по строительству, до взятия на баланс принятого по завершении строительства дома.

Указанные обстоятельства, при отсутствии каких-либо объективных данных о том, что кто-то из физических лиц, причастных к строительству, изъясил из МП «А. Климов» денежные средства либо материалы и присвоил их, не позволяли следствию признать хищением бюджетных средств факт завышения физических объемов кирпичной кладки по позиции «19» в документах, представленных УКСу для авансирования строительства.

Согласно Декрету Президента Республики Беларусь № 14 от 4 августа 1997 г. завышение объемов выполненных и принятых к оплате строительно-монтажных работ влечет применение штрафных санкций и возврат излишне полученных сумм в бюджет, а не уголовную ответственность.

В случае неурегулирования возникшего спора между заказчиком и подрядчиком, он, в соответствии с договором, должен был решаться в хозяйственном суде.

В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства защита Климова настаивала на проведении судебной хозяйственно-финансовой и комплексной строительной экспертиз. При их проведении необходимо было изучить вопросы приобретения, оприходования и списания строительных материалов и оборудования при строительстве жилого дома, правильности и своевременности взаимных расчетов, имеющейся задолженности между заказчиком и подрядчиком.

При проведении комплексной строительной экспертизы обязательно должны были быть произведены контрольные обмеры физических объемов выполненных строительно-монтажных работ на объекте, сопоставлены выполненные работы по стоимостным показателям (форма № 3) помесячно в текущих ценах с данными, представленными подрядчиком УКСу, проанализированы суммы переплат или недоплат с учетом инфляционных процессов и приведен окончательный расчет (дебет — кредит) между заказчиком и подрядчиком.

О необходимости проведения данных экспертиз для правильной оценки действий обвиняемых неоднократно указывалось в постановлениях о продлении сроков содержания под стражей Климова и Волковича, в ряде других процессуальных документов. Однако в полном объеме они проведены не были.

Суд также неоднократно отказывал в ходатайствах о назначении указанных выше экспертиз, ограничившись получением данных по смете об объеме кирпичной кладки по позиции «19» с учетом выявленной ошибки в проекте.

Вместе с тем, следует отметить, что суд приобщил к материалам настоящего судебного дела произведенные подсудимыми и их защитниками расчеты, свидетельствующие об имеющейся задолженности УКСа перед подрядчиком, что исключает вообще всякие подозрения о хищении бюджетных средств.

О надуманности и фальсификации обвинений, инкриминируемых подсудимым, свидетельствует тот факт, что государственный обвинитель в своей речи отказалась поддержать обвинение по ст. 91, ч. 4 УК в отношении Колотилина, Шишова, Шаховой, Ермолович, Рогачевой и Журавлевой и просила по данной статье их оправдать.

Кроме того, прокурор просила оправдать Климова и Волковича по ст. 151, ч. 2 и 15-2 УК за отсутствием события преступления, а Журавлеву и Рогачеву — по ст. 166, ч. 2 и 185 УК.

При этом следует особо отметить, что каких-либо новых данных, обосновывающих такое решение прокурора, добыто не было. Ее решение основывалось исключительно на обстоятельствах, установленных предварительным следствием и нашедших отражение в материалах дела, переданного в суд.

В своих выступлениях защитники подсудимых, а в последнем слове и сами подсудимые привели обоснованные аргументы об оправдании невиновных. Остается надеяться, что суд в полном соответствии с законом объективно и правильно оценит имеющиеся по делу доказательства и вынесет обоснованный и законный приговор — об оправдании невиновных.

Общественный защитник от РОО БХК

*Г. Погоняйло*

*Машинопись. Завизированная копия. Архив Г. Погоняйло.*

### **ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАЩИТНИК ГАРРИ ПОГОНЯЙЛО ОБОСНОВАЛ ПЕРЕД СУДОМ ПРОТИВОПРАВНОСТЬ АРЕСТА ПАРЛАМЕНТАРИЯ АНДРЕЯ КЛИМОВА**

*Общественный защитник от Белорусского Хельсинкского Комитета Гарри Погоняйло на судебном процессе по делу депутата парламента Андрея Климова обратился к суду с ходатайством о направлении уголовного дела на дополнительное расследование генеральному прокурору Республики Беларусь. Предлагаем читателям мотивы ходатайства, касающиеся депутатской неприкосновенности Андрея Климова.*

#### **Нарушение депутатского иммунитета Андрея Климова**

Материалами настоящего уголовного дела установлено, что подсудимый Климов Андрей Евгеньевич в декабре 1995 г. был избран депутатом Верховного Совета Республики Беларусь 13-го созыва по Первомайскому избирательному округу № 244 г. Минска.

В соответствии с ч. 2 ст. 93 Конституции Республики Беларусь, принятой на тринадцатой сессии Верховного Совета Республики Беларусь 12-го созыва 15 марта 1994 года, депутат Верховного Совета не может быть привлечен к уголовной ответственности, арестован, иным образом лишен личной свободы без согласия Верховного Совета, кроме случаев задержания на месте совершения преступления.

Однако в нарушение данной нормы Конституции депутат Климов привлечен к уголовной ответственности и арестован без согласия Верховного Совета. Доводы должностных лиц следствия прокуратуры о том, что депутатская неприкосновенность в отношении Климова не нарушена со ссылкой на действие Конституции, принятой на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года, Закона от 27 ноября 1996 г. «О прекращении полномочий Верховного Совета Республики Беларусь 13-го созыва», Закона от 12 июня 1997 г. № 43-З «О толковании части первой статьи 143 Конституции Республики Беларусь», являются незаконными, необоснованными и не могут быть приняты во внимание по следующим основаниям.

Согласно Закону Республики Беларусь от 13.06.1991 г. № 859-ХН «О народном голосовании (референдуме) в Республике Беларусь», могут проводиться республиканские и местные референдумы. Принятые по ним решения могут быть обязательными или консультативными, содержащими мнения граждан по вопросам, вынесенным на референдум.

Из постановления Верховного Совета Республики Беларусь от 6 сентября 1996 г. «О проведении республиканского референдума в Республике Беларусь и мерах по его обеспечению» с изменениями от 6 ноября 1996 года, внесенными на основании решения Конституционного Суда Республики



Беларусь от 4 ноября 1996 года, вытекает, что вопросы изменения и дополнения в Конституцию выносятся на консультативный республиканский референдум и в соответствии со ст. 39 Закона о народном голосовании (референдуме) носят рекомендательный характер.

В ночь на 22 ноября 1996 года президент А. Лукашенко, председатель Верховного Совета С. Шарецкий, председатель Конституционного Суда В. Тихиня при посредничестве высших должностных лиц Российской Федерации (Черномырдин, Строев, Селезнев) подписали «Соглашение об общественно-политической ситуации и о конституционной реформе в Республике Беларусь». В нем президент А. Лукашенко, признав консультативный характер референдума по вопросам изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь 1994 г., обязался отменить как незаконные свои указы от 5 ноября 1996 г. № 445 и 7 ноября 1996 г. № 459.

В бюллетенях для тайного голосования специально отмечалось, что вопросы изменения и дополнения Конституции выносятся на консультативный референдум.

Однако в последующем президент А. Лукашенко, превышая власть и свои служебные полномочия, используя так называемую исполнительную вертикаль, грубо нарушая Конституцию страны, ее законы, парализовав деятельность Центризбиркома, организовал проведение указанного выше референдума с грубым нарушением порядка его проведения, признал его итоги обязательными, непосредственно без участия Верховного Совета 13-го созыва сформировал представительный орган — Палату представителей.

Следует отметить, что 9 ноября 1996 года, т. е. за две недели до объявленной даты референдума, началось повсеместное голосование без опубликования окончательных текстов предлагаемых изменений и дополнений Конституции. Среди других массовых нарушений, допущенных в ходе данной кампании, что не позволяет всерьез обсуждать юридическую значимость референдума, являются следующие:

1) не установленное и не зарегистрированное количество бюллетеней, которые были распространены на местах, минуя Центральную комиссию по выборам и проведению республиканских референдумов, что исключало всякий контроль как со стороны Центризбиркома, так и общественности;

2) вопреки закону финансирование мероприятий по всенародному голосованию проведено не из бюджетных средств и не через Центральную комиссию по выборам, а минуя ее расчетный счет, из неустановленных источников;

3) полная монополизация государственных СМИ для проведения многомесячной пропагандистской кампании исключительно в пользу президентского варианта ответов на вопросы референдума;

4) беспрецедентное незаконное вмешательство исполнительной власти на местах в деятельность территориальных комиссий, факты запугиваний, прямого шантажа, нарушений порядка проведения референдума со стороны руководителей предприятий, учреждений, организаций с целью повлиять на волеизъявление граждан в пользу президентского варианта Конституции.

Не может не обратить на себя внимание тот факт, что ни одна из 16 приглашенных международных организаций не прислала своих наблюдателей. В частности, проигнорировали референдум Парламентская ассамблея Европы, Парламентская ассамблея ОБСЕ, Европарламент, Совет Европы и даже парламенты государств — членов СНГ.

Известно, что значительная часть граждан нашей страны, большинство политических партий, профсоюзов, общественных объединений не признали сфальсифицированных результатов референдума и внесенных на его основе конституционных изменений.

Совет Европы, ОБСЕ, другие международные организации Европы и мирового сообщества, правительства многих стран также не признали легитимности проведенного в Беларуси плебисцита, не признали легитимности Национального собрания, сформированного с нарушением принципов парламентской демократии и законности.

При отсутствии кворума, большинства членов президиума и руководителей Верховного Совета назначенные президентом 103 депутата Верховного Совета 27 ноября 1996 г., собравшись вне Овального зала — постоянного места заседания Верховного Совета, приняли от его имени ряд незаконных решений, в том числе о прекращении полномочий Верховного Совета 13-го созыва и объявили о завершении формирования Палаты представителей Национального собрания.

Таким образом, государственный переворот в стране был завершен.

Поэтому в своих жалобах А. Климов обоснованно ссылается на то, что вопросы законности его привлечения к уголовной ответственности и арест должны решаться исключительно на основе Конституции 1994 г. И я, как правовед, поддерживаю эту юридически безупречную точку зрения.

В связи с грубым нарушением процедуры преодоления депутатской неприкосновенности, установленной Конституцией 1994 г., депутат Климов подлежит освобождению из-под стражи, а дело — направлению на дополнительное расследование Генеральному прокурору Республики Беларусь.

Суд ходатайство отклонил.

*Народная Воля. 1999. 6 жн.*

## ДЕЛО ПАВЛА ШЕРЕМЕТА И ДМИТРИЯ ЗАВАДСКОГО

### ЗАЯВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Совета  
Республики Беларусь 13-го созыва

В суверенной Беларуси борьба правящего режима с прессой вступила в новую фазу. За выполнение журналистами своих профессиональных обязанностей и стремление объективно освещать ситуацию в Республике Беларусь их задерживают, избивают, устраивают над ними судилища. При этом власти совершенно не считаются с Конституцией и законами, демонстрируют пренебрежение к общепринятым нормам международного права, открыто нарушают права и свободы граждан.

Жертвами правящего в Беларуси режима, помимо корреспондента НТВ А. Ступникова, в последнее время стали сотрудники белорусского бюро ОРТ П. Шеремет, Д. Завадский, Я. Овчинников, а также журналисты А. Маховский, Д. Бондаренко, В. Мацкевич, В. Шлапак, И. Студинская, И. Халип, В. Бабарыко, Л. Маслюкова, О. Тамашевская, И. Чертков, Л. Канфер, В. Андронов, О. Бебенин, В. Миндлин, В. Щукин.

Процессы над журналистами, которые выразили свою солидарность с коллегами из ОРТ, свидетельствуют о том, что акции протеста в Беларуси охватывают все новые слои населения. Создается впечатление, что следующими участниками массовых акций будут судьи и работники правоохранительных органов, которых заставляют расправляться с противниками режима.

Президиум Верховного Совета Республики Беларусь обращается к руководителям государств и парламентов мира с просьбой выразить свое отношение к происходящему в Беларуси и содействовать всеми доступными методами восстановлению законности, демократии и прав человека в Республике Беларусь.

*С. Г. Шарецкий*

*Народная Воля. 1997. 5 жн.*

### ДЕЛО П. ШЕРЕМЕТА — АНАЛИЗ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

Термин «применимое право» означает здесь не только Конституцию Республики Беларусь, кодексы, законы, указы президента, постановления правительства и другие, основанные на них, нормативные акты, но и обязательства Беларуси по международным договорам, включая обязательства, вытекающие из обязанностей исполнять договоры и соглашения бывшего Союза Советских Социалистических Республик в соответствии с Договором о создании Союза Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. В соответствии с вышеуказанным договором, Беларусь обязана выполнять международные договоры и соглашения о правах человека, а также другие документы, в которых Советский Союз был участником, включая документы, упомянутые ниже.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 8 Конституции Республики Беларусь государство признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Конституция признает принцип, что все граждане равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту своих прав и законных интересов (ст. 22). Принцип отсутствия дискриминации может быть прочитан совместно со ст. 33 Конституции, указывающей, что каждому человеку гарантирована свобода мнения, убеждений и их свободное выражение.

Таким образом, Конституция, по-видимому, запрещает избирательное преследование отдельных лиц на основе их мнений и убеждений, даже в случае, если такие мнения и убеждения высказываются в средствах массовой информации и связаны с критикой правительства, действий высших должностных лиц государства.

#### А было ли правомерным лишение П. Шеремета аккредитации?

##### 1. Белорусское право

Закон Республики Беларусь «О печати и других средствах массовой информации» от 13.01.95 г. с изменениями (в дальнейшем — Закон о СМИ) предусматривает в числе прочего, что «корреспондент может быть лишен аккредитации в случае нарушения им или редакцией правил аккредитации или распространения недостоверной информации» (ст. 42). Хотя Шеремет является гражданином Республики Беларусь, как служащий иностранной службы новостей (ОРТ) он был аккредитован белорусским Министерством иностранных дел. Закон о СМИ не устанавливает никакой формальной процедуры в отношении лишения корреспондента аккредитации и не предусматривает судебного пересмотра такого решения. Несмотря на это, ст. 43 Зако-

на о СМИ признает, что *«если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые изложены в настоящем Законе, применяются правила международного договора»*.

Такие правила, в той степени, в которой они существуют, изложены ниже.

В официальном документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 31 октября 1991 г. государства-члены приняли некоторые обязательства в области журналистики и средств массовой информации.

Государства-участники вновь подтверждают право на свободу выражения своего мнения, включая право на общение и право средств информации собирать, передавать и распространять информацию, новости и мнения. Любые ограничения, касающиеся осуществления этого права, будут предусматриваться законом и соответствовать международным стандартам. Они признают, что независимые средства массовой информации являются важнейшим условием для свободного и открытого общества и ответственных за свои действия государственных систем и играют особую роль в деле охраны прав человека и основных свобод (л. 16).

Беларусь стала полным членом-участником СБСЕ 31.10.1991 г. Таким образом, она обязана выполнять обязательства, зафиксированные в документах СБСЕ.

В то время как лишение Шеремета аккредитации формально соответствовало применимому законодательству, остается вопрос о его соответствии международным стандартам. Применимые международные стандарты содержатся в разных источниках, в том числе в документах СБСЕ, Международном пакте о гражданских и политических правах (в дальнейшем — Международный пакт), а также в Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (г. Минск. 26.05.1995 г.).

Заключительный Акт СБСЕ от 1.08.1975 г. утверждает, что *«журналисты не могут подвергаться выдворению или иным образом наказываться в результате законного осуществления их профессиональной деятельности»*. Таким образом, если бы Шеремет мог доказать, что он по праву занимался сбором информации, то белорусские власти не должны были лишить его аккредитации.

Статья 19 Международного пакта устанавливает применимые нормы:

1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своего мнения.

2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, уст-

но, письменно, посредством печати, художественных форм выражения или иными способами по своему выбору.

3. Пользование предусмотренными в п. 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность, оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являются *необходимыми*:

- для уважения прав и репутации других лиц;

- для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1100А, вступила в силу 23.03.1976 г.)

Статья 11 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека:

Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи любым законным способом без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ.

Поскольку пользование этими свободами налагает обязанности и ответственность, оно может быть сопряжено с формальностями, условиями и ограничениями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка или защиты прав и свобод других лиц.

Йоханнесбургские принципы национальной безопасности в области свободы самовыражения и доступа к информации.

1 октября 1995 г. эксперты из 36-ти стран, в том числе из Беларуси, действовавшие по мандату ООН, приняли так называемые «Йоханнесбургские принципы национальной безопасности в области свободы самовыражения и доступа к информации». Среди них выработаны и закреплены правила, которые запрещают вторжения третьих лиц в самовыражение. Согласно этим принципам государство обязано принимать меры для предотвращения незаконного вмешательства частных групп, отдельных лиц и государства в осуществление мирным образом свободы самовыражения.

Самовыражение может караться как угрожающее национальной безопасности, если правительство может продемонстрировать (доказать):

- что самовыражение имеет целью призыв к насильственным действиям;

- что может привести к таким действиям;

- что имеется прямая и непосредственная связь между самовыражением и возможностью таких насильственных действий.

Таким образом, для того, чтобы Беларусь могла лишить Шеремета ак-

кредитации в соответствии с международным правом, соответствующие органы должны были *доказать*, что существовала *необходимость* этого. Однако подобного предпринято не было. [...]

В статье 1 Закона «О Государственной границе Республики Беларусь» дано описание Государственной границы.

**«Государственная граница Республики Беларусь есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие преграды территории Республики Беларусь — суши, вод, недр, воздушного пространства».**

Эта условная линия должна быть ясно и однозначно «запечатлена» на поверхности и без всяких дополнительных пояснений восприниматься как Государственная граница. Ни металлические ограждения дороги, ни временные столбики, ни дорожные знаки не могут заменить пограничных знаков, устанавливаемых на границе. Если человеку, которого подозревают в нарушении Государственной границы, было безразлично, какими знаками она обозначена, и пересек ее он умышленно, что следует из его объяснений, то налицо все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 80 УК РБ. Если же Государственная граница не была обозначена должным образом — отсутствовали пограничные знаки, на местности невозможно было определить, где именно проходит граница, а человек отрицает (при доказанности незаконного пересечения Государственной границы) факт ее умышленного незаконного пересечения, то юридически доказанным считается лишь сам факт незаконного пересечения Государственной границы. Состав же преступления, предусмотренного ст. 80 УК в этом случае не будет.

Статья 17 Закона «О Государственной границе Республики Беларусь» (ч. 7): *«Лица, случайно пересекшие Государственную границу Республики Беларусь, считаются нарушителями режима границы».*

Таким образом, по нашему мнению, проступок П. Шеремета (впрочем, как и Д. Завадского, и Я. Овчинникова) в отношении нахождения в приграничной зоне без необходимого разрешения властей скорее должен был бы рассматриваться в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь (ст. 184), в то время как уголовное преследование за нарушение границы выглядит несоразмерным в соответствии со ст. 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

## **2. Международное право**

Все страны имеют право на охрану государственных границ. Несмотря на это, основные принципы должного процесса требуют, чтобы нормы, существующие в этой области, применялись в справедливом порядке. Более того, санкции, применимые в каждом отдельном случае, должны основываться на существующих фактах и таким образом, если право установлено

в целях государственной безопасности или для пресечения контрабанды, иных преступлений, сопутствующих незаконному пересечению государственной границы, оно должно применяться только против лиц, представляющих опасность для интересов государства и общества в такой области.

Принимая во внимание, что Литва и Беларусь находятся в дружественных отношениях и против Шеремета не было выдвинуто обвинения в контрабанде или ином преступлении, уголовные санкции против него, очевидно, не соответствуют стандартам международного права.

Член Международного  
Союза (Содружества) адвокатов  
Член Минской областной коллегии адвокатов  
31 августа 1997 г., Минск

Г. Погоняйло  
М. Волчек

*Машинопись. Копия. Подписи — автограф. Архив Г. Погоняйло.*

Председателю Верховного Суда  
Республики Беларусь Сукало В. О.  
защитников Погоняйло Г. П.,  
Волчека М. В., Лабохо С. И.,  
220005, г. Минск, пр-т Ф. Скорины, 44,  
ЮК Советского р-на  
в интересах осужденных Шеремета П. Г.,  
Завадского Д. А.  
на приговор суда Ошмянского р-на  
от 28.01.1998 г. и определение Судебной  
коллегии по уголовным делам от 24.03.1998 г.  
Гродненского областного суда

### ЖАЛОБА

#### (в порядке надзора)

Указанным приговором П. Шеремет и Д. Завадский признаны виновными и осуждены за умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь по предварительному сговору группой лиц и повторно по ст. 80 ч. 2 УК с применением ст. 43 УК Республики Беларусь к 2-м годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 1 год. Тем же приговором по ст. 167 ч. 2 УК Республики Беларусь П. Шеремет оправдан.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Гродненского областного суда от 24.03.1998 г. данный приговор оставлен в силе, а жалоба осужденных и их защитников — без удовлетворения.

Полагаем указанные судебные постановления в части осуждения Шеремета и Завадского по ст. 80 ч. 2 УК незаконными, необоснованными и подлежащими отмене, а дело — прекращению за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 5 УПК) по следующим основаниям:

#### 1. Отсутствие материальной основы обвинения.

В соответствии с требованиями закона обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены.

1.1. Осужденные Шеремет и Завадский вину свою в инкриминируемых им «преступных деяниях» по незаконному пересечению Государственной границы Республики Беларусь не признали и показали, что 22 июля 1997 г. группа сотрудников Белорусского бюро ОРТ по заданию руководства ОРТ выехала на белорусско-литовскую границу в район действующего КПП

«Каменный Лог» Ошмянского района с целью проведения съемок и подготовки телерепортажа об охране границы двух сопредельных государств, о работе соответствующих служб по пресечению контрабанды и деятельности таможенных и пограничных служб на официальных пунктах переходов. Оперативность подготовки телерепортажа диктовалась появившимися в СМИ сообщениями о снятии с должности председателя ГТК Беларуси П. Кречко и необходимостью прокомментировать это событие в программе «Время» на ОРТ. В составе группы, кроме Шеремета, находились оператор Завадский и водитель Овчинников.

О заранее планировавшемся выезде группы в район белорусско-литовской границы для подготовки телерепортажа свидетельствует приобщенное к материалам дела письмо Шеремета на имя председателя ГКПВ Павловского Л. Л. от 18.07.1997 г. исх. 115/68 (т. 1, л. д. 36). Эти обстоятельства подтверждают представленные суду и приобщенные к материалам дела выписанные на имя сотрудников белорусского бюро ОРТ Шеремета, Завадского и Овчинникова командировочные удостоверения с отметками, печатями и подписями должностных лиц Ошмянского РОВД, датированные 22 июля 1997 г.

Важно отметить, что в письме от 30.07.1997 г. на имя Генерального прокурора Республики Беларусь бывший в то время Генеральным директором ОРТ С. Благоволин сообщил: *«То, что П. Шеремет и его коллеги оказались в районе белорусско-литовской границы, было не их личной инициативой, а выполнением редакционного задания. Причиной того, что съемочная группа оказалась в этом районе, явился журналистский интерес к происходящим в Республике Беларусь событиям»* (т. 5, л. д. 99).

Данные обстоятельства ничем не опровергнуты, и суд, признавая их установленными, в приговоре указал, что *«подсудимый Шеремет П. Г., являясь заведующим белорусского бюро региональной коррсети Дирекции информационных программ Общественного Российского Телевидения... выполнял задание руководства ОРТ по подготовке видеорепортажа о состоянии дел по охране государственной границы Республики Беларусь, 22 июля 1997 года организовал выезд подчиненных ему по службе работников белорусского бюро ОРТ — оператора Завадского Д. А. и водителя Овчинникова Я. Б. к месту прохождения государственной границы в Ошмянском районе Гродненской области»*.

Отсюда следует бесспорный вывод о том, что в район госграницы Шеремет и Завадский прибыли для выполнения своих профессиональных обязанностей тележурналистов по заданию руководства ОРТ.

1.2. Далее Шеремет показал, что, следуя на автомобиле по шоссе Ош-

мяны — Вильнюс в район **действующего КПП «Каменный Лог»** на белорусско-литовской границе, **группа заблудилась** и около 16 часов того же дня неожиданно оказалась в месте, где шоссе перегораживали металлические заграждения, а впереди виднелись какие-то строения. Как позже было установлено, группа прибыла в район Государственной границы Республики Беларусь, прилегающий к литовскому пограничному посту «Мядининкай-2» в трех километрах к северо-западу от населенного пункта Каменный Лог Ошмянского района.

Как пояснили Шеремет и Овчинников, ошибка при движении заключалась в том, что они, не зная, где находится **действующий КПП «Каменный Лог»**, следовали по шоссе согласно дорожным указателям «главная дорога». Их показания подтверждаются материалами об административном задержании и привлечении к административной ответственности по ст. 184 КоАП Республики Беларусь, показаниями свидетелей Чернобай Г. А., Зыка А. Л., других лиц, а также материалами дела, в том числе протоколом следственного эксперимента по установлению маршрута следования группы к указанному месту (т. 2, л. д. 229–231).

Шеремет указал, что, осмотрев местность, имеющиеся металлические заграждения, указатели (щит с надписью «Литовская Республика» на литовском языке, бетонная плита с надписью «Белорусская»), строения и сооружения, напоминающие контрольные пункты переходов на границе, он, **чтобы не сорвать задание редакции**, решил на всякий случай произвести теле съемку данной местности, сделать «стендап» на фоне щита с надписью «Литовская Республика». Заранее текст не готовил и в микрофон произнес то, что реально с ними случилось: *«группа сотрудников Белорусского бюро ОРТ, заблудившись, вышла на недействующий, никем не охраняемый КПП в районе белорусско-литовской границы»*. Оператор Завадский по его просьбе сделал несколько дублей «стендапа», после чего он попросил отснять пару общих планов ландшафта местности, видимых на данной местности металлических заграждений и строений, его, проходящего под металлическим заграждением. Сам он за щит «Литовская Республика» не заходил и не видел, чтобы Завадский производил видеосъемку отдельных сооружений и строений, их фрагментов на КПП «Мядининкай-2».

Завадский Д. А., подтверждая на предварительном следствии показания Шеремета об обстоятельствах появления их съемочной группы в районе белорусско-литовской границы у КПП «Мядининкай-2», также показал, что не уходил за указанный щит с надписью «Литовская Республика» в сторону строений и сооружений КПП «Мядининкай-2» и съемки там не производил (т. 1, л. д. 202–209, 213–216, 224–232).

**П. Шеремет утверждает, что в телерепортаже, показанном в программе «Время» 23.07.1997 г. на ОРТ, были использованы как сюжеты, отснятые им и оператором Завадским 22.07.1997 г. на белорусско-литовской границе, так и видеоматериалы из архива белорусского бюро ОРТ и из архива ДИП ОРТ (г. Москва).**

И Шеремет, и Завадский, и Овчинников утверждали, что на данной местности оказались впервые, не видели там указателей, предупреждающих о близости границы («Стоять, впереди Государственная граница!», «Проход и проезд запрещен!» и т. п.), каких-либо пограничных знаков, иного оборудования для обозначения линии госграницы, аналогичных тем, с которыми они встречались в своей практике при выезде на белорусско-польскую границу в район Вискулей при ведении видеосъемки 14 июня 1997 г.

По делу установлено, что действительно в момент прибытия группы журналистов белорусского бюро ОРТ 22 июля 1997 года линия Государственной границы Республики Беларусь на данном участке на местности **не обозначена ясно видимыми пограничными знаками**, как того требует Закон «О Государственной границе Республики Беларусь» (ст. 5), **отсутствует полоса очистки границы** до линии нахождения предполагаемых сооружений Пограничных войск Республики Беларусь на глубину до 5 метров в соответствии с межгосударственным договором, подписанным в феврале 1995 г. между Литвой и Беларусью. Подтверждением этому служит ответ врио Председателя ГКПВ Республики Беларусь Е. Ковалева от 26.09.1997 г., в котором он сообщает, что *«...рабочая группа под контролем представительства Топографо-геодезической службы Литовской Республики завершает проведение мероприятий по переносу с карт на местность точек будущей установки пограничных знаков... обозначение мест установки этих знаков носит прикладной характер и осуществляется подручными средствами временной сохранности»* (т. 4, л. д. 125).

Именно эти деревянные столбики из подручных средств, невидимые в густой траве, и обнаружили участники осмотра места «преступления» 24 июля 1997 г. во главе с дознавателем в/ч 2044 Пашко, уяснив, где фактически пролегает Государственная граница Республики Беларусь на данном участке. Это отчетливо было видно на видеозаписи, сопровождавшей действия дознавателей 24.07.1997 г.

В ходе последующих следственных действий данные столбики были произвольно кем-то перемещены ближе к дороге (протоколы выхода на место от 27.07.1997 г., от 4.09.1997 г.; т. 1, л. д. 74–77, 89–92, т. 2, л. д. 148–197). Данные обстоятельства признал в ходе допроса следователь Рагимов. Просмотреть же кассету с видеозаписью, зафиксировавшую действия дознавателя

Пашко с участием понятых и землеустроителя Грикеля З. Я., в судебном заседании не представилось возможным, так как, со слов того же Рагимова, **он уничтожил эту видеозапись.**

Допрошенный по инициативе суда специалист Рудов И. Л., помощник командующего Погранвойсками Республики Беларусь по вопросам делимитации и демаркации Государственной границы Республики Беларусь, пояснения которого отражены в протоколе судебного заседания, указал, что обнаруженные дознавателями 24.07.1997 г. деревянные столбики высотой до 60 см и в окружности от 10 до 20 см являются **временными граничными знаками**. Эти знаки временной сохранности устанавливаются для того, чтобы на их месте соорудить пограничные знаки установленного образца. Они носят чисто технический прикладной характер и не служат целям, чтобы их видели лица, находящиеся в пограничной полосе вблизи прохождения линии границы.

Суд же, вопреки установленному, исказив по существу пояснения специалиста Рудова, сделал вывод, основанный на предположении о том, что умысел осужденных на пересечение Государственной границы подтверждается тем, что «...сама граница обозначена на местности **видимыми центровыми столбиками**».

**1.3.** В приговоре суд, отмечая, что «в ходе предварительного следствия Шеремет П. Г. и Завадский Д. А. давали противоречивые показания, неоднократно изменяли их», сослался на показания Шеремета, данные им при допросе в качестве обвиняемого 18.08.1997 г. о том, что «...при монтаже сюжета, переданного на следующий день в программе “Время”, он (Шеремет) увидел, что Завадский снял на посту отдельные объекты крупным планом. В частности, строение в виде будки, шлагбаум, калитку в сетчатом ограждении, скамейку и др. **При этих фрагментах он узнавал именно ту местность и те сооружения на ней, которые имелись в той местности на границе, куда они попали, заблудившись, 22.07.1997 г. Допускает, что все эти вышеназванные фрагменты были сняты Завадским 22.07.1997 г. именно в том месте на границе, о котором он показал**» (т. 1, л. д. 147–159).

Там же Шеремет сообщает, что «кадры с замком на шлагбауме, скамейкой, шлагбаумом, строением, окрашенным в желтый цвет, калиткой, **возможно, были взяты из архива ОРТ в г. Москве, возможно, были на кассете, снятой Завадским 22.07.1997 г.**». Однако, уточнил Шеремет, он не видел, чтобы Завадский что-то подобное снимал (т. 1, л. д. 168–175). Таким образом, показания Шеремета в этой части носят характер **предположений и не могут быть истолкованы против него.**

Суд не принял во внимание показания осужденных в целом из-за их яко-

бы противоречивости и указал, что они пытаются уйти от ответственности за содеянное. **Вместе с тем данных, опровергающих их версию, в приговоре не привел.**

**1.4.** Признавая Шеремета и Завадского виновными в умышленном незаконном пересечении Государственной границы Республики Беларусь по предварительному сговору группой лиц и повторно (ст. 80 ч. 2 УК), суд в приговоре сослался на следующие доказательства:

1) протоколы осмотров участка Государственной границы Республики Беларусь с Литовской Республикой, расположенного в 3 км к северо-западу от населенного пункта Каменный Лог (т. 1, л. д. 56–58, 74–77, 89–92, т. 2, л. д. 148–197);

2) протоколы осмотров вещественного доказательства — видеокассеты «ТДК-180» с участием специалистов Демиденко и Баранова (т. 2, л. д. 198–219, 220–225);

3) заключения экспертов № 947 от 26.09.1997 г. (т. 3, л. д. 57–90), № 350 от 27.09.1997 г. (т. 3, л. д. 122–128), № 3182 от 26.09.1997 г. (т. 3, л. д. 116–121), №№ 2215, 2216 от 28.09.1997 г. (т. 3, л. д. 91–102, 103–115);

4) показания свидетеля Орлова В. И. на суде.

**Однако указанные источники доказательств не несут в себе информации, которая позволила бы суду прийти к выводу о виновности П. Шеремета и Д. Завадского по ст. 80 ч. 2 УК. Они ни прямо, ни косвенно не указывают на умышленное незаконное пересечение Государственной границы осужденными Шереметом и Завадским, не опровергают их версии случившегося, а напротив, во многом согласуются с ней.**

По делу установлено, что должностные лица органа дознания в/ч 2044 (Пашко, Шумейко, Демиденко, Страх и др.) в нарушение ст. 20 УПК РБ, договора между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам проводили осмотры места предполагаемого пересечения Государственной границы Шереметом и Завадским с применением видеозаписи и фотографирования объектов, принадлежащих литовской стороне, с переходом Государственной границы Республики Беларусь на территорию сопредельного государства (протоколы осмотров от 24.07.1997 г., 27.07.1997 г.; т. 1, л. д. 56–58, 74–77, 78–82).

В томе 5 на л. д. 124 имеется обращение Председателя Государственного Комитета Пограничных войск Республики Беларусь к врио Главного комиссара Департамента пограничной полиции при МВД Литовской Республики П. Якубенасу с просьбой дать указание Вильнюсскому погранотряду о проведение пограничной представительской встречи на уровне заместителя по-

гранпредставителя по Сморгонскому участку для осмотра места пересечения границы и при необходимости захода следственной группы из 7 человек на литовскую территорию на расстояние 40–50 метров. На л. д. 125 т. 5 на данный запрос имеется ответ П. Якубенаса, из которого усматривается, что литовская сторона не дала согласия на проведение подобной встречи и не направила своих представителей для участия в следственных действиях на территории Литвы. С аналогичной просьбой о необходимости проведения следственных действий на территории Литовской Республики обращался и Генеральный прокурор РБ О. Божелко (т. 3, л. д. 239–240). Однако ответа от литовских властей не последовало.

О том, что подобные следственные действия все же были проведены должностными лицами в/ч 2044 без соответствующего разрешения литовских властей и без их участия, свидетельствуют материалы дела (т. 1, л. д. 56–58, 74–77, 78–82, т. 2, л. д. 172–175, 176–179, 190–197), в которых зафиксированы факты незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь лицами, принимавшими участие в следственных действиях с выходом на место и ведением фото-видеосъемки с территории Литовской Республики, ее режимных пограничных объектов.

**Для суда было очевидным, и на это обращали внимание защитники, что полученные в результате подобных следственных действий доказательства юридической силы не имеют (ст. 27 Конституции Республики Беларусь ст. 63, 64, 302 УПК) и использование их в уголовном судопроизводстве недопустимо. Однако суд не только не дал им правильную правовую оценку, но и сослался на них в приговоре как на доказательства вины Шеремета и Завадского.**

1.5. В приговоре суд сослался на протоколы осмотров так называемой видеокассеты Сидлецкого «ТДК-180» с участием специалистов Демиденко и Баранова. Следует отметить, что данные протоколы в ходе судебного следствия не исследовались, а специалисты в суд не приглашались и не опрашивались.

В ходатайствах защиты, заявленных в порядке ст. 202 УПК при окончании предварительного следствия, в порядке ст. 225 УПК в стадии предания суду, в порядке ст. 256 УПК в ходе судебного разбирательства приводились убедительные доводы, основанные на законе и судебной практике, о невозможности использования данных, полученных при проведении этих следственных действий. В частности, в них указывалось, что Демиденко не мог быть использован как специалист по делу, так как являлся начальником пограничного поста «Мурованая Ошмянка» и по должности непосредственно подчинялся командиру в/ч 2044, возбудившему настоящее уголов-

ное дело; при осмотре места прохождения линии Государственной границы 24.07.1997 г. использовался в качестве понятого (т. 1, л. д. 56); по заданию командования в/ч 2044 о закреплении следов преступления составил схему прохождения линии Государственной границы Республики Беларусь (т. 4, л. д. 43). **Таким образом, использование Демиденко противоречило требованиям ст. ст. 27, 74, 128-1 УПК, так как он являлся лицом, заинтересованным в исходе дела.**

1.6. В приговоре как на доказательство вины Шеремета и Завадского суд сослался на пояснения специалиста Баранова В. А. о том, что «*группа фрагментов сюжета, транслировавшегося 23.07.1997 г. в программе “Время” по телеканалу ОРТ и отображенная в перезаписи на видеокассете Сидлецкого была снята в один и тот же день, в короткий промежуток времени в пределах 20 минут, одним оператором, на одну профессиональную видеокамеру высокого класса “Бетакам СП”*» (т. 2, л. д. 220–224).

Однако согласно заключению экспертов № 350 от 27.09.1997 г., на которое суд также сослался в приговоре, приведенные выше **утверждения специалиста Баранова экспертами опровергаются**. Их выводы однозначно свидетельствуют о том, что (1) **установить, в какое время** (в один день или более сжатые сроки, короткий промежуток времени) **проводились съемки фрагментов сюжета** на тему о белорусско-литовской границе, **не представляется возможным**; (2) **установить, какой конкретно видеокамерой и с применением какого объектива производилась съемка данных фрагментов, не представилось возможным**; (3) **установить авторство фрагментов сюжета, показанного 23.07.1997 г. в программе «Время», также не представилось возможным** по причинам, изложенным в исследовательской части экспертного заключения. Эксперты констатировали, и это важно отметить, что в сюжете имеются два фрагмента из видеозаписей, изъятых из архива белорусского бюро ОРТ: пограничный столб с Государственным гербом Республики Беларусь и сотрудник таможни, пломбирующий автофургон (т. 3, л. д. 122–125).

Ссылаясь на мнение специалистов Баранова и Демиденко, суд проигнорировал разъяснения, содержащиеся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3.06.1987 г. № 4 (с изменениями от 19.06.1992 г.) «О соблюдении судами республики процессуального закона при разбирательстве уголовных дел», относительно того, что «*судам необходимо учитывать, что в соответствии с действующим законом эксперт и специалист имеют разное процессуальное положение и полномочия, определенные различными статьями УПК Республики Беларусь. Эксперт на основании произведенных исследований дает заключение, которое является*



*одним из видов доказательств. Пояснение специалиста обязательно отражается в протоколе судебного заседания, однако само по себе доказательством не является».*

1.7. Свидетель Сидлецкий С. в судебном заседании после просмотра видеокассеты «ТДК-180», приобщенной к материалам дела как вещественное доказательство, указал, что на ней не та видеозапись, которую он сделал и передал подполковнику Страху — начальнику оперативного отдела в/ч 2044 вместе с рапортом от 24.07.1997 г. (т. 1, л. д. 21). Переданная Сидлецким видеокассета с записью программы «Время» от 23.07.1997 г. органом дознания в нарушение ст. 78–79 УПК не была подробно описана и не приобщена к делу особым постановлением в качестве вещественного доказательства.

Свидетель Пашко — дознаватель в/ч 2044 суду пояснил, что он с переданной ему подполковником Страхом видеокассеты «ТДК-180» **переписал часть содержавшейся на ней видеозаписи сюжета**, относящегося к репортажу с белорусско-литовской границы, а **оригинал — кассету Сидлецкого — уничтожил**. Именно эта **подложная видеокассета** представлялась затем для исследования специалистам Демиденко и Баранову, экспертам, и признана, по существу, основным опорным доказательством по делу. Именно ее в конце предварительного следствия следователь Рагимов признал вещественным доказательством.

Вместе с тем эти обстоятельства, установленные в ходе судебного разбирательства, не нашли отражения и оценки в приговоре, хотя в частном определении суда на имя Генерального прокурора Республики Беларусь они признаны как грубые нарушения уголовно-процессуального законодательства, допущенные должностными лицами органов дознания и предварительного следствия. Противоречивость в оценке указанных обстоятельств свидетельствует о необъективности и предвзятости суда при решении вопроса о доказанности вины осужденных по делу.

1.8. Не соответствует действительности утверждение суда, содержащееся в приговоре, о том, что «экспертизами №№ 947, 2215, 2216 подтверждена идентичность сюжета по содержанию на тему о белорусско-литовской границе в видеокассете Сидлецкого и видеокассете, предъявленной ОПТ (т. 3, л. д. 58, 95)».

Между тем, экспертизой № 947 (эксперт Красаускас В. В.) исследовались представленные следователем Рагимовым видеокассета Сидлецкого «ТДК-180» и видеокассеты с записями следственных действий, связанных с выходом на место и проверкой правдивости показаний Шеремета и За-

вадского от 24, 27 июля 1997 г. и 4 августа 1997 г. Об этом прямо указано в постановлении следователя о назначении экспертизы и в самом заключении. В пункте 1 выводов эксперт указал, что «*видеосъемка исследуемых фрагментов в сюжете на тему о белорусско-литовской границе произведена на участке Государственной границы Республики Беларусь с Литовской Республикой в трех километрах к северо-западу от населенного пункта Каменный Лог Ошмянского р-на, и на них отражены именно те участки местности, объекты, указатели и сооружения, как расположенные на территории Республики Беларусь, так и Литвы, которые зафиксированы при осмотрах*».

В заключениях №№ 2215, 2216 содержатся ответы на вопросы следователя: «*присутствуют ли признаки монтажа или другие изменения, внесенные в процессе записи сюжета, фрагментов и голосового комментария в сюжете*».

При исследовании видеокассеты, присланной из Москвы, с записью сюжета, показанного в программе «Время» 23.07.1997 г., эксперты Шаховский А. П. и Ячный В. В. «*обнаружили признаки изменений, признаки электронного монтажа (методом компоновки, перезаписи встык и микширования отдельных фрагментов, природа возникновения которых экспертам неизвестна)* (т. 3, л. д. 91)».

**Идентификация же данной видеокассеты с видеокассетой Сидлецкого экспертами не проводилась, и подобные выводы в заключении отсутствуют.**

Экспертные заключения, имеющиеся в материалах дела, не исключают, а напротив, подтверждают правдивость показаний осужденного Шеремета о том, что при подготовке видеосюжета использовались видеозаписи из архива как Белорусского бюро ОПТ, так и Общественного Российского Телевидения (г. Москва). Директор информационных программ ОПТ А. Любимов в представленной суду справке от 18.12.1997 г. № 52/5/390 указал, что «*существующая практика подготовки информационных сюжетов к эфиру предполагает с целью насыщения изобразительного ряда использование архивных материалов. Не исключено, что этот режиссерский прием был применен и при подготовке сюжета из Беларуси 23 июля 1997 г. Поскольку этот процесс носит технический характер и не фиксируется, установить факт и время съемки такого рода т. н. “перебивочных” материалов не представляется возможным*».

1.9. В приговоре суд привел произвольно истолкованную им запись из исследовательской части экспертизы № 350 от 27.09.1997 г. о том, что «*сюжеты, снятые для информационных передач, которым и является видеосюжет о белорусско-литовской границе, транслировавшийся 23.07.97 в программе*

«Время» по телеканалу ОРТ, определяется замыслом автора-журналиста, а не оператора, являющегося исполнителем». Оценивая доказательства в их совокупности и на основании вышеприведенного анализа экспертов, суд сделал абсолютно не вытекающий из данного анализа вывод о том, что «предварительный сговор и совместное пересечение госграницы подтверждается тем, что видеосюжет о госгранице определялся замыслом автора-журналиста Шеремета П. Г. и все фрагменты с литовской территории сняты Завадским Д. А. по указанию Шеремета и в его присутствии».

Между тем, такой далеко идущий вывод не согласуется с материалами дела и, прежде всего, с результатами экспертизы, на которую суд сослался. В заключении отмечено, что «авторство исследованных фрагментов сюжета (9) однозначно **определить невозможно**, так как сюжеты, снятые для информационных передач, определяются замыслом автора этих сюжетов — журналиста, редактора, а не оператора, являющегося исполнителем». В своих выводах эксперты категорично указали, что «**установить авторство фрагментов (9) сюжета, показанного 23.07.1997 г. в программе «Время» не представилось возможным по причинам, изложенным в исследовательской части».**

Допрошенный в суде свидетель Д. Новожилов показал, что возможные темы репортажей корреспонденты коррсети и ОРТ согласовывают с редакторами группы планирования Дирекции информационных программ ОРТ. Затем эти темы попадают в сводный список предложений для программы «Время» или выпуска «Новостей» и рассматриваются на редакционном совете. Над сюжетом, присланным в ДИН, работают многие специалисты, в сюжете могут быть использованы архивные материалы ОРТ, и отвечает за выход в эфир телерепортажа в первую очередь шеф-редактор. **Однако, показания данного свидетеля не получили оценки в приговоре.**

1.10. При оценке доказательств необходимо было иметь в виду, что осужденные Шеремет и Завадский не были задержаны непосредственно на месте инкриминируемого им незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь. По сведениям БелАПАН от 29.07.1997 г. (Алесь Князюк, г. Минск), распространенным для СМИ, Пограничная полиция Литвы отрицает, что 22 июля 1997 года имело место незаконное пересечение ее границы с Беларусью какими бы то ни было гражданами. Об этом заявил в беседе с корр. БелАПАН врио Главного комиссара Пограничной полиции П. Якубенас. По его словам, Литовская Республика не имеет никаких претензий ни к Шеремету, ни к другим сотрудникам Белорусского бюро ОРТ. Материалы об этом были приобщены судом, оглашены в ходе исследования письменных документов, однако приговором суда оставле-

ны без внимания.

Основным критерием, которым суд руководствовался при вынесении приговора, и это видно из его содержания, является наличие в сюжете, показанном в программе «Время» 23.07.1997 г., кадров, отображающих объекты КПП «Мядининкай-2», принадлежащие литовской стороне: **скамейка желтого цвета, навесной замок, двустворчатый шлагбаум, одноэтажное строение желтого цвета, съемку которых можно произвести только при нахождении на территории Литовской Республики.**

Однако сама по себе констатация этого объективного факта не может служить достаточным основанием для обвинения осужденных в умышленном пересечении госграницы. Для этого необходимы веские доказательства, основанные на фактических данных, полученных в строго определенном законом порядке, и только на основании их можно установить наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Суд же, в нарушение ст. 302, 311 УПК, обосновал обвинительный приговор на предположениях при отсутствии достаточных доказательств, исказил материалы дела, проявив предвзятость и односторонность в их оценке. При этом суд грубо проигнорировал требования закона и судебной практики о том, что в приговоре **«надлежит дать анализ всех собранных по делу доказательств, то есть всех фактических данных, содержащихся в показаниях свидетелей, потерпевших, подсудимых, в заключении экспертов и других источников доказательств, которые подтверждают или опровергают обвинение... При этом следует иметь в виду, что в приговоре должны получить оценку все доказательства, рассмотренные в судебном заседании... Принятие одних и признание недостоверными других доказательств судом должно быть мотивировано... Все сомнения в отношении доказанности обвинения толкуются в пользу подсудимого»** (пп. 4, 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 19.06.1992 г. № 6 «О судебном приговоре»).

Между тем, в приговоре не нашли отражения показания свидетелей Сидлецкого, Страха, Скобля, Пашко, Рагимова, Зыка, Чернобай, Киптенко, Новожилова, анализ и оценка которых могли существенно повлиять на выводы суда о допустимости и достаточности имеющихся в деле доказательств, положенных в обоснование обвинительного приговора. В нарушение закона (ст. 311 УПК) суд в приговоре не указал цели и мотивы незаконного пересечения Государственной границы Шереметом и Завадским и не привел каких-либо доказательств в обоснование этих важных элементов состава преступления.

В своих оценках и выводах суд не мотивировал наличие или отсутствие в действиях осужденных состава административного проступка, предусмотренного ст. 184 КоАП и связанного с нарушением режима Государственной границы (ст. 17 Закона «О Государственной границе Республики Беларусь»), хотя в их показаниях и в материалах дела имеются данные, позволяющие оценить их действия как административное правонарушение.

Вынесенный приговор, его обоснование, содержащиеся в нем мотивировки нельзя расценить иначе, как «объективное вменение», напоминающее о судилищах 30-50-х годов в период сталинских репрессий. Подобный судебный прецедент не должен состояться. Он противоречит провозглашенным в Конституции Республики Беларусь демократическим принципам уголовного судопроизводства, соблюдению законности при расследовании и рассмотрении дел.

## 2. Несоблюдение судом процессуального закона при разбирательстве дела.

Одним из обязательных условий осуществления правосудия и вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора является строгое соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства. Однако судебное рассмотрение настоящего уголовного дела изобиловало грубейшими нарушениями процессуальных норм.

Кроме тех нарушений, что относятся к оценке доказательств и постановлению приговора и перечислены в первой части жалобы, следует указать на следующие.

1. При предании суду был проявлен формализм и небрежность в этой стадии процесса. Известно, что настоящее уголовное дело в 6 томах поступило в суд 3 декабря 1997 г. С 4 по 6 декабря председательствующий Казакевич находился в командировке в Минске на первом съезде судей, 7 декабря — выходной день, воскресенье, а уже 8 декабря обвиняемые Шеремет и Завадский были преданы суду.

Такая поспешность обусловила невыполнение судом требований ст. 223–225, 230 УПК, лишила защиту возможности обратиться и участвовать в рассмотрении заранее подготовленных письменных ходатайств, способствовала односторонности и неполноте судебного следствия, воспрепятствовала вынесению законного приговора.

2. Из-за низкого качества врученных подсудимым копий обвинительного заключения, которые невозможно было прочесть, суд отложил дело на 5 дней для вручения новых копий, но и они были вручены без списка лиц,

подлежащих вызову в суд, других необходимых приложений к нему, чем нарушены требования ст. 239 УПК, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 4 от 3.06.1987 г. (с изменениями от 19.06.1992 г.).

3. В подготовительной части судебного разбирательства необоснованно отклонены мотивированные, составленные в письменной форме ходатайства подсудимых и их защитников о направлении уголовного дела на дополнительное расследование. Изложенные в ходатайствах аргументы требовали оценки материалов дела прежде всего с позиции допустимости и достаточности представленных в них доказательств.

Последующий ход судебного разбирательства и содержание вынесенного судом частного определения в адрес Генерального прокурора Республики Беларусь о допущенных в ходе дознания и предварительного следствия нарушениях уголовно-процессуального законодательства подтвердили обоснованность заявленных ходатайств. Однако в приговоре суда изложенные в них доводы защиты не были проанализированы и не получили должной оценки. Содержание частного определения свидетельствует также о том, что суд вынес обвинительный приговор при наличии у него серьезных сомнений. Так, в частном определении суд, сославшись на конкретные факты нарушений закона, допущенные дознавателем Пашко и следователем Рагимовым, указал, что они «допустили и другие нарушения, которые требуют дополнительной проверки».

В то же время по смыслу ст. 15-3 УПК частным определением (постановлением) суд вправе обратить внимание лишь на «установленные по делу факты нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия». При этом прокурорская проверка по инициативе суда при рассмотрении дела допускается только до его рассмотрения по существу.

1. В соответствии со ст. 249 УПК в судопроизводстве по уголовным делам допускается участие представителей общественных организаций и трудовых коллективов. Между тем, суд, не приводя мотивов и не обосновывая свое решение на норме закона, отклонил ходатайства о допуске в качестве общественных защитников уважаемых и известных в республике граждан Тихини, Крука, Свирко при наличии у них надлежаще оформленных письменных полномочий.

Не обеспечив участие в судебном заседании указанных представителей общественных организаций и трудовых коллективов, суд нарушил ст. 1, 9, 14, 243, 249 УПК, п. 6. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 4 от 3.06.1987 г. (с изменениями от 19.06.1992 г.).

2. В ходе судебного следствия суд удовлетворил ходатайство защиты

и признал необходимым вызвать и допросить в качестве свидетелей граждан Грикеля и Садкаукаса, однако мер к их явке в судебное заседание не предпринял и при окончании судебного следствия не выяснил у участников процесса возможность окончания дела в отсутствие не явившихся свидетелей.

3. Не было надлежало решено заявленное общественным защитником Звозсковым ходатайство, поддержанное другими участниками процесса, о проведении судебно-технической экспертизы видеокассет с записью сюжета, показанного в программе «Время» 23.07.1997 г. (кассета «ТДК-180» Сидлецкого), и видеозаписью с отображением хода следственного действия по установлению прохождения линии госграницы от 24.07.1997 г. (дознатель Пашко). Суд по данному ходатайству решения не принял.

Фактически оказалось нерассмотренным заявленное защитой в порядке ст. 256 УПК ходатайство о возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц, проводивших дознание и предварительное следствие (Пашко, Страх, Рагимов и др.).

4. Весьма оригинально суд разрешил и ходатайство защиты о просмотре и исследовании в ходе судебного заседания видеозаписи, произведенной журналистами Белорусского бюро ОРТ (Шеремет, Завадский, Гельбах) при подготовке телерепортажа о совместном заседании парламентов Беларуси и России в Вискулях 14.06.1997 г. Видеокассета с данным материалом была изъята в помещении Белорусского бюро ОРТ в ходе предварительного следствия и приобщена к материалам настоящего уголовного дела в качестве вещественного доказательства.

Именно на ней эксперты обнаружили кадры, использованные при монтаже сюжета с белорусско-литовской границы, показанного 23.07.1997 г. в программе «Время» на ОРТ (кадры, демонстрирующие пограничный столб с Государственным гербом Республики Беларусь и таможенника, пломбирующего дверцу автофургона).

Обсудив данное ходатайство, суд принял следующее решение: *«признать возможным просмотреть видеокассету от 14.06.97 без занесения в протокол судебного заседания данного процессуального действия и обсуждения по нему»* (см. протокол судебного заседания). Несмотря на возражения подсудимых и их защитников в специально объявленном для этого перерыве в присутствии полного состава суда, других участников процесса, содержание видеокассеты было просмотрено. Кроме указанных выше кадров, на ней отображено, как отдельные депутаты Государственной Думы Российской Федерации и Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, находясь в пограничной полосе на белорусско-польской границе, **в пешем порядке пересекли Государственную границу Республики Бела-**

**русь и углубились до 30–50 метров на территорию сопредельного государства, а затем в таком же порядке пересекли Государственную границу в обратном направлении и вернулись на территорию Беларуси.**

Как пояснили на предварительном следствии Шеремет и Завадский, именно они производили эту видеосъемку, отображая объективно происходящие там события, и сами вслед за депутатами также пересекли Государственную границу в указанном месте дважды, туда и обратно, но сделали это, выполняя исключительно свои журналистские обязанности в соответствии с заданием руководства ДИН ОРТ о подготовке сюжета о работе межпарламентской ассамблеи. Разрешения на пребывание их съемочной группы (а в ее состав входили и оператор Белорусского бюро ОРТ Гельбах С. П., и водитель Овчинников Я. Б.) в пограничной полосе и проведение там видеосъемки они от руководства ГКПВ РБ не получали.

В ходе предварительного следствия данный эпизод не исследовался и правовой оценки не получил. Суд, как мы видим, также уклонился от исследования и оценки указанных обстоятельств. Между тем, с учетом данных осужденными объяснений как по вмененному им эпизоду незаконного пересечения Государственной границы, так и по указанному выше о том, что, «находясь в районе Государственной границы, они выполняли исключительно свои журналистские обязанности», их действия надлежало адекватно оценить по этим двум эпизодам, **исходя из принципа объективности и равенства всех граждан перед законом.**

Таким же образом, если оценивать материалы дела непредвзято, *«вне пункта пограничного пропуска, без установленного паспорта и разрешения надлежащих властей»* (как это указано в обвинительном заключении и в обжалуемом приговоре в отношении Шеремета и Завадского) 24.07.1997 г. дознаватель Пашко, понятые Мороз и Демиденко — все трое офицеры в/ч 2044, землеустроитель Грикель, а 27.07.1997 г. тот же дознаватель Пашко, дознаватель Шумейко, военнослужащие срочной службы в/ч 2044, использованные в качестве понятых, Тихонович, Протасеня, Крупеня, Михайлов и др. с участием проходящих тогда по делу свидетелями Шереметом и Завадским по предварительному сговору в пешем порядке дважды (туда и обратно) умышленно незаконно пересекли Государственную границу Республики Беларусь, сопровождая свои действия видеозаписью с помощью видеокамеры «Panasonic».

**Однако суд уклонился от исследования указанных обстоятельств, не дал им оценки в приговоре, хотя они, на наш взгляд, имели исключительно важное и принципиальное значение для разрешения настоящего дела.**

5. В нарушение ст. 264 УПК в протоколе судебного заседания не отражены в полном объеме показания осужденного Шеремета, хотя они приводятся и анализируются в приговоре (изложенные в письменной форме показания Шеремета по предъявленному обвинению, с которыми он выступил в суде 5.01.1998 г., лишь приобщены к материалам дела). Не отражено в протоколе судебного заседания и сделанное Шереметом заявление о грубых нарушениях процессуального законодательства, допущенных председательствующим Казакевичем (заявление также приобщено к материалам дела).

6. В судебном заседании 20.01.1998 г. по уважительной причине не присутствовал допущенный судом в качестве защитника Шеремет Г. Н. — отец осужденного Шеремета П. Г. Причиной неявки явилось то, что накануне его жена была доставлена на машине скорой помощи в больницу в связи с развившимся внезапно тяжелым заболеванием, прооперирована и находилась в реанимационном отделении. Защитник Шеремет Г. Н. и его сын просили об отложении дела в соответствии со ст. 250 УПК. Кроме того, подсудимый Шеремет ссылался на то, что в связи с указанными обстоятельствами находится в крайне угнетенном состоянии, испытывает психофизические страдания и не может нормально воспринимать судебный процесс.

Ходатайство об отложении дела было поддержано всеми участниками процесса, об этом же просил и прокурор, давая заключение по нему. Однако суд, вопреки закону, здравому смыслу и принципам гуманизма принял решение о продолжении судебного заседания в отсутствии защитника Шеремета. **Именно в этой части судебного разбирательства председательствующий объявил об окончании судебного следствия, опросил прокурора, подсудимых, защитников и общественных защитников о дополнении судебного следствия, а затем объявил о судебных прениях и предоставил слово прокурору, который выступил с обвинительной речью в отсутствии защитника Шеремета Г. Н.**

Таким образом, суд грубо нарушил права защитника Шеремета Г. Н., предусмотренные ст. 53, 248 УПК, лишив его в том числе возможности заявить подготовленные им ходатайства на стадии окончания судебного следствия, нарушил право подсудимого Шеремета на защиту (ст. 14, 48, 49, 243 УПК, постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 11 от 10.12.1993 г. «О практике применения законов, обеспечивающих право на защиту в уголовном процессе»).

7. Изложенные выше факты грубого нарушения установленного порядка уголовного судопроизводства, тенденциозность, необъективность и непоследовательность, усматривающиеся при принятии судом решений, избранный явно обвинительный уклон побудили защитников дважды заявить

отвод составу суда и председательствующему Казакевичу, т. к. приведенные обстоятельства давали серьезные основания усомниться в беспристрастности и объективности судей.

Посчитав, что судьи прямо или косвенно заинтересованы в исходе настоящего уголовного дела, защита обосновала просьбу об отводе, руководствуясь основаниями, изложенными в ст. 27, 29 УПК Республики Беларусь. Однако, вопреки ожидаемому решению об отводе, суд, исказив правовые основания отвода, отклонил заявленные ходатайства.

При отводе, заявленном председательствующему судье Казакевичу, тот перед удалением судей в совещательную комнату открыто в ходе судебного заседания продиктовал им мотивы и основания отклонения ходатайства, зафиксированные в протоколе судебного заседания: «...*председатель вел процесс демократично, без нарушения норм уголовно-процессуального законодательства...*»

\* \* \*

В нарушение ч. 2 ст. 359 УПК, п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24.03.1989 г. № 3 «О дальнейшем укреплении законности в деятельности судов кассационной и надзорной инстанции при рассмотрении уголовных дел» в обжалуемом кассационном определении не содержатся ответы на доводы, приведенные в кассационных жалобах осужденных и их защитников, не указаны основания, по которым эти доводы признаны неправильными или несущественными.

Несмотря на наличие в деле оснований, предусмотренных ст. 15-3 УПК, суд кассационной инстанции не вынес частное определение в отношении судьи Казакевича В. Г. в связи с допущенными многочисленными нарушениями процессуального закона при рассмотрении дела, которые изложены выше.

**Допущенные судами нарушения не обеспечили соблюдение гарантированных законом прав на защиту, на полное, объективное и беспристрастное исследование имеющихся материалов дела и доказательств и не способствовали вынесению справедливых, законных и обоснованных решений по делу. При таких обстоятельствах обжалуемые судебные постановления подлежат отмене.**

Вопреки требованиям правил, изложенным в ч. 2 ст. 385 УПК, в ответе председателя Гродненского областного суда Буйко И. А. на надзорную жалобу не содержатся доводы, опровергающие аргументы заявителей об основаниях для принесения протеста на состоявшиеся по делу судебные постановления. В ответе лишь повторены оценки и выводы, сделанные судами

первой и второй инстанций, в связи с чем подобный **ответ нельзя признать мотивированным.**

Считаем необходимым довести до Вашего сведения, что речь идет о грубых нарушениях прав наших подзащитных, связанных с их незаконным преследованием в уголовном порядке, содержанием под стражей и осуждением. В случае неправосудного решения по делу наши подзащитные намерены воспользоваться процедурами, предусмотренными ст. 2 факультативного протокола № 1 к Международному пакту о гражданских и политических правах, ратифицированному парламентом Беларуси.

Принимая во внимание, что **доказательствами**, рассмотренными судом первой инстанции, предъявленное подсудимым Шеремету П. Г. и Завадскому Д. А. **обвинение не подтверждено**, и нет оснований для производства дополнительного расследования и нового судебного и кассационного рассмотрения дела, руководствуясь ст. 380, 384, 385, 387, 388 УПК Республики Беларусь,

**ПРОСИМ:**

Истребовать из суда Ошмянского района уголовное дело в отношении осужденных Шеремета П. Г., Завадского Д. А., принести протест на предмет отмены состоявшихся судебных постановлений и о прекращении производства по делу за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 5 УПК).

Защитники

*Погоняйло Г. П.*

*Волчек М. В.*

*Лабохо С. И.*

г. Минск

*Машинопись. Копия. Архив Г. Погоняйло.*

## **ДЕЛО ВАСИЛИЯ СТАРОВОЙТОВА**

Верховный Суд Республики Беларусь,  
Министерство юстиции  
копия: ОБСЕ, Консультативно-наблюдательная группа в Беларуси  
Об обстоятельствах, влекущих отстранение судей, рассматривающих уголовное дело по обвинению Старовойтова В. К.

### **ХОДАТАЙСТВО**

30 ноября 1998 г. в Кировске, Могилевской области, судом в составе председательствующей — Чмара Н. Ф. и народных заседателей Козлова В. Ф. и Свирко В. В. началось слушание уголовного дела по обвинению Старовойтова В. К.

Согласно постановлению о предъявлении обвинения от 25 июля 1998 г. и обвинительному заключению от 6 ноября 1998 г. Старовойтову В. К. инкриминируются преступления, предусмотренные ст. 91 ч. 4.170, ч. 2.17, ч. 4 и 75 ч. 2.151, ч. 2.17, ч. 4 и 154, 160-1, ч. 2.166, ч. 2.167, 150-2, 213 УК Республики Беларусь. По этим же статьям он предан суду.

Ранее под председательством судьи Чмара рассмотрено пять уголовных дел в отношении должностных лиц АО АПО «Рассвет»: В. Ковальчука; Т. Желобаевой и С. Желобаева; А. Белявского и Т. Белявской; А. Бутера и В. Русанова; О. Мухи; В. Степанченко.

Дела в отношении указанных лиц в ходе предварительного следствия были выделены из материалов дела по обвинению Старовойтова В. К. Все они обвинялись в совершении различных преступлений по сговору и с участием, в составе организованной преступной группы, возглавляемой Старовойтовым.

Все вышеперечисленные лица признаны виновными и осуждены по эпизодам преступной деятельности, которые вменены также Старовойтову и являются предметом исследования по настоящему делу. В приговорах дана правовая оценка доказательствам, в том числе с использованием показаний осужденных, а также показаний Старовойтова В. К., полученных на предварительном следствии.

Указанные выше осужденные включены в список лиц, вызываемых в качестве свидетелей. Таким образом, судья Чмара в указанных приговорах высказала свою оценку по вопросам, содержащимся в ст. 304 УПК и фактически предрешила виновность Старовойтова по ряду эпизодов, инкриминируемых ему в вину (принцип преюдиции). Это лишает ее возможности объективно, полно исследовать материалы дела и вынести обоснованное и законное решение по нему.

Изложенные обстоятельства дают основания утверждать, что судья Чмара нарушила требование ст. 28 УПК о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела.

Кроме того, председательствующая Чмара скрыла обстоятельства, устранившие ее как судью от участия в рассмотрении уголовного дела по обвинению Старовойтова В. К. (ст. 16, 27, 29 УПК).

Так, она неоднократно бывала в доме Старовойтовых на правах друга семьи, участвовала в застольях. Старовойтов, будучи руководителем хозяйства, принял на работу ее мужа после увольнения его с предыдущего места работы по дискредитирующим основаниям.

Данные обстоятельства Чмара признала в своих публичных объяснениях на суде по поводу заявленного отвода.

Теплые, дружеские отношения между Чмара Н. Ф. и Старовойтовым В. К. подтверждаются фотографиями, хранящимися в фотоальбоме семьи Старовойтовых.

О личной прямой или косвенной заинтересованности судей в исходе дела свидетельствуют незаконные, по нашему мнению, решения по заявленным мотивированным ходатайствам.

Так, судом необоснованно отклонены ходатайства защиты о приобщении к делу ряда документов, характеризующих личность Старовойтова В. К.: письмо Сумарокова В. М. — полномочного представителя Президента РФ по Кировской области, лично знающего Старовойтова В. К.; открытое письмо профессора Лепина Г. Ф., опубликованное в газете «Народная Воля» и др., чем нарушены ст. 15, 61, 64, 277 УПК.

Судом отказано профессору Лепину Г. Ф. в праве лично обратиться к суду с поручительством и дать пояснения, связанные с таким обращением.

Судом неоднократно отклонялись мотивированные ходатайства защиты об изменении меры пресечения Старовойтову В. К., опирающиеся на экспертные заключения врачей о тяжести заболеваний, которыми он страдает, и необходимости экстренного лечения.

Дважды суд отклонил ходатайство о направлении дела на дополнительное расследование, несмотря на то, что суду были представлены данные о грубейших нарушениях процессуального законодательства в ходе предварительного расследования и составления обвинительного заключения. Так, отклоняя ходатайство о направлении дела на дополнительное расследование в связи с неправильным разделением дела по обвинению Леонова В. С., суд признал необходимым допросить его в качестве свидетеля, хотя он в списке свидетелей при обвинительном заключении не значится. Между тем Леонов не может быть допрошен в качестве свидетеля, так как ему инкриминируются аналогичные преступные действия, что и Старовойтову, и предвари-

тельное следствие по его делу еще не закончено. Кроме того, суд не вправе допросить Леонова в качестве свидетеля под страхом уголовного преследования по ст. 177, 178 УК РФ, принудить его в нарушение ст. 27 Конституции Республики Беларусь к даче показаний против самого себя.

С аналогичными нарушениями суд отклонил ходатайство о направлении дела на доследование в связи с неправильным выделением дел в отношении Яскевича Г. М., Белугина А. Я., Валькевича Г. В., Ковширко А. И., Таркана Н. А. и др., которым предъявлены обвинения в хищениях в особо крупных размерах и взяточничестве по одним и тем же эпизодам в преступной группе со Старовойтовым. Указанные лица не могут быть допрошены в настоящем процессе в качестве свидетелей по вышеизложенным причинам, а без их допроса и оценки показаний в совокупности с другими материалами суд лишен возможности всесторонне, полно и объективно исследовать доказательства, выявить как уличающие, так и оправдывающие подсудимого Старовойтова обстоятельства.

Судом необоснованно отклонено представленное защитой экспертное заключение врача-психиатра Буданова В. В., заверенное оригинальной печатью и личной подписью эксперта, на том лишь основании, что экспертное заключение официально не было направлено суду. В то же время, после подтверждения Будановым в суде подлинности представленного заключения, суд отказал в его оглашении и исследовании обстоятельств, указанных в нем.

Суд назначил в порядке ст. 291 УПК судебно-психиатрическую экспертизу на суде. Таким образом, суд, не рассмотрев заключение врача — эксперта Буданова В. В., исключил его из числа доказательств, фактически дав оценку этому заключению еще до вынесения приговора.

В перерывах в судебном заседании судья Чмара Н. Ф. трижды склоняла Старовойтова В. К. отказаться от проведения комплексной стационарной психолого-психиатрической экспертизы, заявленной защитой, а также к отказу от защитников. Данные обстоятельства в ходе судебного разбирательства стали известны от Старовойтова В. К.

В публичных объяснениях по заявленному отводу судья Чмара и заседатели Козлов и Свирко открыто оскорбляли адвоката Стремковскую В. В. и угрожали мерами воздействия со стороны Министерства юстиции и Мингорколлегии адвокатов. Известно, что в эти адреса судом действительно направлены документы для принятия соответствующих мер реагирования. В Мингорколлегии адвокатов 30 января 1999 г. возбуждено дисциплинарное дело.

С нарушением ст. 263 УПК отстранен от ведения дела общественный защитник Погоняйло Г. П. В судебном заседании Чмара уведомила участников процесса о том, что она лично информировала Протько Т. С. — председателя БХК — о замене общественного защитника, выслала телеграмму этой общест-

венной организации, и Протью лично расписалась в ее получении.

Между тем, телеграмма была послана на адрес: г. Минск, ул. Гикало, 20–94, то есть на старый адрес БХК, изменившийся более года назад.

Не удаляясь в совещательную комнату, суд в нарушение ст. 13 УПК принял решение о закрытом судебном разбирательстве по надуманным основаниям (в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни Старовойтова В. К.). Допрос подсудимого Старовойтова В. К. показал, что такие обстоятельства судом не выяснялись. Это сделано исключительно для того, чтобы удалить из зала всех присутствующих, в том числе родственников подсудимых, журналистов и независимых наблюдателей от общественных организаций.

В нарушение ст. 281 УПК Чмара провела допрос подсудимого Старовойтова без предложения ему дать показания по поводу обвинения и известных ему обстоятельств дела в свободной манере, а стала задавать наводящие вопросы, носящие характер тестирования. Все это происходило в присутствии врачей-психиатров, проводивших судебно-психиатрическую экспертизу на суде. Назначение судебно-психиатрической экспертизы на суде, подобный допрос подсудимого защитой расценены как домогательство показаний Старовойтова В. К. путем психологического на него воздействия (насилия), угроз и иных незаконных мер воздействия.

Все эти доводы легли в основу очередного ходатайства об отводе судей, которое было также отклонено.

Изложенные обстоятельства позволяют утверждать, что судом не обеспечивается выполнение требований ст. 15 УПК о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Судебное разбирательство проводится тенденциозно, с явным обвинительным уклоном и не может обеспечить законность и обоснованность решения по делу в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Мы вправе предположить, что по делу Старовойтова В. К. судьями Кировского районного суда готовится вынесение заведомо неправосудного приговора (ст. 173 УК).

Просим принять установленные законом меры, направленные на обеспечение рассмотрения дела Старовойтова В. К. с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10, 11 Всеобщей Декларации прав человека).

Приложение: аудиокассета с фонозаписью хода судебного процесса и копия ходатайства о исследовании первому адресату, копия телеграммы на 1 листе.

Адвокаты

1 февраля 1999 г., Минск

Стремковская В. В.

Погоняйло Г. П.

Машинопись. Авторизованная копия. Архив Г. Погоняйло.

## ЗАЯВЛЕНИЕ

30 ноября 1998 г. в суде Кировского района Могилевской области начался судебный процесс над Василием Константиновичем Старовойтовым — выдающимся организатором и реформатором сельскохозяйственно-го производства, дважды Героем Социалистического Труда, избравшимся неоднократно депутатом Парламентов СССР и БССР, участником Великой Отечественной войны, инвалидом 2-й группы. Его имя вошло в энциклопедические словари и учебники истории нашего государства.

Более 30 лет В. К. Старовойтов возглавлял колхоз «Рассвет», преобразованный в начале 1990-х гг. в акционерное общество под тем же названием.

Губительная политика Президента А. Г. Лукашенко в области сельского хозяйства, направленная на консервацию колхозов и совхозов как единственную и безальтернативную форму сельхозпроизводства, административно-командное регулирование цен, пренебрежение законами рыночной экономики привела к полному краху, резкому обнищанию тружеников села, ставшему очевидным для всех недостатку продовольствия в республике.

На этом фоне успехи рассветовцев, энергичное продвижение новаторских идей их руководителем, поддерживаемых министром сельского хозяйства и продовольствия Василием Леоновым, вызвали скрытую ненависть и раздражение Президента и послужили причиной к политическому устранению обоих оппонентов отработанными уже методами уголовного преследования и дискредитации. Оба были арестованы по обвинению в злоупотреблении служебным положением и нарушении законодательства при осуществлении хозяйственной деятельности. Уже более 15 месяцев Василий Старовойтов содержится под стражей. За время заключения его здоровью нанесен существенный ущерб, самой его жизни угрожает опасность. Это подтверждено экспертными заключениями врачей-специалистов, которые зафиксировали у Старовойтова ряд тяжелых заболеваний, в том числе приобретенные в заключении [...].

Врач-психиатр высшей категории Валерий Буданов в своем экспертном заключении пришел к выводу о том, что наличие этих тяжелых заболеваний, возрастные особенности и крайняя психическая истощенность в совокупности лишают В. Старовойтова возможности правильно воспринимать ход судебного процесса, отвечать на вопросы, быть участником судебного разбирательства. Он нуждается в немедленном освобождении из-под стражи и стационарном лечении. Данное заключение эксперт Буданов подтвердил в ходе его допроса в судебном заседании. Об этом же свидетельствовал на суде и другой эксперт, врач-терапевт Луговец.

Между тем, суду представлено фальсифицированное экспертное заключение, из которого усматривается, что В. Старовойтов может содержаться



под стражей, и его психическое состояние не препятствует допросу и участию на суде.

Неоднократные ходатайства защиты, требования общественных организаций, лиц духовного звания и граждан об освобождении Старовойтова судом отклоняются. Судебное разбирательство проходит с многочисленными нарушениями процессуальных норм, в том числе обеспечивающих право обвиняемого на защиту, все более обнаруживая явно обвинительный уклон.

Ежедневно Старовойтов доставляется из следственного изолятора г. Бобруйска в г. Кировск в зимний период при морозах до –20 градусов в холодном автомобиле для заключенных (автозак). В зал судебного заседания его заносят на руках и помещают за металлическую решетку, охраняемую усиленными нарядами вооруженных милиционеров. Такое обращение со старым, больным, полуслепым человеком, чьи заслуги перед Отечеством столь велики и повсеместно признаваемы, и вина которого не доказана, следует признать как жестокое, бесчеловечное обращение, запрещенное международными нормами. Фактически властями Беларуси совершается циничное убийство Василия Старовойтова — произвольное лишение его жизни.

Президент А. Г. Лукашенко, правительство Республики Беларусь должны осознать всю полноту ответственности за нарушение взятых на себя обязательств в области прав человека.

Я прошу всех людей доброй воли, я призываю правительства демократических государств, я требую от уполномоченных органов и должностных лиц ООН, ЕС и ОБСЕ употребить свой высокий авторитет и остановить палаческую руку лукашенковского режима, занесенную над Василием Старовойтовым, предотвратить гибель этого великого Человека в тюремных стенах.

Общественный защитник,  
член Гильдии российских адвокатов  
22.01.1999 г.  
Минск

*Г. П. Погоняйло*

*Машинопись. Завизированная копия. Архив Г. Погоняйло.*

## ДЕЛО МИХАИЛА ЧИГИРЯ

В Судебную коллегия по уголовным делам  
Верховного Суда Республики Беларусь  
общественного защитника от РОО  
«Белорусский Хельсинкский Комитет»  
Погоняйло Г. П.  
в интересах осужденного Чигиря М. Н.  
на приговор Судебной коллегии  
по уголовным делам  
Минского городского суда от 19.05.2000 г.

### ПИСЬМЕННОЕ МНЕНИЕ (в порядке ст. 344, 346 УПК)

Считаю приговор суда в части осуждения Чигиря по ст. 167 ч. 2 УК незаконным, подлежащим отмене, а дело — прекращению по следующим основаниям.

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что Чигирь, занимая ответственное положение Премьер-министра, при решении вопроса о предоставлении отсрочки по уплате таможенных платежей ПКФ «Пиаск» превысил власть, умышленно совершив действия, явно выходящие за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом. Речь идет о распоряжении Кабинета министров № 785-Р от 25.09.1995 г.

В дополнение тех доводов, которые здесь уже прозвучали в оправдание действий осужденного, хочу обратить внимание судей высокого суда на следующие обстоятельства.

1. Для правильной оценки действий Чигиря необходимо четко уяснить правовую природу содержащихся в распоряжении понятий, фактическую и юридическую составляющую указанных в нем правоотношений. Из содержания распоряжения следует, что Кабинет министров принял (1) **предложение Валютно-Кредитной комиссии о предоставлении на один год ПКФ «Пиаск» отсрочки по уплате таможенных платежей** (таможенной пошлины, налога на добавленную стоимость) **без взимания процентов за пользование отсрочкой по поставкам тягачей и полуприцепов** (контракт № 0635-1 от 27 июля 1995 г.) **под гарантию «Белинвестбанка»** и (2) **поручил Минфину заключить с этим банком и ПКФ «Пиаск» договор об условиях отсрочки и погашения таможенных платежей.**

Таким образом, данный правовой документ необходимо рассматривать как единое, цельное решение Правительства, а не выхватывать и рассматривать его первую часть в отрыве от другой его части. Порученческая норма, содержащаяся в ч. 2 распоряжения, имеет не менее важное правовое значение.

ние, игнорировать которую суд не имел права. Но об этом чуть ниже.

2. Упомянутая в распоряжении Валютно-Кредитная комиссия (ВКК) создана и действовала как **совещательный орган при Кабинете министров. Ее решения носили рекомендательный характер для правительства** (см. Положение о ВКК, утвержденное постановлением Кабинета министров от 4.11.1994 г.). Имела ли комиссия право рассматривать вынесенный на ее заседание 11.09.1995 г. вопрос по фирме «Пиаск»? Полагаю, имела. Напомню, сам Указ Президента № 110 от 15.09.1994 г., которым предусматривалось создание ВКК при Кабинете министров, именуется **«О повышении эффективности использования средств в иностранной валюте»**.

Материалами дела установлено, что «Белинвестбанк» выделил кредитную линию фирме «Пиаск» для реализации инвестиционного проекта по покупке за рубежом автотранспортной техники **за счет инвалютных ресурсов Национального банка Республики Беларусь**. Стало быть, эти денежные средства являются **собственностью государства и должны быть возвращены Нацбанку с процентами**.

Пунктом 1 Положения о ВКК предусматривались полномочия комиссии при решении вопросов, в том числе связанных с **формированием и использованием централизованных государственных валютных средств, а также валютного регулирования в Республике Беларусь**.

В предоставленных на рассмотрение ВКК документов фирмы «Пиаск», обосновывающих просьбу об отсрочке таможенных платежей, содержались указания на то, что **эти платежи могут быть выплачены в иностранной валюте**.

Фирма, как субъект хозяйствования, занималась международными перевозками, т. е. внешнеэкономической деятельностью, была зарегистрирована в МВЭС и в соответствии с действующим на тот момент законодательством могла осуществлять таможенные платежи в инвалюте (см. ст. 59 Таможенного кодекса). Известно, что **таможенные платежи поступают (зачисляются) в республиканский бюджет**.

Эти обстоятельства подтвердили все допрошенные в суде члены ВКК, сотрудники Минфина и ГТК. Однако их показания суд не принял во внимание, не дал им оценки, а **свой вывод** о том, что рассмотрение вопроса на ВКК не относилось к ее компетенции, **построил** не на фактически установленных данных, не на анализе действующего законодательства, а **на предположениях**.

3. В соответствии с действующим в то время законодательством компетенция **Кабинета министров, порядок его деятельности определялись на основе Конституции (ст. 108) и Закона «О Кабинете министров Республики Беларусь»**. Кабинет министров являлся в системе исполни-

**тельной власти центральным органом государственного управления, выступал от имени собственника в отношении имущества, являющегося собственностью Республики Беларусь, в том числе — и это хочу особо отметить — государственного бюджета, организовывал управление государственной собственностью и вправе был отменить акты министерств и ведомств, принять по ним новые решения**.

Работой правительства руководил Премьер-министр, который нес персональную ответственность за его деятельность, издавал от имени Кабинета в пределах его компетенции распоряжения. Согласно Конституции 1994 года **Президент Республики Беларусь являлся главой государства и исполнительной власти**. Он руководил системой органов исполнительной власти и обеспечивал их взаимодействие с представительными органами (ст. 95, п. 2 ст. 100). Именно он направил на разрешение Премьера Чигиря документы с просьбой об отсрочке таможенных платежей Фонду помощи и развития культуры им. М. Эсамбаева. И именно он после принятия Правительством в августе 1995 г. распоряжения об отсрочке таможенных платежей фонду им. М. Эсамбаева сроком на 6 месяцев фактически одобрил принятое решение, но рекомендовал впредь согласовывать их с ним.

Данные материалы по ходатайству защиты суд исследовал в ходе судебного разбирательства и приобщил их к делу. Однако суд **уклонился от анализа и оценки этих документов и принятого Кабинетом министров распоряжения в контексте принятого им же аналогичного решения по фирме «Пиаск»**. При этом следует иметь в виду, что сам порядок отсрочки (рассрочки) по уплате НДС на таможенной границе, введенный Указом Президента Республики Беларусь № 300 от 16.08.1995 г., еще не был урегулирован, а Премьер мог руководствоваться аналогией права.

Как показал М. Чигирь, при принятии решений об отсрочке таможенных платежей фонду им. М. Эсамбаева и фирме «Пиаск» Правительство исходило из норм действующего законодательства, позволявшего Минфину принимать аналогичные решения об отсрочке (рассрочке) таможенной пошлины в пределах бюджетного года (представление так называемого таможенного кредита по уплате таможенной пошлины), на что, кстати, указывалось в заключении для ВКК, подготовленном зам. министра финансов Румасом.

4. Вправе ли был Кабинет министров принимать акты по вопросам рассрочки или отсрочки таможенных платежей, носящие нормативный и ненормативный характер, обязательный для выполнения всеми? Положительный ответ содержится не только в Законе «О Кабинете министров», на который я уже ссылался, но и в ст. 1 Таможенного кодекса Республики Беларусь. В ч. 2 этой статьи находим: *«Определение основных направлений таможенной политики и норм регулирования таможенных отношений*

относится к компетенции высших органов власти и управления Республики Беларусь».

В ряде статей Таможенного кодекса, Законах «О таможенном тарифе», «Об экспортном контроле» указывается, что порядок перемещения товаров, международных почтовых отправок, культурных ценностей, предоставления финансовых гарантий и их виды, порядок и условия выдачи таможенных лицензий, определения таможенных зон, товарная номенклатура, ставки таможенных пошлин и порядок их установления и др. определяются Кабинетом министров. Все это подтверждает широкие полномочия Кабинета министров в области регулирования таможенных отношений.

В качестве примера юридической формы деятельности Кабинета министров по данным правоотношениям защита сослалась и представила суду постановление Кабинета министров № 547 от 5.10.1995 г. «О некоторых вопросах взимания налога на добавленную стоимость». В п. 2 этого постановления указано: «Разрешить Государственному Таможенному комитету предоставлять отсрочку до 2-х месяцев по налогу на добавленную стоимость, подлежащему уплате при таможенном оформлении импортируемых товаропроизводителями сырья». А в постановлении Кабинета министров № 621 от 10.11.1995 г., дополняющем предыдущее, указано, что отсрочка предоставляется «без взимания процентов».

Оба постановления подписаны Премьером М. Чигирем, приняты в пределах компетенции Кабинета министров и содержат общеобязательные **правила и предписания, носящие нормативный характер**, рассчитанные на неоднократное применение всеми субъектами хозяйствования.

К нормативным правовым актам теория права и судебная практика относят **официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение**. Именно такое понимание нормативного правового акта нашло свое закрепление в ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» № 361-3 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 21.01.2000, № 7, рег. № 2/136 от 13.01.2000 г.).

Форма принятия решений Правительством установлена ч. 3 ст. 34 Закона «О Кабинете министров Республики Беларусь» от 30.01.1995 г. № 3557-ХП (газета «Звязда» от 2 марта 1995 г.) и ст. 20 Регламента Кабинета министров (утв. пост. КМ от 30.03.1995 г. № 172), которые предписывают, что решения Кабинета министров, носящие нормативный характер

или имеющие важное народнохозяйственное значение, издаются в форме постановления, а решения по оперативным и текущим вопросам, не носящие нормативного характера, издаются в форме распоряжения Кабинета министров.

Распоряжение № 785-Р от 25.09.1995 г. **не носит нормативного характера** (см. ст. 3 указанного выше Закона), **а является административным решением Кабинета министров по оперативным, текущим вопросам. Оно относится к организационно-распорядительной деятельности Кабинета, носит индивидуально-определенный, разовый характер и не посягает на полномочия законодательного органа государственной власти — Верховного Совета по принятию актов в области регулирования налогов и сборов, и, в частности, по предоставлению льгот.**

5. О том, что законодатель понимает под налоговыми льготами, четко и со ссылкой на действующее законодательство, практику его применения указали мои коллеги по защите и сам осужденный Чигирь. Подчеркну лишь одно. Законодательство о налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь, под льготами понимает **полное или частичное освобождение отдельных плательщиков от уплаты налогов и сборов**. Именно об этом свидетельствует Декрет Президента № 6, который так и называется — «Об упорядочении предоставления льгот юридическим и физическим лицам Республики Беларусь по налогам и таможенным платежам». В нем, в частности, как льготы не приводятся такие понятия, как отсрочка, рассрочка по уплате таможенных платежей.

Нормы Таможенного кодекса также не относят и не распространяют понятие «льгота» на отсрочку и рассрочку уплаты таможенной пошлины. Льготам посвящен раздел IV Таможенного кодекса. В нем идет речь о льготах для международных организаций, представительств иностранных государств, их сотрудников, иных организаций и лиц.

В Законе Республики Беларусь «О таможенном тарифе» под тарифной льготой, «тарифной преференцией» понимается предоставляемая на условиях взаимности или в одностороннем порядке при реализации торговой политики Республики Беларусь льгота в отношении товара, перемещаемого через таможенную границу страны **в виде возврата ранее уплаченной пошлины; освобождения от обложения таможенной пошлиной; установления тарифных квот на преференциальный ввоз (вывоз) товара**.

Понимают ли должностные лица ГТК, что такое налоговая или таможенная льгота и кем она может быть предоставлена? Определенно, понимают. И свидетельством тому служат утвержденные приказом ГТК от 30.08.1995 г. «Методические указания о порядке исчисления, уплаты и контроля за уплатой налога на добавленную стоимость и акцизов по ввозимым товарам».

В п. 1.6. Методических указаний, разработанных в развитие норм Указа Президента № 300 от 16.08.1995 г., прямо отмечено, что «льготы по уплате налога на добавленную стоимость и акцизов по ввозимым на территорию Республики Беларусь товарам устанавливаются законодательными актами», и далее идет перечень товаров, не подлежащих обложению налогом.

Что же касается отсрочки по уплате налога на добавленную стоимость и акцизам, то их порядок установлен в разделе 5 п. 5.6. в виде предоставления налогового кредита и далее в п. 5.7, где указано, что контроль за погашением налогового кредита и уплатой процентов по нему производят таможенные органы, произведшие таможенное оформление таких товаров.

Таким образом, анализ законодательных и подзаконных актов дает основание сделать единственно правильный вывод о том, что **отсрочка, рассрочка по уплате таможенных платежей**, в соответствии с действующим законодательством, **не рассматривается льготой, а есть установленный исполнительными органами управления порядок взимания этих платежей во времени.**

Я уже упоминал о правовой природе распоряжения № 785-Р. Что же оно собой представляет в сфере гражданского оборота? На основании этого административного акта государственного органа управления вступили между собой в отношения (1) **Кабинет министров** — как центральный орган управления Республики Беларусь, (2) **Министерство финансов и Государственный Таможенный комитет** — исполнительные (фискальные) органы управления, непосредственно подчиненные Кабинету министров и (3) две коммерческие структуры, самостоятельно осуществляющие свою финансово-хозяйственную деятельность на основании действующего законодательства и не подчиненные напрямую двум первым структурам — **ПКФ «Пиаск» и «Белинвестбанк»**. Но все они на основании данного правового акта вовлечены в действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей. Т. е. в данном конкретном случае мы имеем дело с гражданско-правовой сделкой, понятие которой дано в ст. 43 ГК Беларуси (в редакции 1965 г.).

Хозяинствующий субъект — ПКФ «Пиаск» — обратился в компетентный орган управления — в правительство страны об отсрочке таможенных платежей, которые он обязан уплатить в установленных размерах при таможенном оформлении автотранспортных средств, принадлежащих ему на праве собственности.

Кабинет министров, учитывая конкретную экономическую и правовую ситуацию, грозящую убытками не только собственнику, но и государству в случае невозврата инвалютных средств Нацбанку, принял решение об отсрочке таможенных платежей сроком на один год при условии банковской

гарантии и наличии договора, заключенного между Минфином, «Белинвестбанком» и фирмой «Пиаск» об условиях и порядке оплаты отсроченных платежей.

Если это решение положить на гражданско-правовой язык, налицо **сделка под условием**. Отсрочка платежей могла последовать лишь при выполнении указанных в распоряжении условий: взятии уполномоченным банком на себя гарантийных обязательств по уплате таможенных платежей фирмой «Пиаск» и заключении на этом основании с Минфином договора о порядке и сроках их уплаты.

Распоряжение Кабинета министров № 785-Р по своей юридической природе полностью вписывается в диспозицию ч. 1 ст. 63 Гражданского кодекса Беларуси в редакции 1965 г.: **«сделка считается совершенной под отлагательным условием, если стороны поставили возникновение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит»**. Ни фирма «Пиаск», ни «Белинвестбанк» указанные в распоряжении условия не выполнили — гарантийное соглашение между собой не заключили. Это означает следующее: **для фирмы «Пиаск» не возникло никаких прав иметь отсрочку по уплате таможенных платежей**, и таможенное оформление автотехники она должна была произвести на общих основаниях, т. е. уплатить необходимые таможенные платежи в полном объеме или до, или в момент предоставления таможенному органу таможенных деклараций.

Что же сделал декларант — генеральный директор фирмы «Пиаск» Бражник? Он, зная, что гарантийное обязательство (договор) с «Белинвестбанком» отсутствует, внес в таможенные декларации заведомо ложные сведения о наличии гарантии банка и указал банк-гарант, его юридический адрес.

Между тем, если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то **условие признается ненаступившим** (ч. 4 ст. 63 ГК в редакции 1965 г.).

Как в этой ситуации должны были поступить таможенные сотрудники, осуществлявшие контроль в соответствии с предписаниями Таможенного кодекса и множественными внутриведомственными приказами и инструкциями? Для всех является однозначным и прогнозируемым результат их действий. Выявить таможенные правонарушения, допущенные декларантом, и применить к Бражнику меры административной ответственности по ст. 193-10, 193-12 КоАП за действия, повлекшие недоборы таможенных платежей, либо привлечь его к уголовной ответственности за должностные преступления. Кроме того, необходимо было своевременно обеспечить поступление таможенных платежей в бюджет, в т. ч. и путем ареста автотехни-

ки в качестве меры обеспечения.

Что должен был сделать Минфин, получив проект договора об условиях и порядке отсрочки таможенных платежей фирме «Пиаск» и не подписав его из-за отсутствия гарантийного обязательства банка? Очевидно, сообщить Кабинету министров о невыполнении его поручения, а также о принятых мерах по обеспечению поступления таможенных платежей от фирмы «Пиаск» в госбюджет. Среди этих мер должно было последовать указание ГТК о немедленном и полном взыскании таможенных платежей. Но подобное уведомление последовало лишь в мае 1996 г., т. е. через 7 месяцев со времени принятия распоряжения и через 5 месяцев после таможенного оформления автотранспортной техники.

**Если бы должностные лица Минфина и Таможенного Комитета своевременно и надлежащим образом выполнили свои служебные обязанности, то и ущерб государству в виде неуплаты таможенных платежей фирмой «Пиаск» не был бы причинен.**

Анализ и оценка данных обстоятельств позволяют сделать однозначный вывод, что вредные последствия, наступившие в результате неуплаты таможенных платежей фирмой «Пиаск», не связаны с действиями Премьер-министра Чигиря по изданию распоряжения № 785-Р от 25.09.1995 г. и в причинной связи с ними не находятся. Однако суд, исследовав в ходе судебного разбирательства эти обстоятельства, не подверг их анализу и оценке в приговоре.

6. Члены ВКК, занимавшие ответственные посты в различных структурах органов власти и управления страны, надо полагать, лица весьма компетентные, знающие действующее законодательство. На основании представленных материалов и сообщений заинтересованных лиц они приняли решение об отсрочке таможенных платежей. Органы следствия, а затем и суд признали, что в их действиях отсутствует какое-либо преступное деяние и прекратили уголовное дело по ч. 1 ст. 208 и п. 2 ст. 5 УПК за отсутствием состава преступления.

Чигирь же, по мнению суда, осуществивший лишь правовое оформление принятого коллегиальным правительственным органом решения путем издания распоряжения Кабинета министров, совершил отнесенное к тяжким уголовно-наказуемое деяние. Где же логика? Отсутствие таковой сомнений не вызывает.

7. Судебная коллегия по уголовным делам Мингорсуда необоснованно пришла к выводу о том, что распоряжение Кабинета министров № 785-Р от 25.09.1995 г. носит **нормативный характер**, противоречит ряду законодательных актов, принято с явным превышением полномочий Премьер-министра, привело к причинению государству материального ущерба в особо

крупных размерах, и на основании этого признала Чигиря виновным и осудила по ч. 2 ст. 167 УК Беларуси.

Для подобных выводов еще на стадии предварительного следствия, а если это не было сделано, то уже в ходе судебного разбирательства необходимо было провести государственно-правовую экспертизу данного правового акта на предмет, носит ли он нормативный характер, издан ли в пределах компетенции Кабинета министров. Заявленное подсудимым и защитой ходатайство по данному предмету судом отклонено.

Вместе с тем, если следствие и суд пришли к выводу о незаконности принятого Кабинетом министров правового акта, они обязаны были поставить вопрос перед компетентным органом или должностным лицом о его отмене в установленном законом порядке. Согласно законодательству Республики Беларусь акты Правительства вправе отменить Президент (п. 25 ст. 84 Конституции, ч. 7 ст. 34 Закона «О Кабинете министров Республики Беларусь», ч. 5 ст. 17 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10.01.2000 г. № 361-3). Однако данный вопрос не решен, и суд своим приговором в этой части, но нашему мнению, вторгся в компетенцию, ему не подведомственную, нарушив тем самым конституционный принцип разделения властей.

Согласно ст. 11 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями) *«Конституционный Суд, проверяя конституционность оспариваемого нормативного акта, устанавливает его соответствие Конституции, международно-правовым актам... декретам и указам Президента Республики Беларусь:*

- 1) по содержанию норм;
- 2) по форме нормативного акта;
- 3) с точки зрения разграничения компетенции между государственными органами;
- 4) по порядку принятия, подписания, опубликования и введения в действие». Между тем, все эти вопросы по делу М. Чигиря Судебная коллегия по уголовным делам Мингорсуда разрешила без соответствующей процедуры их рассмотрения Конституционным Судом.

С другой стороны, если мы в соответствии с Конституцией признаем разделение полномочий между судебными ветвями власти, то вправе ли суд уголовной юрисдикции при рассмотрении дела принимать решение о неконституционности того или иного акта законодательства, не ставя в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным?

Ответ на данный вопрос содержится в ч. 2 ст. 112 Конституции, где указано, что *«если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о не-*

соответствии нормативного акта Конституции, он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным». Аналогичное требование закреплено в Законе «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь» (ст. 4).

По мнению Конституционного Суда, выраженному в его послании за 1999 г., **выполнение данного предписания является для судов обязательным**, как это вытекает из ст. 6, 59 и др. статей Конституции. Однако данное требование закона судом также не выполнено.

**Полагаю, что при обстоятельствах, установленных по делу, утверждать, что осужденный явно (т. е. очевидным, существенным образом, не вызывающим сомнения) вышел за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, оснований не имеется. Несоответствие изложенных в приговоре выводов суда фактическим обстоятельствам дела очевидно. Осуждение Чигиря по ч. 2 ст. 167 УК является незаконным и необоснованным. Приговор в этой части подлежит отмене, а дело — прекращению.**

Еще в стадии предания суду защита и обвиняемый Чигирь заявили письменное ходатайство о прекращении дела в полном объеме. В ходе судебного следствия добыты дополнительные доказательства и материалы, свидетельствующие о правильности и обоснованности заявленного ходатайства. Подтверждением тому служит оправдание подсудимого Чигиря по четырем эпизодам обвинения из пяти, предъявленных ему, и по которым он предан суду.

В возражениях на поданный прокурором протест адвокат Пыльченко привел убедительные доказательства и юридические аргументы, позволяющие судить о несостоятельности сделанных в нем выводов. Я присоединяюсь к этим оценкам и высказанной просьбе об отклонении протеста.

Принимая во внимание, что доказательствами, рассмотренными судом первой инстанции, предъявленное Чигирю обвинение не подтверждено, нет оснований для производства дополнительного расследования и нового судебного рассмотрения, руководствуясь ст. 341, 346; п. 1.3 ст. 347; 350, 357 УПК Республики Беларусь,

**ПРОШУ:**

приговор Судебной коллегии по уголовным делам Мингорсуда от 19.05.2000 г. в отношении Чигиря М. Н. в части его осуждения по ст. 167 ч. 2 УК отменить и дело в этой части прекратить за отсутствием в деянии состава преступления. Тот же приговор в части оправдания Чигиря М. Н. оставить в силе, а протест прокурора — без удовлетворения.

Общественный защитник

*Г. П. Погоняйло*

*Машинопись. Завизированная копия. Архив Г. Погоняйло.*

## **ДЕЛО ЛАРИСЫ И ИВАНА ГЕНИУШ**

Прокуратура Республики Беларусь  
Генеральному Прокурору

Погоняйло Гарри Петровича,  
заместителя председателя  
Республиканского общественного  
объединения  
«Белорусский Хельсинкский Комитет»,  
220036, г. Минск, ул. К. Либкнехта, 68  
В интересах супругов  
Гениуша Ивана Петровича, 1902 г. р.,  
уроженца д. Крынки  
Белостокского воеводства (Польша),  
белоруса, без гражданства,  
из крестьян, образование высшее,  
работавшего военным врачом  
г. Вимберг (Чехословакия),  
проживавшего в г. Прага, Германова, 7;

Гениуш Ларисы Антоновны, 1910 г. р.,  
уроженки хутора Жлобовцы,  
Волковысского района, Гродненской обл.,  
белоруски, без гражданства,  
из крестьян, образование среднее,  
домохозяйки,  
проживавшей в г. Прага, Германова, 7  
на приговор Судебной коллегии  
по уголовным делам  
Верховного Суда БССР  
от 7.02.1949 г.

### **ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

Данное представление вносится на основании и в порядке ст. 40 Конституции Республики Беларусь, ст. 5 Закона «Об общественных объединениях», п. 3 постановления Верховного Совета Республики Беларусь от 6 июня 1991 г. № 847-ХІІ, ст. 3.1. Устава РОО «Белорусский Хельсинкский Комитет».

На основании постановления МВД Чехословакии (ЧСР) от 1.04.1948 г. в отношении Гениуша И. П. и Гениуш Л. А. гражданство ЧСР было аннулировано. По просьбе Советского правительства оба за антисоветскую дея-

тельность принудительно репатрированы в СССР и арестованы 20 августа 1948 г.

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР от 7.02.1949 г. Гениуш И. П. и Гениуш Л. А. признаны виновными и осуждены по ст. 66 УК БССР (помощь международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР) и ст. 76 УК БССР (контрреволюционная организационная деятельность) с применением Указа ПВС СССР от 26.05.1947 г. «Об отмене смертной казни» к 25 годам лишения свободы в ИТЛ каждого, без конфискации имущества за отсутствием такового.

В кассационном порядке дело не рассматривалось.

В постановлении комиссии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления в Дубравном ИТЛ МВД РСФСР от 30 мая 1956 г. в отношении Гениуш Ларисы Антоновны записано: «Признать обвинение обоснованным, но, учитывая хорошее поведение в лагере и добросовестное отношение к труду, срок наказания снизить до 8-ми лет и по отбытии срока наказания из-под стражи освободить».

В заявлении от 28.08.1967 г. Гениуш И. П. указал, что они с женой освобождены 1 июля 1956 г.

Полагаем осуждение супругов Гениуш необоснованным, незаконным и приговор подлежащим отмене, а дело прекращению по следующим основаниям.

В материалах уголовного дела отсутствуют достоверные и достаточные доказательства вины осужденных в инкриминируемых им преступлениях.

1. Суд признал Гениуша И. П. виновным в том, что он, прибыв из Польши в г. Прагу (Чехословакия), установил связь с белорусскими националистами, являлся вначале членом антисоветской националистической организации «Белорусская Рада», а затем — членом «Союза белорусских студентов» и активно участвовал в антисоветской работе этих организаций. После оккупации немцами Чехословакии в 1939 г. названные националистические организации в Праге установили связь с немецко-фашистскими властями и в апреле 1941 г. по их заданию создали антисоветскую националистическую организацию «Белорусский Комитет самопомощи» (БКС) с целью оказания помощи фашистской Германии в борьбе против Советского Союза. Гениуш являлся активным участником организации БКС. Под его председательством в апреле 1941 г. было проведено собрание белорусских националистов, на котором было принято решение об избрании руководящих органов, и он был избран секретарем ревизионной комиссии БКС. В июне 1941 г. Гениуш

председествовал на собрании членов этой националистической организации, где было принято решение послать приветствие главарям немецкого фашизма — Гитлеру и протекторату Чехии и Моравии Нейрату в связи с падением гитлеровских войск на Советский Союз. Подсудимый Гениуш направил эти приветственные телеграммы за своей подписью.

В начале 1942 г. подсудимый Гениуш прибыл по распоряжению немецких властей в оккупированную Белоруссию для назначения на должность зав. отдела охраны здоровья Барановичского окружного комитета организации «Белорусская народная самопомощь», а затем — председателем комитета БНС в г. Слониме, где публично выступал с антисоветскими воззваниями к населению, призывая оказывать содействие немцам, и к сотрудничеству с оккупантами. В марте 1943 г. Гениуш участвовал в съезде окружных председателей БНС в Минске, на котором выступал с отчетом антисоветского содержания, о деятельности руководимого им Слонимского комитета БНС. Клеветал на советских партизан.

На предварительном и судебном следствии осужденный Гениуш И. П. показал, что он происходит из крестьянской семьи, в 1921 г. окончил русскую гимназию в Гродно и выехал в г. Вильно с намерением поступить в университет, но в связи с тем, что не служил добровольцем в польской армии во время польско-советской войны, его в университет не приняли. В мае 1922 г. эмигрировал в Чехословакию, где поступил в Пражский университет на медицинский факультет, который окончил в 1936 г. Одновременно с учебой работал на разных строительных предприятиях в чешских учреждениях (л. д. 29–30).

В Праге познакомился с белорусскими эмигрантами, вступил в созданную им «Белорусскую Раду», которая проводила культурно-просветительскую работу, оказывала помощь своим членам. *«Я не могу утверждать, что “Белорусская Рада” в целом являлась антисоветской организацией, тем более, что цели политического характера не были предусмотрены уставом организации... в состав “Белорусской Рады” входили люди с различными политическими убеждениями... Я лично с антисоветскими докладами на собраниях эмиграции “Белорусская Рада” никогда не выступал»* (л. д. 53–58)

Гениуш И. П. также показал, что состоял членом «Союза белорусских студентов в Чехословакии», который занимался благотворительной деятельностью.

Свидетель Русак В. Д., знающий осужденного Гениуша И. П. по совместной работе в «Белорусской Раде» и других организациях в Чехословакии, показал: «Белорусская Рада» являлась культурно-просветительским обществом белорусской эмиграции в Чехословакии. В период 1917–1918 гг. буржуазное белорусское правительство именовалось «Белорусской Радой», но «Бело-

русская Рада» в Праге общего с ней по идеологии не имела. Организация была малочисленной, не более 12–15 человек, собрания созывались не чаще 1 раза в один или два года. С момента оккупации Чехословакии немецкими войсками «Белорусская Рада» была запрещена (л. д. 322). Действительно, в протоколах собраний за 1923–1928 гг. враждебных БССР выступлений не зафиксировано, фамилия Гениуша И. П. не упоминается (л. д. 322–323).

Русак В. Д. также показал, что в Чехословакии существовала организация «АБСА» (Объединение белорусских студенческих организаций), созданная в 1924 г. студентами-эмигрантами из Западной Белоруссии и Виленского университета. В 1936 г. она была распущена чешскими властями по требованию польского правительства (л. д. 324).

Доказательств того, что осужденный Гениуш И. П. состоял в указанных организациях, проводил преступную деятельность, направленную против СССР и БССР, в деле не имеется.

Известно, что пражский отдел организации «Белорусский Комитет самопомощи», центр которого находился в Берлине, образован группой эмигрантов 3 апреля 1941 г. Инициатором явился эмигрант Ермаченко. В уставе организации предусматривались благотворительные цели, однако на собраниях 22 и 27 июня 1941 г. проведены пропагандистские акции, враждебные СССР. В частности, в докладе Ермаченко и в приветствиях главарям фашизма высказывалась поддержка агрессии Германии против СССР и возлагалась надежда на образование самостоятельного белорусского государства. Среди участников организации проведен сбор пожертвований в пользу германского Красного Креста (л. д. 39, 41, 45, 49, 52). Осужденный Гениуш И. П. принял участие в этих акциях.

В материалах дела имеются сведения о том, что Гениуш в апреле 1942 г. был направлен из Праги в распоряжение Генерального комиссариата Белоруссии и назначен руководителем отдела здравоохранения в г. Барановичи, а затем и в Слониме. Одновременно работал врачом в поликлиниках. По периоду работы в г. Барановичи доказательств его враждебной деятельности в деле не имеется. В сентябре 1942 г. оккупационными властями был назначен председателем Слонимской окружной организации «Белорусская народная самопомощь».

Гениуш И. П. на предварительном следствии и в суде отрицал свою вину в проведении антисоветской деятельности и заявлял, что «никогда не был враждебно настроен к СССР. У меня всегда были наилучшие чувства к белорусскому народу. Свои поступки я не мог отнести к антисоветским. Живя в Чехословакии, я не знал советских законов, какое признается за мной подданство» (л. д. 306).

Осужденный ходатайствовал истребовать документы у его адвоката,

проживающего в Чехословакии. «Эти документы подтвердят, что я не добровольно выехал в 1942 г. на оккупированную территорию Белоруссии, а послан немцами в принудительном порядке. А также подтвердят, что я был возвращен в Чехословакию как не оправдавший доверие немцев... Также ходатайствую установить проживавшего в г. Слониме и работавшего переводчиком в СД, а затем ушедшего в партизанский отряд гражданина Пытель, который может подтвердить, что при назначении меня председателем БНС, я категорически отказывался» (л. д. 260–261).

В ходатайстве ему было отказано.

Жена Гениуша И. П. — Гениуш Л. А. показала, что «в 1943 г. немцами ему было запрещено заниматься врачебной практикой на оккупированной территории, и он возвратился в Прагу, где проживал до капитуляции Германии» (л. д. 167).

В протокольной записи отчета Гениуша И. П. на заседании центрального совета БНС 5–7 марта 1943 г. в Минске наряду с клеветническими утверждениями в адрес советских партизан были высказаны факты, которые могли вызвать сомнение у оккупационных властей в его лояльности: «Большое число деревень уничтожено, среди них находятся безвинные жертвы. Мужчин посылают на работу в Германию. Народ разочарован, интеллигенция не оказывает никакого влияния на народ» (пакет с вещест. док. л. 32).

Вскоре после этого выступления Гениуш И. П. был отстранен от должностей окружного врача и председателя БНС и возвращен в Прагу.

В материалах дела отсутствуют данные о том, что после возвращения в Чехословакию он состоял в каких-либо организациях или проводил другую враждебную деятельность. На предложение немецких спецслужб выехать в июне 1944 г. для участия в т. н. Втором всебелорусском конгрессе категорически отказался.

Анализ имеющихся материалов свидетельствует, что в действиях Гениуша И. П. присутствует добровольный отказ от участия в проведении враждебной деятельности против СССР. Выступления с антисоветскими речами, клеветническими измышлениями в адрес советских партизан не причинили и по своему содержанию и направленности не могли причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам.

2. Осужденная Гениуш Л. А. признана судом виновной в том, что являлась членом националистической организации «Белорусский Комитет самопомощи» в Праге, принимала активное участие в его работе, избиралась казначеем организации. Кроме того, на протяжении ряда лет писала стихи контрреволюционного содержания, которые помещала в фашистских газетах, издаваемых в Берлине, Минске и других городах.



Материалами дела подтверждено ее участие в апреле-мае 1941 г. в БКС, одобрение нападения Германии на Советский Союз, внесение пожертвований в адрес германского Красного Креста. На суде Гениуш Л. А. заявила: «Одновременно с этим прошу отметить, что все это делалось по личной инициативе гестаповского агента Ермаченко, который все эти антисоветские фашистские документы стряпал лично сам и преподносил их участникам Комитета в готовом виде. Однако никто из-за боязни быть подвергнутым аресту со стороны карательных органов не имел отваги возражать против предложенной Ермаченко антисоветско-фашистской стряпни» (л. д. 204).

В судебном заседании Гениуш Л. А. пояснила: «В начале 1937 г. мне было разрешено поехать к мужу в Прагу. Ни к какой партии и организации я не принадлежала, жила на иждивении у мужа. Будучи в эмиграции, тосковала по родине, и общение с землячеством белорусским было для меня отрадно. Приглашение работать в комитет БКС я расценивала таким образом, что этим я буду приносить пользу организации, в которой мы, эмигранты, считали себя обездоленными и заброшенными людьми... Я писала стихи, но я не помещала их никогда в газеты — я не знала, что написано мною плохое, а что хорошее, как надо писать. Читала я белорусские журналы “Польмя” и “Узвышша”. Я любила каждое белорусское слово.

Мой идеал – французская революция. Если учесть 1941 г., когда жить было трудно в эмиграции, когда мы боялись друг друга, можно себе представить, какие наветы нагромождались в мыслях, чтоб укрепить свое положение, саму жизнь... Я писала для белорусов, жутко ненавидела несправедливость. Отец мой был выслан как крупный землевладелец, брат погиб в армии Андерса. Все, что я писала: статьи, стихи, – мне казалось, не носило характера антисоветского, я любила только народ и писала только для белорусского народа» (л. д. 304–305). В материалах дела отсутствуют доказательства, что, будучи членом БКС, Гениуш Л. А. помогала фашистской Германии в ее агрессии против СССР. Участие в двух пропагандистских акциях не могло повлечь серьезных враждебных последствий.

В качестве вещественного доказательства в уголовном деле находится фотокопия «Менской газеты» № 79 от 25.10.1942 г., издаваемой в оккупированном Минске. Помещены 10 стихотворений Л. Гениуш и две статьи о ней. В статье «Приветствуем» делается критический обзор ее творчества. Отмечается: «До сих пор поэзия Гениуш еще не подвергалась хорошей критике. А это ей необходимо. Может быть, чисто специально-литературная критика, которая бы указала частично на однотонность в тематике, хотя она и появляется на очень симпатичной, даже кровно родной на сегодняшний день почве — на почве горячего национального чувства».

Судебная литературно-политическая экспертиза стихов осужденной Ге-

ниуш Л. А. не проводилась. Какие стихи являются антисоветскими — в деле не указано.

О своей литературной деятельности осужденная сообщила: «Я с детских лет пишу стихи. Во время Второй мировой войны мною написано около 100 стихотворений, причем 70 из них было напечатано в белорусской националистической газете “Раніца”, издававшейся в Берлине. Часть моих стихотворений перепечатывалась из газеты “Раніца” и распространялась на временно оккупированной немцами территории БССР» (л. д. 172–173). [...]

Не вызывает сомнения, что осужденные Гениуш И. П. и Гениуш Л. А. в силу сложившихся обстоятельств, воспитания и личного окружения были националистически настроенными. Постоянно проживая вне пределов СССР, были идейными противниками существующего в нем общественного и государственного строя. Однако в деле нет данных, что они вели борьбу с советской властью, являлись активными пособниками немецких оккупанов, занимались предательством советских граждан.

Важно отметить, что на предварительном и судебном следствии были грубо нарушены процессуальные гарантии осужденных Гениуша И. П. и Гениуш Л. А. По делу по обвинению в преступлениях, по которым предусматривалась исключительная мера наказания, судебное разбирательство состоялось без участия государственного обвинителя и защиты. Следует учесть и то обстоятельство, что конкретные действия, вмененные осужденным по приговору, перестали являться преступными и исключены из Уголовного кодекса Беларуси.

Таким образом, Гениуш И. П. и Гениуш Л. А. в соответствии с постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 6.06.1991 г. подлежат реабилитации, т. к. в деле отсутствуют бесспорные доказательства в совершении преступных действий, указанных в п. 8 данного постановления.

При юридической оценке инкриминируемых супругам Гениуш составов преступлений следует иметь в виду, что ответственность за контрреволюционную антисоветскую организационную деятельность (ст. 76 УК БССР 1928 г. с последующими изменениями и дополнениями) являлась общей и определялась по статьям, предусматривающим ответственность за преступления, на совершение которых была направлена такая деятельность. В нашем случае – ст. 66 УК БССР (помощь международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР).

На суде Гениуш Л. А. заявила, что она ненавидела несправедливость и что ее отец и вся семья были репрессированы. По делу установлено, что ее отец Миклашевич А. П. по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 23.03.1941 г. как социально опасный элемент был за-

ключен в ИТЛ сроком на 5 лет. Прокуратурой Гродненской области 14 декабря 1958 г. он реабилитирован. Мать Миклашевич А. В., братья Аркадий и Алексей, сестры Ксения, Нина, Людмила в 1940 г. были выселены в Казахскую ССР. После 1945 г. выехали на жительство в Польшу. Реабилитированы УВД Гродненского облисполкома 05.06.1996 г. (л. д. 164–165, 324, 326).

Братья Гениуш Л. А.: Аркадий, 1920 г. р., в составе армии генерала Андерса выехал из СССР и погиб 27 июля 1944 г. на итальянском фронте; Ростислав, 1918 г. р., проживал в период оккупации в Волковысском районе, поддерживал связь с советскими партизанами, погиб на фронте 17 апреля 1945 г. (л. д. 164–165, 245–246, 248).

На основании изложенного и руководствуясь ст. 380, ч. 1 ст. 385 УПК, а также ч. 1, п. «а» ст. 4 постановления Верховного Совета Республики Беларусь от 6 июня 1991 г. «О порядке реабилитации жертв политических репрессий 20–80-х годов в Республике Беларусь»,

**ПРОСИМ:**

принести протест на приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР от 7 февраля 1949 г. в отношении Гениуша Ивана Петровича и Гениуш Ларисы Антоновны на предмет его отмены и прекращения уголовного дела дальнейшим производством за отсутствием в их действиях состава преступления.

Заместитель председателя БХК

*Г. П. Погоняйло*

*Машинопись. Копия. Подпись — автограф. Архив Г. Погоняйло.*

## ДЕЛО ЮРИЯ БАНДАЖЕВСКОГО

### СООБЩЕНИЕ «THE HUMAN RIGHTS COMMITTEE»

Сообщение в адрес:  
The Human Rights Committee  
c/o Centre Human Rights  
United Nations Office  
8–14 avenue de la Paix  
1211 Geneva 10, Switzerland

Дата: 18 апреля 2002 г.

Представляется на рассмотрение в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах.  
[...]

#### **II. Информация о предполагаемой жертве (жертвах), если она (они) не является (являются) автором (авторами) сообщения**

Фамилия, имя: Бандажевский Юрий Иванович.

Национальность (гражданство): Республика Беларусь.

Род занятий: доктор медицинских наук, профессор, до ареста ректор Гомельского государственного медицинского института (ГоГМИ), ученый в области медицинской радиологии, медицинской патологии. Отбывает наказание в ИК усиленного режима.

Дата и место рождения: 9.01.1957 г., деревня Радунь, Волковысский район, Гродненская область, Республика Беларусь.

Нынешний адрес или местонахождение: Республика Беларусь, 220600, г. Минск, ул. Кальварийская, 36, УЖ-15/1 (Исправительная колония усиленного режима).

#### **III. Затрагиваемое государство / нарушенные статьи / внутренние средства правовой защиты**

Название государства-участника (страны) Международного пакта и Факультативного протокола, против которого направляется сообщение: Республика Беларусь.

Статьи Международного пакта о гражданских и политических правах, которые, как представляется, были нарушены: ст. 7; ч. 1, 2, 3, 5 ст. 9; ч. 1, 2, 3 (п. d, e, g), ч. 5 ст. 14; ч. 1 ст. 17; ч. 1, 2 ст. 19.

Меры по исчерпанию внутренних средств правовой защиты, принятые предполагаемой жертвой (жертвами) или от ее (их) имени (обращение в суды или другие государственные органы; когда и с каким результатом): две надзорные жалобы на имя председателя Верховного Суда Республики

Беларусь (исх. № 02-1 ИВ от 02.08.2001 г., исх. № 02-1 ИВ от 23.11.2001 г. — выписки из ответов прилагаются). Должностные лица не нашли оснований к принесению протеста на приговор, жалобы оставлены без удовлетворения.

[...]

#### V. Приводимые в жалобе факты

Приговором Военной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь от 18.07.2001 г. Бандажевский Юрий Иванович признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 430 УК Республики Беларусь (получение взятки повторно, группой лиц, в крупном размере) и осужден к 8-ми годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Одновременно судом постановлено взыскать с него 35.449.200 рублей в доход государства как неосновательное обогащение. Этим же приговором осуждены: Равков В. Н., Фомченко Н. Е., Шамычек Н. И., Гончарова Л. С., Дегтярев В. Л. и др.

Приговором суда установлено, что Бандажевский, являясь ректором Гомельского государственного медицинского института (ГоГМИ), предложил проректору по воспитательной работе данного института Равкову В. Н. брать деньги в качестве взятки с родителей абитуриентов за поступление в указанное высшее учебное заведение (вуз). Суд также указал, что Равков В. Н., согласившись с данным предложением, а также достигнув договоренности о совместном получении взяток со старшим преподавателем кафедры биологии института Фомченко, в период с 1997 по 1998 г. получал деньги за поступление абитуриентов в институт.

Виновным себя Бандажевский не признал и считает **приговор суда незаконным, необоснованным и подлежащим отмене в виду существенного нарушения норм уголовно-процессуального закона, неправильного применения уголовного закона, односторонности и неполноты судебного следствия и несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела** (см. надзорную жалобу Ю. Бандажевского на имя Председателя Верховного Суда Сукало, составленную адвокатом Г. Погоняйло).

5.1. Юрий Бандажевский был задержан правоохранительными органами Гомельской области 13 июля 1999 г. по подозрению во взяточничестве и помещен в следственный изолятор Гомельского УВД. Однако в нарушение установленной процедуры задержания, избрания меры пресечения и предъявления обвинения в срочном порядке, предусмотренными соответствующими нормами УПК Беларуси, к нему был применен превентивный арест сроком на 30 суток с санкции Генерального прокурора Республики Беларусь в соответствии с нормами Декрета Президента Республики Беларусь № 21 от 21 октября 1997 г. «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными

особо опасными насильственными преступлениями». Членам семьи Юрия Бандажевского не сообщили о причинах его ареста и месте нахождения арестованного.

Спустя 23 дня — 5 августа 1999 г. ему в отсутствие адвоката предъявили обвинение по ч. 3 ст. 169 УПК Беларуси (в редакции 1960 г.) — получение взятки в особо крупных размерах и избрали меру пресечения в виде содержания под стражей.

Следует отметить, что вмененное преступление не относится ни к терроризму, ни к иным особо опасным насильственным преступлениям, о которых идет речь в Декрете Президента № 21, и это подтверждает необоснованность и незаконность действий властей по превентивному аресту Ю. Бандажевского.

С целью скрыть место нахождения задержанного, его вывезли из Гомельского СИЗО и поместили в приемник-распределитель г. Могилева (ул. Н. Крупской, 99). Там, в отсутствие адвоката, интенсивно проводились допросы подозреваемого, в том числе в ночное время. По утверждению Ю. Бандажевского, его поместили в одиночную камеру, подвергали психическому воздействию, требовали признательных показаний. Кормили один раз в день, не предоставляли никаких санитарно-гигиенических принадлежностей (мыло, зубная паста, полотенце и т. п.), он спал на холодном полу, укрываясь газетами. Все это делалось с целью унижить его человеческое достоинство, сломить сопротивление, заставить давать следствию нужные показания, т. е. оговорить себя и других лиц.

В результате тяжелых, жестоких, бесчеловечных условий содержания и обращения он в течении месяца потерял около 20 кг веса и в тяжелом состоянии, 8 августа 1999 г., был доставлен в приемный покой Могилевской областной больницы. В приемном покое Бандажевский осмотрен врачами (дежурным терапевтом и хирургом) и по состоянию здоровья госпитализирован с диагнозом: «язвенная болезнь ДПК в стадии обострения (язва с локализацией на задней стенке луковицы ДПК размером 3х4 мм), хронический гастродуоденит с эрозированием антрального отдела желудка в фазе обострения, хронический бескаменный холецистит, хронический вирусный гепатит С, ишемическая болезнь сердца (ИБС): стенокардия напряжения, гипертоническая болезнь II степени, нарушения гемодинамики по гиперкинетическому типу. Депрессивное состояние, ситуационно обусловленное».

В Могилевской областной больнице Ю. Бандажевский находился под охраной вооруженных сотрудников милиции, будучи прикованным наручниками к металлической кровати. Во время нахождения в больнице ни адвокат А. Баранов, ни близкие родственники на свидания и для консультаций не допускались. По требованию сотрудников прокуратуры Республики Бе-

ларусь, не завершив курс лечения, Ю. Бандажевский выписан из больницы 18 сентября 1999 г.

В связи с отсутствием юридической помощи и указанными обстоятельствами Ю. Бандажевский был лишен фактической возможности реализовать свое право на обжалование в суд законности и обоснованности задержания, ареста и продления срока содержания под стражей.

Таким образом, по отношению к нему **нарушены ст. 7, ч. 1, 2, 3, 5 ст. 9 Пакта.**

**5.2. Власти государства-участника нарушили ч. 1, 2, 3 (п. d, e, g), ч. 5 ст. 14 Пакта**

Дело по обвинению Ю. Бандажевского и других рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда Республики Беларусь в составе председательствующего **подполковника юстиции Сукача В. В. и народных заседателей Барабановой В. Г. и Воробей Н. В.**

В соответствии со ст. 270 УПК Беларуси военным судам подсудны уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, на которые распространяется статус военнослужащего. Среди обвиняемых по делу статусом военнослужащего обладал Равков В. Н. — подполковник медицинской службы, работавший до ареста проректором ГоГМИ.

Согласно правилам подсудности (гл. 32 УПК) данное дело подлежало рассмотрению Гомельским межгарнизонным военным судом (г. Гомель) (ст. 270 УПК). Однако было принято к своему производству Военной коллегией Верховного Суда по собственной инициативе (ч. 2 ст. 269 УПК).

В данном случае военный суд не был независимым и беспристрастным, поскольку он совершенно очевидно находился под влиянием высокопоставленных лиц. В частности, председательствующий по делу офицер Сукач, кроме непосредственного подчинения председателю Военной коллегии старшему по званию офицеру, подчинен Министру обороны и Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, являющемуся Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами.

За исключением обвиняемого Равкова, никто из других обвиняемых статусом военнослужащего не обладал. Сам Равков к моменту рассмотрения дела судом был уволен с военной службы в запас, а инкриминируемое преступление не относилось к воинским.

Ходатайство защиты Ю. Бандажевского о разделении дела и выделении из него дела Равкова в отдельное производство было отклонено. Передача дела на рассмотрение военному суду мотивировалось именно тем, что Равков, будучи военнослужащим, совершил преступление, а поэтому все обвиняемые по делу, в том числе и Бандажевский, **должны предстать перед военным судом.**

### **5.3. Приговор по делу постановлен незаконным составом суда**

Согласно п. 1.1. Декрета Президента Республики Беларусь от 24.11.1999 г. № 41 судьи военных судов Республики Беларусь и Военной коллегии Верховного Суда назначаются на должности из числа военнослужащих, имеющих офицерские звания, и на них распространяется действие актов законодательства, регламентирующих статус судей и военнослужащих. Декретом Президента от 3.02.2000 г. № 4 установлено, что коллегиальное рассмотрение уголовных дел во всех судах по первой инстанции осуществляется **в составе судьи и двух народных заседателей.** В соответствии с п. 1 Временного положения о порядке утверждения списков народных заседателей, утвержденного постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 7 июня 1996 г. № 369-ХІІІ, народными заседателями могут быть граждане Республики Беларусь, достигшие 25 лет, а народными заседателями военных судов — граждане Республики Беларусь, **состоящие на действительной военной службе.** Кроме того, в соответствии с п. 7 того же Положения при осуществлении правосудия народные заседатели пользуются всеми правами судьи. Таким образом, **законодательство Республики Беларусь требует нахождения в составах межгарнизонных военных судов, Белорусского военного суда, Военной коллегии Верховного Суда только лиц, состоящих на действительной военной службе.** Своим решением от 17.04.2001 г. № Р-114/201 «О порядке формирования состава народных заседателей» Конституционный Суд Республики Беларусь подтвердил обоснованность указанного порядка.

Между тем, **народные заседатели Барабанова В. Г. и Воробей Н. В., входившие в состав суда, являются гражданскими лицами и на военной службе в период рассмотрения дела по первой инстанции не состояли.** По этим основаниям следует признать, что в нарушение действующего законодательства **приговор постановлен незаконным составом суда,** что в соответствии с ч. 2 (п. 2) ст. 391 УПК признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущем его отмену.

**5.4.** Согласно п. 5 ст. 14 Пакта каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей инстанцией согласно закону. С данной нормой Пакта корреспондируется ч. 3 ст. 115 Конституции Беларуси, гарантирующая, что стороны и лица, участвующие в процессе, имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений. Данное право предполагает установление такого порядка, при котором заинтересованное лицо вправе ожидать безусловного пересмотра приговора суда первой инстанции в кассационном либо апелляционном порядке.

Между тем, в соответствии с ч. 6 ст. 370 УПК, вступившего в силу с 1 ян-

варя 2001 г., приговоры Верховного Суда Республики Беларусь обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежат. (Апелляционный порядок пересмотра уголовных дел действующим в Республике Беларусь законодательством не предусмотрен.) В связи с этим осужденный Ю. Бандажевский и его защитники в кассационном порядке приговор обжаловать не могли, а их жалобы в порядке надзора судебными чиновниками Верховного Суда признаны необоснованными. Приговор вышестоящими судебными инстанциями не пересматривался.

5.5. В соответствии с п. «д» ч. 3 ст. 14 Пакта каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения *«...защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника»*. Имплементацией этого признанного международного норматива является указание, содержащееся в ст. 62 Конституции Беларуси о том, что *«каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, в иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, в организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными чинами и гражданами»*. В соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК Беларуси каждый имеет право в ходе производства по материалам и уголовному делу на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом, юридической помощью адвокатов и других своих представителей.

На основании названных норм Ю. Бандажевский заявил ходатайство о допуске в качестве его представителя для оказания юридической помощи в суде адвоката Г. Погоняйло. Однако данное ходатайство не было удовлетворено. Таким образом, с самого начала предварительного расследования, как об этом указывалось выше, и до окончания рассмотрения дела в суде нарушалось право Ю. Бандажевского на защиту.

5.6. В соответствии с ч. 4 ст. 10 УПК никто не должен понуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Таким образом, реализованы в Кодексе (в редакции 1999 г.) требования Пакта и ст. 27 Конституции, в которой, кроме того, указано, что *«доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы»*.

Выше описаны обстоятельства, при которых представители власти пытались добиться признательных показаний от Ю. Бандажевского. По такой же схеме действовали они и по отношению к обвиняемым Равкову, Шамычек и Янкилевичу. Именно они под различного рода воздействием дали показания на Ю. Бандажевского о фактах взяточничества.

Равков еще на предварительном следствии отказался от своих первоначальных показаний, в которых он указывал на то, что передавал деньги Бандажевскому от родственников абитуриентов. Он пояснил, что данные показания получены от него в результате психологического и иного незаконного воздействия, в том числе под влиянием введенных ему психотропных препаратов. Эти утверждения он подтвердил на суде.

Несмотря на то, что никаких иных объективных данных, подтверждающих первоначальные показания Равкова, не было, именно они положены в обоснование вины Ю. Бандажевского.

Уголовное дело в отношении Шамычек возбуждено 15 июля 1999 г. (т. 2, л. д. 51). Однако 16 июля 1999 г. она допрошена в качестве свидетеля с предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (т. 2, л. д. 52), в то время как она имела процессуальный статус подозреваемой. Очевидно, что она давала первоначальные показания под страхом уголовной репрессии. Вот что она указала на суде: *«...Мои показания непоследовательны, так как правоохранные органы сами назвали мне сумму 11 000 долларов, которую я якобы отдала Бандажевскому. Они говорили, что Бандажевский эту сумму уже признал, и требовали дать показания по 11 000 долларов»*. На уточняющий вопрос судьи, какие формы давления применялись к ней, она ответила: *«Меня допрашивали без адвоката, ночью, сами называли суммы денег и фамилии абитуриентов, высказывали угрозы (били линейкой по столу и говорили “печень разобьем”)*. Для меня было и этого достаточно с учетом моего возраста (67 лет), состояния здоровья и тех условий, в которых я находилась». При проведении этих следственных действий, в том числе допросов, Шамычек находилась под стражей, что само по себе влияло на ее психологическое состояние.

Родители абитуриентов, свидетельствующие о передаче денег обвиняемым, находились по настоящему делу в статусе подозреваемых. В отношении их уголовное преследование в ходе предварительного расследования прекращено в соответствии с ч. 3 ст. 170 УК (1960 г.). Поэтому к их показаниям в суде в качестве свидетелей следовало отнестись критически. Однако в нарушение закона их односторонние и противоречивые показания положены в основу приговора.

Из материалов уголовного дела вытекает, что в отношении заведующего кафедрой нейрохирургии ГоГМИ Янкелевича Ю. Д. дело о его участии во взяточничестве выделено в отдельное производство. Однако он в нарушение ст. 60 УПК допрошен в суде по настоящему делу в качестве свидетеля обвинения (к настоящему моменту Янкелевич осужден за взяточничество). В то же время, судом отклонены ходатайства Ю. Бандажевского и его адвоката о вы-

зове в суд и допросе в качестве свидетелей представителей Государственной комиссии по контролю за приемными экзаменами. В их отчетах, приобщенных к материалам дела, каких-либо нарушений со стороны членов экзаменационных комиссий, ее председателя (Ю. Бандажевского) не выявлено.

5.7. Есть все основания утверждать, что данное уголовное преследование и осуждение Ю. Бандажевского к длительному сроку лишения свободы организовано правительством Лукашенко А. Г. с целью устранить Бандажевского как руководителя института, известного в стране и за рубежом ученого в области медицинской радиологии, научные исследования, открытия, выводы и рекомендации которого резко расходятся с интересами ряда должностных лиц, поддерживающих иные воззрения на характер и последствия для здоровья населения, флоры и фауны Чернобыльской ядерной катастрофы на территории Беларуси и проводимую в связи с этим политику властей. (См. также защитительную речь адвоката Рено Шуаньер, Квебек, Канада).

\* \* \*

Руководствуясь правилами, изложенными в Факультативном протоколе к Международному пакту о гражданских и политических правах,

ПРОШУ:

признать настоящую жалобу приемлемой и рассмотреть ее по существу.  
18.04.2002 г. Адвокат Гарри Погоняйло

*Машинопись. Копия. Подпись — автограф. Архив Г. Погоняйло.*

**ПИСЬМО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО  
КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ УЧЕНЫХ А. Г. ЛУКАШЕНКО**

20 января 2004 г.

Президенту Республики Беларусь  
А. Г. Лукашенко

Уважаемый господин Президент!

Российский Общественный Комитет защиты ученых просит Вас принять гуманное решение по делу профессора Юрия Ивановича Бандажевского, осужденного Минским городским судом в июне 2001 г. якобы за получение взятки.

Профессор Ю. И. Бандажевский известен как талантливый и активный врач-радиобиолог, много лет занимающийся исследованием влияния малых доз радиации на здоровье населения. Его пионерские работы по инкорпорированным радионуклидам (особенно по влиянию цезия-137 на сердечно-сосудистую систему) показали огромную опасность для здоровья (особенно детей) радионуклидов в концентрациях, считавшихся ранее малоопасными. Вклад профессора Бандажевского в радиобиологию и медицину отмечен рядом престижных международных наград и, в том числе, — золотой медалью Альберта Швейцера.

Мы обращаемся к Вам, господин Президент, с просьбой об освобождении профессора Бандажевского от дальнейшего отбывания наказания, что дало бы ему возможность продолжить столь важные для науки и Вашей республики работы по сохранению здоровья людей, пострадавших в радиационных катастрофах.

Лауреат Нобелевской премии,  
академик РАН  
Академик РАН  
Академик РАН  
Член-корреспондент РАН  
Координатор Комитета

В. Л. Гинзбург  
Ю. А. Рыжов  
В. П. Скулачев  
А. В. Яблоков  
Э. И. Черный

*Машинопись на фирменном бланке Общественного Комитета защиты ученых. Копия. Подписи — автографы. Архив Г. Погоняйло*

**АРХИВ: 1990–2013**

В первичную партийную организацию  
юридической консультации  
Советского района г. Минска  
члена КПСС Погоняйло Гарри Петровича  
(партийный билет № 12134679)

### ЗАЯВЛЕНИЕ

В условиях многопартийности, проводимых по инициативе КПСС фундаментальных преобразований экономической системы в стране, формирования структур правового государства пришел к глубокому и твердому убеждению о необходимости деполитизации правоохранительных органов.

Работающие юристы призваны подчиняться только Закону и стоять на страже прав и законных интересов граждан вне зависимости от их мировоззренческих убеждений, политических пристрастий и веры.

В связи с изложенным и руководствуясь Уставом КПСС, считаю необходимым прекратить свое членство в КПСС и прошу вывести меня из списков партийной организации.

12 сентября 1990 г.  
г. Минск

Погоняйло Г. П.

*Машинопись. Завизированная копия. Архив Г. Погоняйло.*

В суд Ленинского района г. Минска  
Заявитель: Погоняйло Гарри Петрович  
220098 г. Минск, п/о 98, а/я 132  
на действия Президента  
Республики Беларусь

### ЖАЛОБА

**(в порядке ст. 353–357 ГПК)**

Подпунктом 1.1 Декрета Президента Республики Беларусь № 40 «О некоторых мерах по возмещению ущерба, причиненного государству» от 23 ноября 1999 г., вступившего в силу 24.11.1999 г., постановлено, что «по решению Президента Республики Беларусь в собственность Республики Беларусь передается имущество, принадлежащее на праве собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления);

физическим лицам, причинившим ущерб государству;  
юридическими лицами, которые учреждены указанными физическими лицами;

юридическим лицам, которые учреждены юридическими лицами, имущество которых передается в собственность Республики Беларусь в соответствии с настоящим подпунктом».

Подпунктом 1.4 указанного Декрета устанавливается, что «имущество, переданное в собственность Республики Беларусь (его денежный эквивалент), может быть возвращено его прежним собственникам в случаях:

полного возмещения ущерба, причиненного государству;  
принятия судом решения о признании соответствующего лица невиновным в причинении ущерба государству».

Согласно ст. 79 Конституции Республики Беларусь Президент Республики Беларусь является главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Действия Президента по изданию данного Декрета являются неправомерными, ущемляют мои права и охраняемые законодательными актами интересы и не соответствуют правовым категориям добросовестности и разумности.

В преамбуле Декрета указано, что установленные в нем нормы вводятся в целях обеспечения возмещения ущерба, причиненного государству. Однако в соответствии с ч. 3 ст. 101 Конституции Президент может издавать временные декреты, имеющие силу закона, и **только в случаях особой необходимости**. О такой особой необходимости изъятия у собственников имущества в дополнение к уже имеющимся широким полномочиям государства в этой области (ст. 236 ГК и другие законодательные акты) в Декрете не указывается.

Действиями по изданию Декрета, правилами, установленными в нем, Президент продемонстрировал пренебрежение к таким основополагающим конституционным принципам, как законность, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, обеспечение прав и свобод граждан, равенство всех перед законом, верховенства права, приоритета международного права, презумпции невиновности, защиты прав независимым судом (ст. 2, 6, 7, 8, 13, 21, 26, 59, 60 Конституции). Изданием этого Декрета Президент доказывает, что в своем лице он действительно сосредоточил полномочия всех трех ветвей власти. Президент злоупотребляет этими правами, проявляя свое полное неуважение к достоинству личности.

Статьей 26 Конституции гарантируется, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (презумпция невиновности). И даже при осуществлении особых мер в период чрезвычайного положения заложенная в указанной статье презумпция невиновности не может быть ограничена.

В Декрете № 40 устанавливается, что именно Президент еще до постановления суда фактически решает вопросы виновности того или иного лица в причинении ущерба государству и о передаче его имущества в собственность государства — т. е. об изменении права собственности (формы и субъекта), хозяйственного ведения и оперативного управления в отношении имущества собственника. При этом, как вытекает из смысла Декрета, изъятое имущество по стоимости не зависит от суммы причиненного ущерба и может быть по объему гораздо больше причиненного ущерба. В случае наступления условий, указанных в п. 1.4 Декрета, имущество может быть возвращено собственнику в его денежном эквиваленте без возмещения материального и морального вреда, причиненного незаконным принудительным изъятием имущества у собственника.

Декрет принуждает меня, физических и юридических лиц отказаться от конституционного права — права собственности, заставляя во внесудебном порядке по решению Президента возместить ущерб, причиненный государству.

Между тем, это противоречит ст. 58 Конституции, установившей, что никто не может быть понужден к исполнению обязанностей, не предусмотренных Конституцией Республики Беларусь и ее законами, либо к отказу от своих прав.

Правовой нигилизм Президента, издавшего Декрет, столь очевиден, а способ и характер нарушений конституционных основ государства столь глубоки, что позволяют ставить вопрос о его ответственности перед обществом в установленном порядке за злоупотребления.

Введенная главой государства внесудебная конфискация имущества

грубо нарушает конституционные гарантии фундаментального права собственности граждан и юридических лиц, в том числе иностранных граждан и иностранных инвесторов (ст. 44 Конституции), презумпцию невиновности (ст. 26 Конституции). Жертвой этого нарушения Конституции Республики Беларусь может оказаться любой гражданин, в том числе и я.

В соответствии с действующим законодательством мне гарантируется судебная защита **в целях пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения** (ст. 10, 11 ГК, ст. 6, 7 ГПК). **Как потенциальная жертва возможного нарушения моих прав** изданным Декретом № 40 я являюсь юридически заинтересованным в исходе дела лицом (ст. 18 ГПК).

Согласно ст. 12 ГК акт законодательства, не соответствующий иному законодательному акту и нарушающий гражданские права и охраняемые законодательными актами интересы гражданина и (или) юридического лица, признается судом недействительным по требованию лица, чьи права нарушены. Конституция Республики Беларусь имеет верховенство и является высшим законодательным актом прямого действия. Нормы же Декрета противоречат Конституции Республики Беларусь.

В соответствии с ч. 2 ст. 112 Конституции, если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции, он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным.

Настоящая жалоба подлежит рассмотрению судом в порядке, установленном параграфом 6 гл. 29 ГПК. К действиям (бездействию) государственных органов, иных юридических лиц и организаций, должностных лиц, подлежащих судебному обжалованию, в соответствии со ст. 353 ГПК относятся коллегиальное и единоличное действия (бездействие), в результате которых гражданин незаконно лишен возможности полностью или частично осуществить право, предоставленное ему нормативным правовым актом, либо на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 244, 353–357 ГПК Республики Беларусь,

ПРОШУ:

Возбудить гражданское дело и признать мою жалобу обоснованной, а действия Президента Республики Беларусь по изданию Декрета № 40 «О некоторых мерах по возмещению ущерба, причиненного государству» от 23.11.1999 г. неправомерными, ущемляющими мои права гражданина, и обязать его отменить указанный нормативный акт.

Заявитель

Г. П. Погоняйло

Машинопись. Копия. Архив Г. Погоняйло.



**ДЕКРЕТНЫЙ РАЗГУЛ,  
или ПОЧЕМУ КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД  
И ПАРЛАМЕНТ СТРАНЫ НЕ ПРИНИМАЮТ МЕР  
ПО НАВЕДЕНИЮ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА**

Измененная после референдума 1996 года Конституция Республики Беларусь заложила большой дисбаланс в организации государственной власти. В первую очередь это связано с чрезмерным усилением власти президента. Основной закон нашей страны вообще не содержит указания, к какой из ветвей власти он относится. При анализе его властных полномочий мы видим и функции исполнительной власти, и право издавать декреты, имеющие силу закона, и возможность влияния на суд.

Парламент не делегировал президенту законодательные полномочия на принятие декретов, и все декреты, принятые с 1996 г., являются временными, их издание должно мотивироваться особой необходимостью. Вспомним декреты, вызвавшие наибольший резонанс в обществе.

Декрет президента № 2 от 12 февраля 1997 г. «О декларировании доходов и имущества физических лиц в Республике Беларусь» (с последующими изменениями) нарушает право граждан на свободу от произвольного вмешательства властей в личную жизнь. Вопреки международным нормам, Декрет обязывает граждан по требованию органов Комитета государственного контроля, государственных налоговых органов, органов внутренних дел, КГБ и Прокуратуры описать свое денежное и имущественное состояние. В случае непредставления декларации, указания неполных либо недостоверных сведений о доходах и имуществе граждан, помимо уплаты штрафа, рискует утратить свое имущество как «неосновательно приобретенное». При этом не предоставляется никаких гарантий того, что конфиденциальная информация о доходах граждан не попадет к злоумышленникам.

На фоне инфляции и роста цен и тарифов на услуги, отставания уровня заработной платы от минимального потребительского бюджета 27 марта 1997 г. президент подписал Декрет № 10 «О дополнительных мерах по совершенствованию оплаты труда работников отраслей экономики», направленный на ограничение роста и снижение заработной платы. Изменения, внесенные в Декрет в октябре 1997 г. и в июле 2002 г., не улучшили ситуацию.

Намеченная законом «Об адвокатуре» (1993 г.) реформа этого важного конституционного института, предполагавшая создание и деятельность частных практикующих адвокатов вне традиционных коллегий, была приостановлена Декретом № 12 от 3.05.1997 г. «О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь».

Положения этого декрета были внесены 6 июля 1998 г. в статьи За-

кона «Об адвокатуре». Установлен новый порядок на получение лицензии для занятия адвокатской деятельностью. Лицензии выдаются при сдаче квалификационного экзамена соответствующей комиссии, созданной Министерством юстиции из числа представителей государственных органов, адвокатов, иных специалистов в области права (кандидатуру председателя комиссии определяет заместитель министра юстиции); оплате сбора за выдачу лицензии в размере 3-х минимальных заработных плат; при условии, что лица, претендующие на получение лицензии, не состоят на государственной службе (со дня подачи заявления о допуске к квалификационному экзамену до дня получения лицензии).

6 марта 1997 г. вышел Декрет президента № 5 «О собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрациях и пикетировании в Республике Беларусь». Декрет установил вместо заявительного разрешительный порядок проведения общественных акций. Он содержит множество ограничений. Так, до получения разрешения на проведение мероприятия организаторы не вправе осуществлять его подготовку, в том числе объявлять в СМИ о времени и месте проведения, изготавливать и распространять с этой целью листовки и иные материалы. Массовые общественные акции запрещено проводить вблизи зданий республиканских органов государственного управления. Декрет предельно формализует действия организаторов общественных акций и даже простых участников. Организаторам мероприятий запрещается: использовать плакаты, транспаранты, содержание которых в том числе «унижает честь и достоинство должностных лиц государственных органов»; пользоваться флагами, вымпелами, не зарегистрированными в установленном порядке, символами, содержание которых направлено на причинение ущерба государственному и общественному порядку.

Пункт 10 Декрета дает возможность руководителям исполкомов и органов внутренних дел прекратить практически в любой момент проведение собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации и пикетирования.

Декрет, по сравнению с Кодексом об административных правонарушениях, усиливает административную ответственность за нарушение порядка организации и проведения собраний. Например, за пользование незарегистрированными флагами, вымпелами президент предписал налагать штраф в размере от 10 до 100 минимальных заработных плат (за эти же действия КоАП предусматривает штраф до 5 МЗП).

Декрет № 7 от 17 марта 1997 г. «О дополнительных мерах по обеспечению занятости населения» вводит принудительный труд и фактически направлен на борьбу с зарегистрированными безработными. Президент предписал считать недопустимой численность безработных в Беларуси свыше 130 тыс. человек. Декрет устанавливает, что выплата пособия по безработи-

це приостанавливается в случае невыполнения безработным обязательной месячной нормы участия в общественных работах. Чтобы получить пособие, люди должны несколько недель выполнять общественные работы (уборка улиц и т. п.) независимо от своей квалификации. После издания Декрета многие безработные были вынуждены забрать свои документы из служб занятости и отказаться от ряда социальных льгот — им засчитывался трудовой стаж, выплачивались пособия по болезни и т. д. Как результат — в стране растет скрытая безработица.

26 января 1999 г. президент подписал Декрет № 2 «О некоторых мерах по упорядочению деятельности политических партий, профессиональных союзов, иных общественных объединений» и утвердил Положение о государственной регистрации (перерегистрации) политических партий, профсоюзов, иных общественных объединений. Фактически и юридически Декрет и Положение определили порядок запрещения деятельности гражданских, профессиональных и политических организаций на территории Беларуси, если они не пройдут жестких условий перерегистрации. Кроме Министерства юстиции, вопрос о том, быть или не быть организации, решает специальная комиссия при Совете Министров. Практикуется также направление документов НГО на экспертизу в различные государственные учреждения, которые делают заключения о целесообразности регистрации НГО. Деятельность партий, профсоюзов и других общественных объединений может быть запрещена на основании любого письменного указания о нарушении ими не только законодательства, но и своих уставов. «Указание» может быть дано любым государственным органом.

По нормам Декрета № 7 от 15.02.1999 г. «Об отражении в бухгалтерском учете и отчетности разницы, возникающей при изменении Национальным банком курсов иностранных валют», рост курса валюты, находящейся на счету организаций, считался прибылью и подлежал налогообложению. Фактически президент ввел виртуальный налог на инфляцию, так как очевидно, что за счет курсовой разницы прибыль не извлекается, однако по Декрету налогооблагаемая база искусственно увеличивается. Налоговые органы использовали положения Декрета и в отношении некоммерческих общественных объединений, налагая штрафные санкции за нарушение данной нормы, противоречащей общепризнанным экономическим законам.

Хозяйственный суд г. Минска, рассматривая иск БХК, подтвердил необоснованность позиции властей, и президент своим указом отменил Декрет.

Декрет № 29 от 26 июля 1999 г. «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» предусматривает множество административных наказаний за мелкие проступки, а также переход на контрактную систему труда, кото-

рая ставит работника под угрозу увольнения путем непродления контракта. Контракт составляется дирекцией. Контрактная система труда существенно ограничивает возможность профсоюзов защищать интересы наемных работников.

Декретом № 40 от 23.11.1999 г. «О некоторых мерах по возмещению ущерба, причиненного государству» президент предусматривал такой механизм изъятия имущества, что отвечать за нанесение ущерба приходилось даже тем, кто имел к этому ущербу косвенное отношение. Окончательно ликвидировался принцип ограниченной ответственности. Вводилась внесудебная экспроприация всего имущества, включая личное имущество. Исполнительная власть инициирует процедуру, выносит приговор и сама же исполняет его. Свою невиновность граждане и другие субъекты права, чье имущество изымается, могли доказывать в суде уже после изъятия. Практически Декрет ввел в правовой обиход презумпцию виновности. Декрет дал огромный простор для политического произвола. Президент все же отменил своим указом Декрет № 40 после обращения БХК в Палату представителей, Совет Республики Национального собрания, Совет Министров, Верховный Суд и Высший Хозяйственный суд — субъектам, обладающим правом обращения в Конституционный Суд, — с предложением воспользоваться этим правом и внести вопрос о конституционности Декрета № 40.

Ежегодно в Беларуси происходит более тысячи случаев увечий и гибели на производстве. Утрата кормильца или его увечье — горе, которое в цивилизованных странах компенсируется материальной помощью. Подписанный 4 января 2000 г. Декрет № 1 «О некоторых вопросах возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан» ухудшает материальную поддержку таких жертв. Выплаты, которые будут получать калеки и семьи, утратившие кормильца, значительно уменьшены, соответственно на размер выплачиваемых пенсий.

Декрет развязывает руки нанимателям. Администрация предприятий может меньше заботиться об условиях труда и здоровье рабочих: по сути, отменена жесткая материальная ответственность руководителей предприятий за несчастные случаи.

Декрет № 8 от 12 марта 2001 г. «О некоторых мерах по совершенствованию порядка получения и использования иностранной безвозмездной помощи» лишил многие общественные объединения возможности использовать иностранную помощь. Теперь иностранная безвозмездная помощь в обязательном порядке регистрируется в Департаменте по гуманитарной деятельности Управления делами президента и может использоваться по усмотрению госчиновников и лишь на цели, согласованные с президентом.

Декретом президента № 20 от 26 июня 2001 г. «Об обязательном декла-

рировании доходов и имущества кандидата в президенты Республики Беларусь, его близких родственников, супруги (супруга) и ее (его) родителей и некоторых иных мерах, направленных на проведение открытых, свободных и честных выборов» предписано, что кандидаты в президенты и их близкие родственники обязаны представить декларации о доходах и имуществе в Центральную комиссию по выборам и проведению республиканских референдумов.

Этим Декретом президент фактически изменил порядок проведения президентских выборов, на что он не имеет права в соответствии со ст. 101 Конституции. Данный Декрет ограничивает право граждан на свободу быть избранными, так как реализация указанного права ставится в зависимость от желания других лиц содействовать или воспрепятствовать выдвижению кандидата в президенты, а также их добросовестности при внесении сведений в декларацию. Кроме того, опубликование данных о доходах и имуществе граждан, не выдвигающихся кандидатами на пост президента, является незаконным вмешательством в их личную жизнь.

Нормы Декрета создали Центральной комиссии условия для произвольного устранения кандидатов, нежелательных для действующего президента, выдвинувшего свою кандидатуру на очередной срок.

Высшие органы государственной власти, обладающие правом обращения в Конституционный Суд, не отреагировали на обращение БХК и не приняли меры к признанию Декрета № 20 неконституционным.

Таким образом, можно говорить о систематическом нарушении конституционных и других правовых норм в законодательной деятельности президента.

Единое принятие президентом декретов, имеющих силу закона, ярко свидетельствует о нарушении конституционного принципа разделения властей, ведет к непрозрачности законодательного процесса, противоречивости законодательства и нарушению прав граждан. Основной закон запрещает делегирование полномочий президенту на принятие декретов, ограничивающих конституционные права и свободы. Мы надеемся, что Конституционный Суд и Парламент страны примут меры по наведению конституционного порядка.

*Гарри Погоняйло, Дмитрий Маркушевский*

*Народная Воля. 2003. 26 сак.*

## СИНДРОМ ПИНОЧЕТА

*На одном из семинаров по международному гуманитарному праву знакомый правозащитник из Российской Федерации спросил меня: «Как ты считаешь, насколько вероятно привлечение к международному суду высших должностных лиц России (бывших и нынешних) за преступления, совершенные против мирного населения в Чечне?» Мой ответ его явно озадачил: «Это вполне реально». В частности, по национальному законодательству Республики Беларусь, к международному суду можно обращаться, если речь идет о преступлениях против мира, безопасности человечества и военных преступлениях и если в компетентные органы подадут заявление жертвы преступлений, общественные объединения или просто юридически заинтересованные граждане любой страны. К сожалению, далеко не все знают о новом действующем механизме международной защиты прав человека. Полагаю, он будет интересен и читателям «Народной Воли», поскольку может быть использован для решения проблем нарушений прав человека в Беларуси.*

Опыт двух мировых войн привел к широко распространенному убеждению, что эффективная международная защита прав человека является важнейшим условием международного миропорядка и прогресса человечества. Находит свое подтверждение теория международного права, согласно которой права человека имеют фундаментальный характер, ставящий их над законодательством и правоприменительной практикой суверенных государств.

В XXI век Беларусь вступила независимым, суверенным государством, полноправным субъектом мирового сообщества, подтверждающим свою приверженность общечеловеческим ценностям. Будучи одним из соучредителей ООН (1945 г.), она является участником практически всех основных международных договоров по правам человека, принятых в рамках ООН. В этой связи важным является обязательство, закрепленное в части 1 статьи 8 Конституции: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства». Законом «О международных договорах Республики Беларусь» (в редакции 1998 г.) в развитие вышеуказанной нормы Конституции закреплено, что общепризнанные принципы международного права и нормы международных договоров Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Беларуси права (ст. 15). Подтверждением этому, к примеру, служит правило, содержащееся в части 4 статьи 1 Уголовно-процессуального кодекса (в редакции Закона от 11 мая 2000 г. № 377-З), которым установлено, что «международные договоры Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина, в уголовном процессе применяются наряду с настоящим кодексом». Таким

образом, Беларусь, реализуя на законодательном уровне свою приверженность обеспечению прав и свобод граждан, имплементирует сложившиеся международные стандарты в свое национальное законодательство.

Среди международных договоров по правам человека, участником которых является Беларусь (ратифицировала или присоединилась), по рассматриваемой нами проблеме следует выделить: «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него» (1954 г.); «Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» (1969 г.); «Конвенцию против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (1987 г.).

Большинство преступлений против безопасности человечества, посягающие на основополагающие права человека, закреплены в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., ратифицированном БССР 12.11.1973 г., и никакие обстоятельства не могут служить основанием для каких-либо отступлений от положений Международного пакта, регулирующего данные права. В 1992 г. Беларусь признала и тем самым распространила на своих граждан юрисдикцию Комитета по правам человека, созданного согласно статье 28 Пакта.

Вступивший в силу с 1 января 2001 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь свою Особенную часть открывает как раз разделом (VI) о преступлениях против мира и безопасности человечества. К преступлениям против безопасности человечества отнесены: геноцид (статья 127); депортация; незаконное содержание в заключении; обращение в рабство; массовое или систематическое осуществление казней без суда; похищение людей, за которым следует их исчезновение; пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием гражданского населения (статья 128) и другие.

При теоретическом осмыслении и применении норм 6-го раздела УК Беларуси особо важное значение имеют положения, изложенные в части 3 статьи 6 Кодекса. Она реализует универсальный принцип международного права и содержит правила действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Беларуси. Установлено, что «настоящий Кодекс применяется независимо от уголовного права места совершения деяния в отношении следующих преступлений: 1) геноцид (статья 127); 2) преступления против безопасности человечества (статья 128); 3) производство, накопление либо распространение запрещенных средств ведения войны (статья 129); экоцид (статья 131)... 7) преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов

(статья 137)... 9) иных преступлений, совершенных вне пределов Республики Беларусь, подлежащих преследованию на основании обязательного для Республики Беларусь международного договора». Содержание части 4-й этой же статьи УК отвечает одному из основополагающих принципов международного публичного права — принципу *aut dedere aut punire* (или выдать, или наказать) — лица, совершившие международные преступления, подлежат ответственности по УК Беларуси, если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Беларусь. Устанавливая пределы действия Уголовно-процессуального закона Республики Беларусь, статья 3 УПК предписывает, что уголовный процесс на всей ее территории «ведется в соответствии с настоящим Кодексом, независимо от места совершения преступления, если международными договорами Республики Беларусь не установлено иное». Следует признать, что уголовное законодательство Беларуси в этой части практически в полной мере отвечает складывающейся практике международного публичного права и позволяет на национальном уровне преследовать вне зависимости от гражданства и места жительства любое лицо, совершившее преступление против человечества. Таким образом, является вероятным и в сегодняшней Беларуси осуществление подобного процесса в отношении высших должностных лиц России.

Для понимания сути проблемы нуждаются в пояснении некоторые теоретические предпосылки уголовного преследования глав государств. После Нюрнбергского и Токийского международных судов над главарями фашистской Германии и Японии, развязавших Вторую мировую войну, развитие международного уголовного права в последнее десятилетие XX века совершило гигантский скачок. В 1981 г. Комиссия ООН по международному праву представила предложения по статусу Международного уголовного суда (МУС), который был завершён к 1993 г. и лежит в основе Римского статута МУС (1998 г.). Следует отметить, что ни Беларусь, ни Российская Федерация, ни США пока не подписали этот статут, а значит, их граждане не подпадают под его юрисдикцию. Возникновению кодифицированных международных правил в немалой степени способствовали специальные уголовные суды, созданные Советом Безопасности ООН (в соответствии с главой VII) в Гааге и Аруше для бывшей Югославии и Руанды и — в соответствии с другим юридическим подходом — для Сьерра-Леоне. Важно отметить, что Римский статут (статья 27) и статуты судов Гааги и Аруши содержат положения, которые ясно отклоняют неприкосновенность главы государства. Им предшествовала статья 4 Конвенции о геноциде, которая в совокупности со статьей 7 этой Конвенции предусматривает, что даже действующие главы государств и другие агенты, на которых распространяются нормы Венской конвенции,

могут преследоваться государством, где было совершено преступление, или компетентным международным судом. При этом законодатель и правоприменитель исходят из того, что доктрина неприкосновенности главы государства может быть преодолена в случае совершения им международных преступлений. В целях международного правопорядка, например, для поддержания мира, безопасности, защиты окружающей среды или экономического развития, суверенная неприкосновенность даруется ради достижения этих общих целей, чтобы дать государствам значительный ряд полномочий для выполнения их обязательств в системе международного сотрудничества. Главам государств, министрам иностранных дел, иным агентам даруются привилегии и неприкосновенность, чтобы гарантировать должное функционирование государств на национальном уровне и в системе международного сообщества: достижение общих целей будет под угрозой, если главы государств, министры иностранных дел и т. д. будут опасаться юридического преследования, находясь за рубежом. Однако это правило не может и не должно применяться в отношении международных преступлений, таких как пытки, апартеид, геноцид, угон самолетов и т. д. Фактический субъект «международное сообщество» не может даровать неприкосновенность за деяния, которые оно явно осуждает. Функциональная необходимость, лежащая в основе неприкосновенности главы государства, утрачивается, если деяние совершено не на пользу международного сообщества, но во вред его ценностям.

Имелись ли случаи привлечения глав государств к уголовной ответственности за международные преступления в рамках национальных законодательств? Давая утвердительный ответ на данный вопрос, мы всё же должны отметить, что эта практика носит крайне противоречивый характер и связана не только с рядом юридического казуального толкования норм национального и международного права, но и, прежде всего, с политическими мотивами и той огромной ответственностью и осторожностью, которую проявляют суды.

Примерами судебных дел против иностранного суверена могут служить дела Аугусто Пиночета (Чили), Муаммара Каддафи (Ливия), Хиссена Хабре (Чад), Деви Буттерса (Республика Суринам), Роберта Мугабе (Зимбабве).

#### **ДЕЛО МУАММАРА КАДДАФИ**

В 1989 г. во время конфликта в Чаде, в который была вовлечена Ливия, самолет ДС-10 французских авиалиний взорвался над пустыней Тенере (Нигерия), унеся жизни 170 пассажиров и членов экипажа. В марте 1999 г. суд присяжных Парижа заочно приговорил к пожизненному заключению нескольких ливийских террористов, в том числе родственника Муаммара Кад-

дафи. Ливия не выдала обвиняемых, но оплатила контрибуцию, наложенную на них тем же приговором в соответствии с уголовным законодательством Франции.

По инициативе неправительственной организации (SOS attenuates) правомочный следственный судья в Париже возбудил в октябре 1999 г. дело против М. Каддафи за соучастие в преднамеренном убийстве, поскольку имелись доказательства, что именно Каддафи отдал приказ о террористической атаке. Прокуратура опротестовала это решение из-за предполагаемой суверенной неприкосновенности Каддафи как главы государства. Однако 20 октября 2000 г. Парижский апелляционный суд все же вынес решение, в котором обосновал, что неприкосновенность не является препятствием к уголовному преследованию Каддафи. Свое решение суд мотивировал тем, что неприкосновенность главы государства, согласно обычному международному праву, не распространяется на случаи международных преступлений. В своем решении апелляционный суд Парижа сослался на происшедшие изменения международного уголовного права со времен Нюрнбергского процесса и мотивировал преодоление неприкосновенности главы государства введением в действие соответствующих инструментов, в частности, содержащихся в Римском статуте Международного уголовного суда. Критики данного судебного решения обоснованно указывают на игнорирование в нем Монреальского пакта о подавлении незаконных действий против безопасности гражданской авиации. Вместе с тем в нем имеются ссылки на судебное разбирательство в США дела против генерала Норьеги (Панама) и на решение Палаты лордов (Великобритания) в деле *ex parte* Пиночета. Однако после завершения 13 марта 2001 г. судебного разбирательства в апелляционном суде прокуратура инициировала новое обжалование, и Высший уголовный суд Франции (в кассационном порядке) отменил ранее состоявшееся решение апелляционного суда, постановив, что каким бы серьезным ни было преступление, действующий глава государства неподсуден. Полагают, что на окончательное решение по делу М. Каддафи повлияли возможные для Франции дипломатические и иные последствия с учетом ее особых интересов в Африке и те международные юридические сенсации, которые могли последовать. Вместе с тем нам для исследования остается аргументация обоих судов, требующая тщательного критического осмысления.

#### **ДЕЛО ХИССЕНА ХАБРЕ**

Судебное преследование Хиссена Хабре в Сенегале вызвало похожие предположения и привело к похожему результату. Хабре являлся главой государства Чад с 1982-го по 1990 год, и его диктатура сопровождалась широко распространенными нарушениями прав человека. Уголовное преследование

Хабре началось в результате деятельности правозащитных групп в Сенегале, куда он бежал после того, как был свергнут. 3 февраля 2000 г. следственный судья в Дакаре обвинил Х. Хабре в соучастии в пытках и распорядился продолжить сбор доказательств о преступлениях против человечества.

Однако 4 июля 2000 г. правомочная обвинительная палата Дакарского трибунала прекратила это дело, так как Сенегал не имел соответствующей юрисдикции. Конвенция против пыток не была введена во внутреннее законодательство страны, а преступления, о которых шла речь, были совершены не на территории Сенегала. Верховный Суд Сенегала оставил в силе данное решение, несмотря на то, что Сенегал является участником Конвенции против пыток, и статья 5 (2) Конвенции накладывает на государство-участника обязанность принимать такие меры, «которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений в случаях, когда предполагаемый преступник находится на любой территории под его юрисдикцией, и оно не выдает его в соответствии со статьей 8-й любому из государств, упомянутых в пункте 1 настоящей статьи» — то есть изложен известный, упоминавшийся выше, принцип *aut dedere aut punire* (или выдать, или наказать). Конвенция против пыток не исключает осуществления любой уголовной юрисдикции в соответствии с внутренним законодательством страны (часть 3 статья 5). Очевидно, что данное решение было принято из-за того, что высшая судебная власть Сенегала не захотела в конкретном случае применить нормы Международной конвенции. В то же время президент Сенегала в апреле 2001 г. предложил Хабре покинуть страну. Однако, опасаясь того, что Хабре может попросить убежища в странах, не являющихся членами Конвенции, жертвы преступлений обратились в Комитет ООН против пыток. Комитет, основанный согласно статье 17 Конвенции для надзора за ее исполнением, официально обратился к правительству Сенегала с тем, чтобы помешать Хабре покинуть территорию страны.

#### ДЕЛО ДЕЗИ БУТТЕРСА

В Апелляционном суде Амстердама (Голландия) 20 ноября 2000 г. началось судебное разбирательство в отношении бывшего военного диктатора Дези Буттерса (Республика Суринам). Суд обосновал свою юрисдикцию принципом всеобщности и отказал в предоставлении Буттерсу неприкосновенности, так как серьезные международные преступления не могут квалифицироваться как официальные деяния властей. Суд посчитал, что Конвенция против пыток разъясняет содержание общего международного права и дает основания для международного преследования и осуждения. Вместе с тем, поскольку события, ставшие предметом судебного разбирательства, имели место начиная с сентября 1982 г., а голландское законодательство,

преобразующее Конвенцию, вступило в силу в 1989 г., встал вопрос о практике его применения по допустимости обвинений, основанных на ретроспективе, то есть имеющих обратную силу. В этих условиях власти Голландии предпочли, чтобы Буттерса судили в Суринаме. И такой процесс там уже начался. Вместе с тем постановление амстердамского суда ясно показало, что главы государств как агенты международного сообщества не должны освобождаться от ответственности за международные преступления.

#### ДЕЛО РОБЕРТА МУГАБЕ

Действующему главе государства Зимбабве Роберту Мугабе был предъявлен иск в суде Манхэттена (Нью-Йорк) по Федеральному закону США «О деликтах, совершенных иностранцами». Основанием послужили акты насилия, совершенные в Зимбабве политической партией Мугабе в отношении оппонентов. Примечательным при решении вопроса о неприкосновенности действующего президента явилось то, что иск предъявлен в тот момент, когда Мугабе участвовал в заседании ООН в Нью-Йорке. В этой ситуации правительство США вынуждено было рассмотреть возможность дарования ему неприкосновенности. Схожий иск возбуждался и против бывшего премьер-министра КНР Ли Пэна, который уже не являлся главой государства.

#### ДЕЛО АУГУСТО ПИНОЧЕТА

Однако наиболее широкую известность получило дело А. Пиночета (Чили). За период его правления (1973–1990 гг.) около 3 тыс. человек из политической оппозиции пропали без вести или были убиты. Мадридский судья-дознаватель Бальтасар Гарсон выдал ордер на арест и экстрадицию в Испанию бывшего военного диктатора Чили. Аугусто Пиночет был задержан в английском аэропорту «Хитроу». Для специалистов представляет интерес интерпретация международного и национального (Муниципального британского) права в этом деле, которую дали 12 лордов-судей по вопросам, касающимся неприкосновенности глав государств. Их решение не привело к выдаче Пиночета по запросу испанского судьи, но он был отправлен в Чили, где его уже ждало возбужденное против него и членов военной хунты уголовное дело. И в данном случае сработал принцип «выдать или наказать?». На мировом уровне, конечно же, не существует обязывающей силы прецедентов, однако в нашем случае интересно, как решения Палаты лордов приспособляются к системе источников права, в том числе международных, и как решения судов внутри государства могут рассматриваться как выражение практики государства в целом.

Долгое судебное разбирательство по признанию А. Пиночета виновным в гибели своих оппонентов в июне 2003 г. было прекращено — Верховный

Суд Чили признал 87-летнего генерала неспособным предстать перед судом и воспринимать ход процесса по медицинским показаниям. И хотя это решение обвинителями было тут же оспорено, официально признанный слабоумным Пиночет вряд ли понесет уголовное наказание.

Между тем чилийский диктатор до сих пор находится под уголовным преследованием, но уже в США. В марте 2000 г. Департамент юстиции возобновил расследование Большого жюри, готовящего обвинительное заключение за террористический акт против бывшего посла Чили в США Летельера.

Из последних новостей следует, что 29 июня 2003 г. в Испанию из Мексики самолетом под конвоем доставлен бывший аргентинский офицер Рикардо Мигель Ковалло, который получил зловещую славу своими зверствами во время массовых репрессий, устроенных в 70-е годы военной диктатурой в Аргентине. Мексиканские власти экстрадировали его в Испанию по ходатайству все того же испанского судьи Бальтасара Гарсона. Он обвиняет Ковалло в убийстве, похищении и пытках более 300 человек, среди которых немало испанских граждан. Этот пример вдохновляет и свидетельствует о складывающейся юридической практике, согласно которой люди, совершившие акты геноцида и другие преступления против человечества в одной стране, могут быть судимы в другой.

Но наиболее впечатляющей является практика Бельгии, которая благодаря активно ведущимся процессам присвоила себе роль действующего агента международного сообщества. Используя сильные стороны законодательства Бельгии, ее традиции по проведению в жизнь основных правовых ценностей, опыт в судебной защите прав человека, родственники потерпевших, их адвокаты по делам о насильственных похищениях известных оппозиционных лидеров Беларуси Ю. Захаренко, В. Гончара, бизнесмена А. Красовского и журналиста Д. Завадского намерены подготовить соответствующие обращения в бельгийский Международный суд и надеются на создание уникального прецедента в новейшей истории Беларуси. Может так случиться, что те, кто подозревается в организации «эскадронов смерти» — осуществлении казней без суда, пыток, похищении людей, выехав за рубеж, могут оказаться в наручниках и могут быть препровождены в следственный изолятор иностранного государства.

*Гарри Погоняйло*

*Народная Воля. 2003. 4 верас.*

**ИМЕЕТ ЛИ НЫНЕ ДЕЙСТВУЮЩИЙ ГЛАВА ГОСУДАРСТВА  
А. Г. ЛУКАШЕНКО ПРАВО БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ КАНДИДАТОМ  
В ПРЕЗИДЕНТЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ВЫБОРАХ,  
НАЗНАЧЕННЫХ НА 19 МАРТА 2006 ГОДА?**

— *Гарри Петрович, в независимых печатных СМИ, интернет-форумах развернулась дискуссия о конституционности участия ныне действующего президента А. Г. Лукашенко в начавшейся избирательной кампании в качестве кандидата в президенты на новый, третий по счету, срок. Известно, что Вы обращались по данной проблеме в Конституционный Суд и Центральную комиссию. Каковы результаты рассмотрения Ваших обращений?*

— Если коротко: получены формальные отписки. Ни та, ни другая ин-ституция не рассмотрели доводы заявителя по существу, как этого требует закон, с приведением анализа правоприменительной деятельности президента, в том числе по изданию Указа № 431 от 07.09.2004 г. о проведении республиканского референдума по внесению изменений в статью 81 Конституции и соответствия этого нормативного акта Конституции, другим законам, принятым на ее основе.

— *Можете ли Вы разъяснить нашим читателям в доступной форме правовые аспекты конституционного спора?*

— Охотно, но сразу оговорюсь, язык правоведов сложный. Иногда законодатель по умыслу или в силу недостаточности опыта в нормотворческой деятельности, отсутствия системного подхода издает правовые предписания, которые построены с нарушением требований нормотворческой техники. Используемые в них термины и понятия воспринимаются неоднозначно, допускают двойное толкование и требуют дополнительного уточнения в практике их применения. Но вернемся непосредственно к нашей теме и вспомним историю десятилетней давности.

События, предшествовавшие проведению республиканского референдума в ноябре 1996 г., положили начало резкому размежеванию общест-венности Беларуси в оценке действий первого президента Беларуси А. Г. Лу-кашенко. Именно в это время наиболее остро стали подниматься вопро-сы о злоупотреблении им властью, превышении служебных полномочий, умышленном нарушении норм действующей Конституции в редакции 1994 г., невыполнении решений Конституционного Суда, признавшего неконституционными ряд его указов.

Как нам помнится, острое противостояние между президентом, Верхов-ным Советом и судебной властью привели к конституционному и политичес-кому кризису в стране. Вследствие этого Верховным Советом и Конституци-онным Судом была начата процедура импичмента президенту — отрешение его от власти.

С целью преодоления конституционного кризиса и «обеспечения в республике гражданского мира и стабильности» между президентом А. Г. Лукашенко и председателем Верховного Совета С. Г. Шарецким при участии председателя Конституционного Суда В. Г. Тихини и ряда высших должностных лиц Российской Федерации (Е. Строева, Г. Селезнева, В. Черномырдина) 22 ноября 1996 г. было заключено соглашение «Об общественно-политической ситуации и конституционной реформе в Республике Беларусь».

Соглашение не являлось юридически обязательным документом, однако подписавший его А. Г. Лукашенко в данном случае действовал как высшее должностное лицо государства, в компетенцию которого входило выполнение норм действующей Конституции, обеспечение политической стабильности в обществе. Поэтому невыполнение им принятых на себя обязательств по данному соглашению лишь усугубило конституционный кризис, результатом которого стало незаконное проведение республиканского референдума, введение в действие новой редакции Конституции с перераспределением конституционных полномочий в пользу исполнительной власти. Затем последовали нормативные решения о роспуске Верховного Совета 13-го созыва и отстранении от власти законно избранных или назначенных должностных лиц.

Демократическая общественность Беларуси оценила события ноября 1996 г. как государственный переворот и узурпацию власти гражданином А. Г. Лукашенко...

Как юрист уточню: Уголовный кодекс Республики Беларусь квалифицирует такие деяния как захват государственной власти неконституционным путем. Действия тех, кто участвовал в так называемом конституционном перевороте, подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 61-1 УК (в редакции 1960 г.) или ч. 2 ст. 357 ныне действующего УК. Такую правовую оценку в своем заключении дала Специальная комиссия Верховного Совета 13-го созыва, возглавляемая В. Гончаром. Он должен был публично заявить об этом 19 сентября 1999 г., но в ночь на 16 сентября вместе со своим другом А. Красовским исчез.

Замечу, возможная причастность высших должностных лиц Беларуси (В. Шеймана, Ю. Сивакова, Н. Васильченко, Д. Павличенко и др.) к политически мотивированным похищениям известных в Беларуси людей Ю. Захаренко, В. Гончара, А. Красовского, Д. Завадского, а возможно, и их физическая ликвидация (осуществление казней без суда), что зафиксировано даже в ряде документов международных структур, предполагает квалификацию уже по ч. 3 ст. 357 УК. При этом ст. 128 УК (преступления против безопасности человечества) — похищение людей, за которыми следует их исчезновение, систематическое осуществление казней без суда — не имеет сроков

давности.

Общественность Беларуси, международные организации, в деятельность которых вовлечена наша страна, требуют расследования этих дел и наказания виновных. Между тем А. Г. Лукашенко, как глава государства, я считаю, бездействует и тем самым навлекает на себя подозрения в своей личной заинтересованности, а возможно, и причастности к данным исчезновениям.

— *И тем не менее выборы президента в 2001 г. состоялись. Лукашенко как бы получил легитимность из рук народа на второй срок. Как с этим быть?*

— Участникам той избирательной кампании известно, в каких условиях проходили выборы. Политические оппоненты власти и простые граждане пытались апеллировать к закону, обращались в суды за защитой своих прав, однако ни один суд, в том числе Верховный Суд страны, не принял к своему производству ни одно заявление либо жалобу на действия исполнительных органов, должностных лиц или избирательных комиссий. Хотя действующий Избирательный кодекс напрямую предусматривает возможность рассмотрения подобных жалоб в 22 случаях. О повсеместном и грубом нарушении действующего избирательного законодательства, фальсификации результатов голосования свидетельствовали мониторинги и обобщенные данные, опубликованные в 2001–2002 гг. по результатам наблюдения: «Выборы президента Республики Беларусь» (результаты независимого наблюдения РОО «Белорусский Хельсинкский Комитет». Минск, 2001); «Выборы Президента Республики Беларусь, факты и комментарии» под редакцией М. Плиско (Минск: Тессей, 2002); *Заключительный отчет миссии БДИПЧ ОБСЕ по ограниченному наблюдению за выборами Президента Республики Беларусь (от 4 октября 2001 г.)*. Данные материалы были широко представлены общественности, а также направлялись в Администрацию Президента, парламент, Совет Министров, Конституционный Суд, Центральную комиссию Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. Примечательно, что ни один факт из числа приведенных в указанных материалах нарушений в ходе избирательной кампании официальные власти в установленном порядке не оспорили. Исковое заявление РОО «Белорусский Хельсинкский Комитет» и ряда граждан-избирателей о признании выборов недействительными из-за допущенных в ходе выборов и при подсчете голосов грубых и повсеместных нарушений требований Избирательного кодекса (ч. 6 ст. 79) Верховным Судом Республики Беларусь не было принято к производству по надуманным мотивам — «спор не подведомственен суду». Кстати, в приложении к исковому заявлению были представлены более тысячи задокументированных подобных нарушений. Эта деятельность общественных и, прежде всего, правозащитных организаций



не была не замечена властями, и к нынешней избирательной кампании, за исключением РОО БХК, они оказались ликвидированными.

— *Могут ли действия А. Г. Лукашенко и должностных лиц, причастных к его переизбранию президентом Республики Беларусь на новый срок в 2001 г., быть оценены как удержание государственной власти, захваченной неконституционным путем?*

— При доказанности прямого умысла, достаточности и допустимости добытых доказательств такой процесс вполне может состояться, так как указанное преступление относится к дящимся и давностные сроки, как ранее отмечалось, не текут. Правозащитные организации хранят эти документы, в том числе и за рубежом, куда не дотянутся руки спецслужб нынешнего режима, и об этом следует знать и помнить всем, кто вольно или невольно был втянут в антиконституционную деятельность.

— *Но, возможно, боясь своей ответственности, А. Г. Лукашенко и его окружение специально инициировали очередной референдум 17 октября 2004 г. по внесению изменений в Конституцию?*

— Такая точка зрения вполне вероятна. Указ № 431 от 7 октября 2004 г. «О назначении республиканского референдума» и незаконное проведение самого референдума об изменении Конституции требуют более подробного анализа. Из текста Указа вытекало, что на республиканский референдум для голосования выносился следующий вопрос: «Разрешаете ли Вы первому Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко участвовать в качестве кандидата в Президенты Республики Беларусь в выборах Президента и принимаете ли часть первую статьи 81 Конституции Республики Беларусь в следующей редакции: “Президент избирается на пять лет непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании”?» Данный Указ вступил в силу с момента его опубликования 8 сентября 2004 г.

Хотя формально предлагалось ответить «да» или «нет» на один вопрос, на самом деле в формулировке содержались два различных вопроса:

а) можно ли разрешить первому президенту А. Г. Лукашенко участвовать в президентских выборах в Беларуси, хотя Конституция явно и четко (недвусмысленно) запрещает одному человеку избираться более двух раз?

б) можно ли изменить ст. 81 Конституции, исключив из нее положение, запрещающее одному лицу избираться президентом более двух раз?

Указание именно на это ограничение авторы формулировки вопроса, выносимого на конституционный референдум, и хотели упрятать от избирателей. Ниже я объясню, к каким катастрофическим ошибкам для инициаторов референдума это привело.

Включение в один вопрос разных проблем — одной, относящейся к лич-

ной ситуации А. Г. Лукашенко, занимающего пост президента второй срок, и другой, связанной с изменением Конституции, — противоречило принципу «единства и содержания», оговоренному, к примеру, в «Руководящих принципах проведения национальных референдумов», принятых Венецианской комиссией в июле 2001 г. и не соответствовали ч. 5 ст. 114 ИК, согласно которой «выносимый на республиканский референдум вопрос (проект решения), должен быть сформулирован инициативной группой четко и ясно с тем, чтобы на него возможен был однозначный ответ».

Увязка основного вопроса по изменению ст. 81 Конституции с персонифицированным и относящимся лично к г-ну А. Г. Лукашенко создало заведомо неясную ситуацию и затруднило беспристрастное рассмотрение избирателями вынесенной на референдум конституционной проблемы, которая вообще не была четко сформулирована в самом вопросе, а именно исключение из содержания ст. 81 Конституции предписания о том, что «одно и то же лицо может быть президентом не более двух сроков». Сама формулировка вопроса носила двусмысленный характер, в ней не говорилось о том, что будут изменены положения действующей Конституции. Видимо, решили в очередной раз сыграть с избирателями втемную, как карточные шулеры.

Обращение президента Лукашенко к нации, сделанное им в связи с принятием Указа № 431, и соответствующие разъяснения в государственных СМИ в ходе агитации по вопросу, вынесенному на референдум, обходили молчанием и не разъясняли избирателям эту проблему, сознательно обманывая народ относительно правовых последствий референдума.

Как многие полагают, Указ не соответствовал Конституции Республики Беларусь, иному законодательству Беларуси, нарушал гражданские права и охраняемые законом интересы избирателей и в силу ст. 137 Конституции подлежал признанию недействительным. Однако и в данном случае судебные власти страны отказали гражданам в проверке конституционности Указа № 431.

Республиканские референдумы в соответствии со ст. 73 Конституции Республики Беларусь могут проводиться для решения важнейших вопросов государства и общественной жизни. Согласно ст. 78 Конституции перечень вопросов, которые не могут быть вынесены на референдум, определяются законом Республики Беларусь. Этим законом является Избирательный кодекс Республики Беларусь. В ч. 3 ст. 112 ИК устанавливается, что «на республиканский референдум не могут выноситься вопросы, связанные с избранием и освобождением Президента Республики Беларусь».

Анализ текста спорного Указа свидетельствует о том, что на республиканский референдум незаконно выносился вопрос, непосредственно связанный с возможностью избрания конкретного лица — А. Г. Лукашенко на

третий срок на очередных президентских выборах. Поскольку действующая Конституция запрещает пребывание в должности президента одного и того же лица более двух сроков, предлагалось внести изменения в ч. 1 ст. 81 Конституции и таким образом исключить из ее текста указание на то, что «одно и то же лицо может быть Президентом не более двух сроков». Если сравнить действующую на момент издания указа редакцию ч. 1 ст. 81 Конституции и предложенный вариант в вопросе, вынесенном на референдум, то увидим, что в нем отсутствует указание об ограничении двумя сроками пребывания на посту президента. Согласно ст. 81 Конституции, президент Лукашенко по отбытии второго срока не вправе баллотироваться на третий срок избрания и, следовательно, подлежит освобождению от должности президента.

Однако он, используя свое должностное положение главы государства, посредством республиканского референдума изменяя Конституцию под себя, вознамерился достичь своих корыстных целей и удовлетворить личные властные амбиции. При этом он нарушил не только нормы Конституции, но и принятых на ее основе иных нормативных правовых актов, на которые я сослался выше.

Предписания, содержащиеся в ч. 1 ст. 81 Конституции об ограничении двумя сроками пребывания на должности президента, и приведенная выше запретительная норма Избирательного кодекса позволяли сохранить незыблемость конституционного принципа демократического государства о сменяемости власти. Они относились к так называемым конституционным механизмам сдержек и противовесов, нарушение которых влечет подрыв государственной власти в Республике Беларусь, осуществляемой на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 6 Конституции).

В силу ч. 2 ст. 7 Конституции, закрепившей верховенство права, «государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства». Как видно из содержания Указа, глава государства путем проведения референдума по вопросу, прямо связанному с избранием и освобождением президента, действуя вопреки предписаниям Конституции и принятым на ее основе законам, пытается преодолеть установленные конституционные ограничения и запреты и тем самым продлить свои полномочия на неограниченный срок.

Действия президента А. Г. Лукашенко по его переизбранию на третий срок при грубом нарушении Конституции и демократических процедур избирательного процесса посягают на основы конституционного строя, народовластия, на право граждан Республики Беларусь избирать и быть избранными, создают опасность нарушения внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан

Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией и международными обязательствами Беларуси в области прав человека. Если это произойдет, все мы станем свидетелями юридического закрепления установления в Беларуси единоличной власти — диктатуры.

Демократическая общественность страны и международное сообщество не признают результаты подобных выборов, которые приведут к еще большему нарастанию конституционного и политического кризисов и поставят страну перед выбором применения более радикальных методов борьбы с диктатурой и тоталитаризмом.

С целью избежать такого развития событий сотни патриотически настроенных граждан в полном соответствии с нормами Конституции и процессуального законодательства обратились в Конституционный и Верховный Суд с обжалованием решения Центральной комиссии от 17.02.2006 г. о регистрации А. Г. Лукашенко в качестве кандидата в президенты.

— *Какие, на Ваш взгляд, бесспорные аргументы Вы выдвинули в своей жалобе?*

— Кроме тех, о которых я уже упомянул, могу сослаться на следующие. Согласно ч. 1 ст. 3 Конституции «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ». Отсюда следует, что государственная власть проистекает от воли народа, в том числе воли, выраженной посредством выборов и референдумов.

В статье 8 действующей редакции специального Закона «О президенте Республики Беларусь» указано, что «срок полномочий президента — 5 лет. Одно и то же лицо может быть президентом Республики Беларусь не более двух сроков». Косвенное подтверждение ограничению в виде двух сроков избрания президента содержится и в ч. 1 ст. 77 ИК. В этой части указанные законы не противоречат ст. 81 Конституции в новой редакции.

Убрав из Конституции часть содержания ст. 81 об ограничении двумя сроками пребывания на посту президента, горе-юристы Лукашенко, а вслед за ними и законодатель проблему сроков пребывания на посту президента вывели за рамки конституционного регулирования и перевели эту проблему на нижестоящий уровень законодательных актов. Известно, что парламент страны не обсуждал и не принимал Закона о внесении изменений и дополнений в Закон «О президенте Республики Беларусь» и, в частности, в ст. 8, не существует и какого-либо специального нормативного правового акта, по которому А. Г. Лукашенко имел бы законное право баллотироваться кандидатом на выборах президента в 2006 году. Авторы референдума, пытаясь обмануть избирателей, сами попали в правовую ловушку. Очевидность этого факта и толкает Лукашенко в очередной раз на захват государственной власти неконституционным путем.

А. Г. Лукашенко избирался президентом в 1994-м и в 2001 г., т. е. на два срока подряд. Поэтому по отбытии второго срока он подлежит освобождению от должности президента и не вправе баллотироваться на третий срок в соответствии с нормами Конституции и ст. 8 Закона «О президенте Республики Беларусь».

Введение персональных привилегий для одного человека (пусть и самого выдающегося) противоречит принципу равенства, закрепленному в ст. 22 Конституции: *«Все равны перед Законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов»*. Наряду с этим следует особо отметить, что референдум не освобождал государственные органы и институты власти, а также президента Республики Беларусь от соблюдения Конституции до вступления в силу предлагаемых изменений. Это требование установлено статьей 137 Основного закона: *«Конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь»*. Однако справедливые обращения граждан, общественных объединений о необходимости судебной проверки конституционности Указа № 431 были проигнорированы, в том числе Верховным Судом Республики Беларусь (определение об отказе в возбуждении дела, вынесенное судьей Верховного Суда Г. К. Жуковской 21.09.2004 г.). Между тем, согласно ст. 59 Конституции, государственные органы и должностные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод граждан. Эти же требования напрямую относятся и к судам.

Приведенные выше аргументы и выводы относительно референдума 17 октября 2004 г. в Беларуси подтверждаются заключением, принятым на 60-м пленарном заседании Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) 8–9 октября 2004 г.

Сам референдум 17 октября 2004 г. проводился с грубыми нарушениями норм избирательного законодательства и демократических принципов, изложенных в Копенгагенском документе, поддержанном Республикой Беларусь. Результаты референдума не признаны демократической общественностью Беларуси и международными организациями (Совет Европы, ПАСЕ, Европейский Союз, ОБСЕ и др.).

В соответствии с изложенным, итоги референдума 17 октября 2004 г., проведенного с грубым нарушением Конституции и законов Республики Беларусь, являются юридически ничтожными, а основанное на них решение Центральной комиссии о регистрации кандидатом в президенты г-на А. Г. Лукашенко — незаконным. Центральная комиссия в данном случае

не выполнила (уже в который раз) свои функции контроля за исполнением законодательства о выборах, референдуме, и мы вправе ставить вопрос о ее роспуске. К большому стыду, юристы ЦК не удосужились обратиться к действующей норме Закона «О президенте Республике Беларусь» (ст. 8), ограничивающей пребывание одного и того же лица на посту президента двумя сроками, и, не имея на то никаких правовых оснований, зарегистрировали А. Г. Лукашенко кандидатом в президенты на выборах 2006 г. Столь грубое и явное нарушение закона, на мой взгляд, свидетельствует о сговоре членов ЦК с А. Г. Лукашенко.

— *И как разрешилась Ваша жалоба в Верховном Суде?*

— Все та же судья Г. К. Жуковская отказала в возбуждении дела с известной формулировкой: жалоба не подлежит рассмотрению в судах ввиду неподведомственности.

— *Но, может быть, столь высокая судебная инстанция и судьи высшей квалификации правы, и решения Центральной комиссии, которые Вы неоднократно пытались оспорить, не подлежат обжалованию, судебному контролю?*

— Я в действительности не вправе занимать позицию, что «моими устами истина глаголет в последней инстанции». Но давайте обратимся к действующему законодательству, и пусть вывод сделают наши арбитры — читатели.

В соответствии с ч. 1 ст. 60 Конституции *«каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки»*. Норма обладает высшей юридической силой, имеет верховенство по отношению к иным нормативно-правовым актам (ст. 137, 142 Конституции) и призвана гарантировать мое неотъемлемое право на судебную защиту. В Законе «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» установлено, что суды *«призваны защищать от посягательств гарантированные Конституцией и актами законодательства Республики Беларусь личные права и свободы, социально-экономические и политические права граждан, конституционный строй Республики Беларусь, государственные и общественные интересы...»*, закреплено равенство граждан перед законом и что иной (внесудебный) порядок защиты прав и законных интересов отдельных категорий граждан может быть установлен только законами Республики Беларусь (ст. 3–6). Право на судебную защиту также закреплено в ст. 6 ГПК. Часть 4-я данной статьи содержит предписание о том, что *«не допускается отказ в судебной защите по мотивам отсутствия, неполноты, противоречивости, неясности нормативного акта»*.

Правилами ст. 112 Конституции установлено, что *«суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных*

нормативных актов. Если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции, он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным».

Порядок применения судами данной конституционной нормы регламентирован постановлением № 10 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 Закона «О Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов» решения Центральной комиссии могут быть обжалованы в Верховном Суде Республики Беларусь.

Комментируя практику применения ст. 60 Конституции о праве на судебную защиту, Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь Г. А. Василевич подчеркнул, что «даже если для разрешения спора в суде необходимо принятие специального нормативного акта, но он не принят, то и в этом случае у суда нет оснований для отказа в судебной защите: конституционная норма должна иметь непосредственное действие» (Г. А. Василевич. Конституция Республики Беларусь. Научно-практический комментарий. Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. С. 211).

В Комментарий к ст. 245 ГПК, в составлении которого принимали участие судьи Верховного Суда, в том числе и Г. К. Жуковская, отмечается, что «закрепленное в ст. 60 Конституции Республики Беларусь право на судебную защиту не может быть ограничено никаким законодательным актом или иным актом законодательства и не требует специального подтверждения в каком-либо акте законодательства. В силу этого отсутствие в каком-либо акте законодательства указания на возможность обращения в суд с целью защиты того или иного права не свидетельствует об отсутствии у заинтересованного лица права на обращение в суд» (Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь. Минск, 2005. С. 346–347). Такое разъяснение практики применения данной конституционной нормы вполне соответствует содержанию ст. 60 Конституции, закрепившей мое право на обращение в суд за защитой прав и свобод как неотъемлемое право человека. Однако именно со ссылкой на ст. 245 ГПК Верховный Суд и отказал мне и сотням других избирателей в правосудии.

Отказав в возбуждении дела, суд грубо нарушил мое конституционное право на судебную защиту и принял, по моему мнению, политически мотивированное решение, граничащее с преступлением. В связи с этим хочу лишь напомнить судьям Беларуси содержание ныне действующей нормы Кодекса Наполеона: «Судья, который отказывается судить под предлогом

молчания (*silence*), темноты или недостаточности закона, может подлежать преследованию по обвинению в отказе в правосудии». Заодно адресую и к статье 392 УК Республики Беларусь, которая предусматривает уголовную ответственность за вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Правительственные юристы, в том числе и министр юстиции В. Г. Голованов, судьи высших судов, возглавляемые председателями Г. А. Василевичем, В. О. Сукало, В. Н. Каменковым, видимо, прекрасно понимают и отдают себе отчет в том, что правового закрепления в действующем законодательстве Беларуси возможности баллотироваться и исполнять обязанности президента третий срок у г-на Лукашенко НЕТ. Именно поэтому суды уклоняются от открытой и гласной полемики в замечательных дворцах правосудия.

— Вы намерены обжаловать определение судьи Г. К. Жуковской?

— Уже обжаловал и при этом сослался на то, что частная жалоба подлежит проверке по существу в кассационном порядке в силу ч. 3 ст. 115 и ст. 137 Конституции. Установленные же ч. 4 ст. 399 и ч. 4 ст. 433 ГПК ограничения для кассационного обжалования в данном случае приниматься не могут, так как противоречат предписаниям указанных выше норм Конституции. Как видите, моя позиция абсолютно правовая. В случае отказа в удовлетворении жалобы воспользуюсь правом обращения в Комитет по правам человека ООН, на нарушение государством (Республикой Беларусь) моего права на судебную защиту.

Одновременно хочу предостеречь: настойчивое стремление А. Г. Лукашенко удержать власть во что бы то ни стало и продлить срок своих полномочий еще на пять лет преступно, и те, кто действует с ним заодно, должны отдавать себе отчет в противоправности своих действий, влекущих для страны серьезный конституционный и политический кризис, жертвами которого может стать каждый из нас.

*Народная Воля. 2006. 11–12 сак.*

**ПРЕСТУПНЫЙ ЗАКОН, КОТОРЫЙ ПОЗВОЛЯЕТ  
ОСУЩЕСТВЛЯТЬ РЕПРЕССИИ  
ПРОТИВ АКТИВИСТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Активные действия сотрудников КГБ против «молодофронтовцев» заставляют еще раз вернуться к теме о конституционности статьи 193-1 УК и практике ее применения. По этой статье в уголовном порядке преследуются граждане за организацию деятельности либо участие в деятельности политической партии, иного общественного объединения, религиозной организации или фонда, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение уполномоченного государственного органа об их ликвидации или приостановлении их деятельности, либо не прошедших в установленном порядке государственную регистрацию. Санкция статьи предусматривает штраф или арест до 6 месяцев, или лишение свободы на срок до 2 лет. Напомню, что эта статья была принята Парламентом в канун выборов Президента Республики Беларусь (декабрь 2005 г.) и вступила в силу 1 января 2006 г.

Еще до этого Министерство юстиции приняло постановление № 49 от 13.09.2005 г. «О некоторых вопросах создания общественных объединений и их союзов (ассоциаций)». Данным актом установлено, что «при проведении мероприятий политического характера и возможного создания блоков политических партий и профессиональных союзов, а равно создание каких-либо «движений», «инициатив», «коалиций», объединяющих граждан либо юридических лиц, необходимо руководствоваться действующим законодательством и настоящим Постановлением». Нормы постановления предписывают необходимость государственной регистрации, указанных в п. 1 постановления «блоков», «движений», «инициатив» со ссылкой на ст. 7 Закона от 4 июля 1994 г. «Об общественных объединениях», запрещающей деятельность незарегистрированных общественных объединений.

Следует отметить, что по действующему законодательству государственной регистрации подлежат лишь общественные объединения как особая форма объединения граждан, дающая возможность приобретать права юридического лица. Само понятие «юридическое лицо» дано в ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Иные формы реализации гражданами своего права, не требующие создания отдельного самостоятельного субъекта гражданских правоотношений, фиксации членства, регулирования процедур избрания руководящих органов и принятия решений, приобретения обособленного имущества, могут осуществлять свою деятельность без создания общественного объединения и, соответственно, без специальной регистрации. К примеру, граждане, не преследующие коммерческих целей, могут договориться и действовать на основании договора о совместной де-

ятельности или в форме простого товарищества (ст. 911 ГК). Распространение же действия закона «об общественных объединениях» на такие формы объединения граждан означало бы фактическое введение запрета на деятельность без образования юридического лица и, соответственно, без предварительной регистрации, например, родительских комитетов в школах и детских садах, совместных действий жильцов по благоустройству придомовой территории и иные формы самоорганизации граждан, нарушает право граждан на свободу объединений, противоречит закону и здравому смыслу.

Издавая постановление № 49, Министерство юстиции, по нашему мнению, и по форме, и по содержанию вышло за пределы своей компетенции, определенной Положением о Министерстве юстиции Республики Беларусь (пост. СМ РБ № 1605 от 31.10.2001 г.). Однако Совет Министров, куда обратилось Республиканское общественное объединение «Белорусский Хельсинкский Комитет» (БХК), уклонился от рассмотрения обращения, предоставил это сделать тому же Минюсту, на действия которого мы и жаловались.

Анализ содержания (или, как говорят юристы, диспозиция): ст. 193 ч. 2 и ст. 193-1 УК показывают, что привлечение к уголовной ответственности возможно не только за деятельность, причиняющую вред национальной безопасности, правам и свободам граждан, но и за организацию деятельности либо участие в деятельности любого незарегистрированного в установленном порядке общественного объединения независимо от направленности такой деятельности и ее последствий. То есть любая организованная инициатива активных граждан, преследующих благие намерения и действующих для общественной пользы, но без регистрации объединения, может повлечь уголовное преследование и наказание вплоть до лишения свободы до двух лет.

Именно такой подход к применению уголовной ответственности воспринят судебной практикой. Напомню, судом Центрального района Минска в феврале 2006 г. к различным срокам лишения свободы были приговорены Т. Дранчук, Н. Острейко, А. Шалайко, Э. Броницкая, признанные виновными в организации деятельности и участия в деятельности незарегистрированного общественного объединения «Партнерство». Молодые люди ставили целью наблюдение за проходившими выборами в Палату представителей. Рассматривая их дело, суд не согласился с квалификацией действий обвиняемых, данных органами прокуратуры, и переквалифицировал их на статью 193-1 УК. В приговоре отмечено, что государственным обвинением не представлено суду доказательств, а в судебном заседании таких доказательств не добыто, которые свидетельствовали бы о том, что вышеуказанная деятельность была сопряжена с посягательством на права, свободу и законные инте-